

СИЛЬВИ САЛУПЕРЕ

О метаязыке Юрия Лотмана:
проблемы, контекст, источники

СИЛЬВИ САЛУПЕРЕ

О метаязыке Юрия Лотмана:
проблемы, контекст, источники

Институт философии и семиотики факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета, Тарту, Эстония

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по семиотике и теории культуры 20 ноября 2017 года решением Совета института философии и семиотики Тартуского университета

Научный

руководитель: Ирина Аврамец, PhD

Оппоненты: Петер Гржибек, PhD, профессор Грацского университета имени Карла и Франца (Австрия)

Кястутис Настопка, PhD, профессор-эмеритус
Вильнюсского университета, Центр по семиотике и теории литературы имени А. Ю. Греймаса (Литва).

Защита состоится 10 января 2018 г. в 12.15 в ауд. 336 (ул. Якоби 2, Тарту)

Исследование осуществлено при поддержке Европейского Фонда регионального развития (Центр теории культуры СЕСТ) и гранта IUT2-44 Эстонского научного агентства.

European Union
Regional Development Fund

Investing in your future

ISSN 1406-6033

ISBN 978-9949-77-641-2 (print)

ISBN 978-9949-77-642-9 (pdf)

Copyright: Сильви Салупере, 2017

University of Tartu Press

www.tyk.ee

ПРЕДИСЛОВИЕ

Толчком к выбору темы при поступлении в докторантуру в 2004 году послужил тот прискорбный факт, что при столь большом количестве работ о Ю. М. Лотмане, появившихся в разных странах за десятилетие после его смерти, на отделении семиотики Тартуского университета еще не было защищено ни одной работы по его наследию. Я решила восполнить этот пробел. По разным причинам работа затянулась, и Пеэт Лепик успел защитить свою замечательную диссертацию об универсалиях Ю. Лотмана в 2008 году.

В течение всего долгого пути к завершению этой работы меня всячески подбадривали и поддерживали мои коллеги, огромное им всем спасибо. Благодарю моих студентов разных поколений, которые постоянно давали свежую пищу сомнениям, открывая глаза на новые и зачастую совершенно неожиданные возможности интерпретации. Без этого опыта моя работа выглядела бы совсем иначе.

Отдельная благодарность моим литовским друзьям из центра Греймаса, а также Myrdene Anderson, Dinda Gorlée и Donna West, разговоры с которыми поддерживали интеллектуальный и эмоциональный тонус.

Невозможно перечислить всех людей, которые помогли мне словом и делом. Все же хочется выделить первых внимательных и доброжелательных читателей Пеэта Лепика и Марину Гришакову, чьи замечания и советы способствовали улучшению как содержательной, так и формальной стороны моей работы.

Выражаю признательность своему научному руководителю Ирине Аврамец, которая великодушно делилась своим мнением, богатством знаний и своим долгим опытом ученичества у Лотмана, проявляя при этом терпение при удержании меня в рамках академического дискурса.

Особая благодарность Анн Мальц и Ульви Урм, которые оказывали всяческое содействие и сыграли значимую роль в процессе написания работы.

Неоценима поддержка семьи, особенно Аало, которая оберегала мой покой, кормила и поддерживала во всем.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Методология и материал исследования	8
1. ИСТОРИОГРАФИЯ	11
1.1. Трудности изучения терминологии и методологии Ю. М. Лотмана и ТМШ	11
1.2. Споры о философских, терминологических и методологических истоках	12
1.3. «Эзотеризм» и «эkleктизм» метаязыка	22
1.4. Проблема выделения этапов теоретического пути Лотмана	26
2. МЕТАЯЗЫК Ю. М. ЛОТМАНА КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	32
2.0. Зарождение нового метаязыка	34
2.1. «Трилогия» – в поисках методологической основы для описания художественного текста	36
2.1.1. Три введения (задачи и цели)	40
2.1.2. Структурный (моделирующий) и семиотический (знаковый, коммуникативный) подходы	42
2.1.3. Знак и сигнал	45
2.1.4. Элемент, единица, сегмент	47
2.1.5. Материальность – действительность	51
2.2. Между структурализмом и семиотикой	58
2.2.1. Вторичные моделирующие системы	65
2.2.2. Синтагматика–синтактика	67
2.3. Описание семиотической системы	69
2.3.1. Текст	70
2.3.2. Система	71
2.3.3. Культура	74
2.3.4. Семиосфера	78
2.3.5. Дискретность и континуальность	81
2.3.6. «Контрастная» семиотика	86
2.4. Некоторые выводы	88
ЛИТЕРАТУРА	93
ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЕЙ	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	101
СТАТЬИ	105
КОККУVÕTE	201
CURRICULUM VITAE	205
ELULUGU	207

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей диссертации – исследовать проблемы, связанные с изучением метаязыка Юрия Лотмана, проанализировать источники и проследить генезис этого метаязыка. Говоря о феномене языка научной школы в предисловии к «Материалам к словарю терминов ТМШ», Пезтер Тороп отмечает, что «исследование наследия ТМШ необходимо расширить прежде всего в той среде, которая пропитана идеями этой школы, где существуют представители поколения «свидетелей» школы и где доступны все научные труды членов школы» (Тороп 1999: 10). Ощущение причастности к этой среде обязывало и вдохновляло автора при написании этой работы.

Диссертация состоит из вводной главы и четырех ранее опубликованных статей по данной теме.

Вводная глава делится на две части. В первой представлены методология и материал исследования, а также история изучения вопроса. Во второй описывается лотмановский метаязык как динамическая система: его формирование, структура, динамика, соотношение между разными слоями метаязыка и между отдельными понятиями. Вторая часть включает в себя три подчасти, с разными доминантами. Первая из них, самая объемная, рассматривает «трилогию»¹, в которой вырабатывается лотмановская методология анализа художественного текста. В следующей рассматривается соотношение структуралистского и семиотического пласта в метаязыке Лотмана. Третья изучает фундаментальные вопросы описания семиотической системы – отношения семиотических систем ко всему внеположному этим системам и отношение статики к динамике.

Статья (I) «**О понятии «перевод» в трудах Юрия Лотмана**» посвящена употреблению понятия «перевод», а также находящимся с ним в одном семантическом поле понятий («перекодировка», «эквивалентность», «трансформация», «транспозиция»). Рассматриваются возможные связи и пересечения с идеями Романа Якобсона и Луи Ельмслева. Выделяются два «пика» в динамике употребления слова «перевод» на страницах трудов Лотмана. Первый совпадает с увлечением Лотмана структуралистской поэтикой, с появлением «трилогии». Второй пик связан с размышлениями над феноменом культуры, над ее типологическими характеристиками.

Статья (II) «**От текста к культуре. К вопросу о лотмановской типологии культуры**» прослеживает поиски метаязыка описания культуры и вопросы построения типологии культуры. В итоге делается заключение, что поиски оптимального метаязыка описания для построения типологии культуры, разработка проблемы универсалий и выделение основных параметров типологии культуры, чем Лотман занимался по меньшей мере в

---

¹ Здесь и далее *трилогией* мы называем три монографии Лотмана: «Лекции по структуральной поэтике» (ЛСП, 1964), «Структура художественного текста» (СХТ, 1970) и «Анализ поэтического текста» (АПТ, 1972).

течение 25 лет, привели его к выделению двух главных универсалий, обладающих механизмом удвоения, своеобразного моделирования, – естественный язык и пространственность.

Статья (III) **“On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of Tartu–Moscow School”** (написанная в соавторстве с Пеэтером Торопом) рассматривает процесс зарождения семиотики культуры и соответствующего метаязыка в рамках Тартуско-московской школы. Специальное внимание уделяется интерпретации понятий и трудностям перевода, которые напрямую связаны с неверной интерпретацией. План статьи был составлен авторами совместно. Статья состоит из четырех частей, из которых вводная и заключительная написаны П. Торопом, две средние части («Семиотика культуры и ТМШ» и «Тезисы») написаны мною.

Статья (IV) **“The cybernetic layer of Juri Lotman’s metalanguage”** фокусируется на важной составляющей лотмановского метаязыка – понятиях, связанных с теорией информации и кибернетики. Главное внимание уделяется понятиям «механизм» и «устройство», которые появляются у Лотмана уже в начале 1960-х годов, Цель статьи – проследить пути появления их в метаязыке Лотмана и показать, что употребление их не случайное и произвольное, а наоборот – они формируют и характеризуют важную часть лотмановского мышления.

Список сокращений

АПТ	Анализ поэтического текста
ВММ	Внутри мыслящих миров
ВМС	вторичная моделирующая система
КиВ	Культура и взрыв
ЛСП	Лекции по структуральной поэтике
НМК	Непредсказуемые механизмы культуры
СХТ	Структура художественного текста
ТЗС	Труды по знаковым системам
ТМШ	Тартуско-московская школа

Методология и материал исследования

Предметом нашего исследования является лотмановский метаязык. Понятие **«метаязык»** употребляется нами в значении «язык описания», который должен отличаться от «языка объекта». Вячеслав Иванов, член ТМШ, пишет «В лингвистике термин «метаязык» принято /.../ употреблять /.../ как обозначение языка, используемого для исследования другого языка» (Иванов 2004: 8).

Более строгое «логическое» определение метаязыка предложено Ельмслевым: «метаязык – это семиотическая система, планом содержания которой является другая семиотическая система (естественный язык)»

(Ельмслев 2006: 97). Иначе говоря, это язык, описывающий другой язык. Метаязык глоссематики – аксиоматическая система, состоящая из определенного количества начальных концептов, из которых образуются все остальные. Так получается «чистая алгебра» лингвистики. План Лотмана был, вероятно, не таким амбициозным, тем не менее, Ельмслев послужил для него одним из примеров.

Лотман неоднократно высказывался о метаязыке, у него есть две статьи, где подробно обсуждался вопрос метаязыка (Лотман 1969 [1968]; 1977). Метаязык в науке выполняет для него «роль некоторой системы, масштабами и мерками которой мы измеряем изучаемый объект» (Лотман 1970в: 86–87), при этом важно не путать язык объекта и язык описания: «Фундаментальным положением логики является то, что язык объекта и язык описания (метаязык) составляют две иерархически различные ступени научного описания, смешение которых недопустимо» (там же, 89–90).

К этому вопросу он возвращается и в заключительной главе ВММ: «В разных областях науки актуализируется одна и та же проблема – проблема языка, взаимодействия метаязыка описания и описываемого объекта» (Лотман 1996: 380). В то же время он понимает, что совсем оторваться от своих объектов язык описания не может:

Метаязыки принадлежат науке. Следовательно, если мы говорим о науке, познающей сознание (текст, культуру), то метаязык должен находиться вне этих феноменов. Между тем метаязыки науки (равно как и сама наука) лишь отчасти находятся вне этих объектов, в определенном смысле принадлежа им и располагаясь внутри них. /.../ Даже научные тексты, которые должны были бы создаваться в пределах «чистых» метаязыков, «засоряются» аналогиями, образами и другими заимствованиями из иных, чуждых им, семиотических сфер. (Лотман 2000г [1981]: 587–588)

Используемая нами методология с необходимостью включает чисто дескриптивную часть: важно выделить из корпуса текстов Лотмана те повторяющиеся понятия, которые подпадают под определения метаязыка. Понятно, что эта задача напрямую связана с анализом и синтезом. С одной стороны, элементы метаязыка мы можем выделить только аналитическим путем – изучая лотмановские тексты и выделяя понятия и отношения этих понятий. С другой стороны, наша задача – показать, что эти понятия образуют некую систему. Можно сказать, что мы напрямую следуем заявленной Лотманом в статье «Литературоведение должно быть наукой» методике, которая, в свою очередь, во многом следует ельмслевской:

Таким образом, перед исследователем встает задача определить элементарные значимые единицы данной системы (каждая из них будет представлять собой набор дифференциальных признаков) и правила их соединения в более комплексные значимые единицы. Применяемая при этом научная методика будет единой для всех уровней художественного произведения (от самых простых до наиболее сложных) и совпадет с приемами

изучения других моделирующих систем (языка, мифа и т. д.). Разумеется, что и сами элементы, и правила их соединения будут в каждом случае различны. (Лотман 1997а [1967]: 765)

По типу исследования наш подход, как представляется, близок к «метапоэтике» Стайнера, который рассматривал понятийную систему русского формализма, исследуя «поэтику в терминах самой поэтики, точнее в терминах тропов, которые формировали формалистский дискурс» (Steiner 1984: 37). Но, в отличие от Стайнера, мы не представляем лотмановский метаязык как состоящий из одних метафор.

Из работ, посвященных Лотману, некоторым примером для нас служили статьи Карла Аймермахера, который называет теорию Лотмана «семиотическим вариантом интегративной культурологии» и заключает, что «исследовательский аппарат Лотмана /.../ состоит из искусственно структурированных моделей, с помощью которых изучаются отдельные аспекты достаточно сложных культурных явлений» (Аймермахер 2001: 363). Но в статьях Аймермахера рассматривается только период до начала 1980-х, наше же исследование включает и 1980-е–1990-е годы.

Важным подспорьем послужили для нас «Материалы к словарю терминов Тартуско-московской семиотической школы» (Левченко, Салупере 1999), где треть из всех включенных в словарь понятий взята из текстов Ю. М. Лотмана. Но целью составителей словаря было описание метаязыка ТМШ, и материалом служила издаваемая в Тарту серия «Трудов по знаковым системам» и сопутствующие ей сборники тезисов Летних школ. Наше же исследование охватывает значительно более широкий круг источников.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

В этой главе мы даем краткую историографию вопроса, распределяя работы по четырем тематическим группам, наиболее существенным, с нашей точки зрения. Понятно, что темы эти пересекаются и перекликаются, высвечивая проблемные пункты.

1.1. Трудности изучения терминологии и методологии Ю. М. Лотмана и ТМШ

Приступая к рассмотрению метаязыка Юрия Лотмана, мы вполне осознаем, что отправная точка влияет на сам процесс описания и анализа этого метаязыка и во многом определяет результаты работы. Нашей отправной точкой является убеждение, что можно и нужно говорить об особом, лотмановском метаязыке и нас интересует его генезис, когерентность и системность. Задача эта не из легких. Игорь Чернов, ученик и коллега Лотмана, хорошо описал главные камни преткновения:

Описать историческую и концептуальную систему Ю. М. Лотмана довольно сложно. И не только потому, что сами концепции находятся в постоянном развитии, он легко отбрасывает их и заменяет новыми, не заботясь о судьбе своих недавних идей, но и потому, что их трудно представить как систему. Без сомнения, такая система существует, но ее выявление осложнено и необычайной широтой материала, на котором и для объяснения которого она создана, и боязнью упустить нечто существенное, характерное для Ю. М. Лотмана как мыслителя. (Чернов 1997: 10)

Это было написано в 1982 году, после этого прибавилось еще одно десятилетие напряженных творческих поисков и впечатляющее количество текстов, что, разумеется, еще более усложняет нашу задачу. Если И. Чернов в существовании лотмановской системы не сомневался, то Пезтер Тороп считает, что «у Лотмана нет сформулированной на едином метаязыке семиотической доктрины, поиски такой доктрины приведут к ощущению противоречивости взглядов Ю. М. Лотмана. /.../ Ю. М. Лотман не столько методолог, сколько мыслитель /.../. В этом мыслительном процессе он един, продуктивен и заразителен» (Тороп 1995: 232). Здесь важно отметить отличие «системы» от «доктрины» – вторая более конкретная и обязывающая. Можно сказать, что наша задача показать как раз единство «мыслительного процесса», что выражается в динамической модели лотмановского метаязыка.

В описании становления ТМШ, ее теоретического базиса (философские основы, терминология и методология) ценным источником информации служит самоописание ТМШ и труды самого Лотмана, в которых он постоянно рефлексировал над своим терминопотреблением, возвращается к

вопросам использования метаязыка. В то же время одна из трудностей изучения генезиса и разных влияний на лотмановский метаязык состоит в том, что, как отметил И. Чернов, «Ю. М. Лотман большее удовольствие и большие импульсы получал от чтения источников (то есть художественной литературы), чем от чтения научных работ. Может быть, именно эта «неначитанность» во многом и привела «к появлению глубоко оригинальной и выдержавшей испытание временем научной теории» (Чернов 1997: 10).

Описания Тартуско-московской школы с точки зрения генезиса идей, влияний, используемого (мета)языка можно разделить на две большие группы: взгляд изнутри (саморефлексия школы) и извне. Далее обе группы источников можно разделить по времени и по месту публикации на отечественные и иностранные работы.

Хотя разнородность и отсутствие единого метаязыка признаются подавляющим большинством исследователей, все же делаются попытки выделить ключевые понятия, которые напрямую связываются именно с ТМШ. Но в итоге все эти характеристики, как и выделенные термины, применимы и к работам Лотмана, что очередной раз подтверждает пространенное и – на наш взгляд – справедливое мнение: именно Лотман был центральной фигурой школы как таковой. Приведем ниже краткий обзор высказываний о метаязыке Лотмана (ТМШ), двигаясь от более общего к частному, от попыток описания философских основ и влияния на метаязык Лотмана и ТМШ в целом, – к конкретным перечням элементов метаязыка.

1.2. Споры о философских, терминологических и методологических истоках

При обсуждении проблемы генезиса идей и методов ТМШ (в частности, при выявлении прямого, непосредственного влияния), разными исследователями в первую очередь отмечается влияние формальной школы² (которое в ТМШ прямое, в отличие от западного структурализма). В своей неопубликованной статье «Структурализм в литературоведении» (см.: Пильщиков 2012) Лотман всячески подчеркивает связь с предыдущей литературоведческой традицией и то, что в ТМШ встретились и благотворно взаимодействовали ленинградская (литературоведческая) школа и московская (более ориентированная на лингвистику).

В (само)описаниях школы преобладает тенденция считать ТМШ не единой научной школой, а неким сообществом, противостоящим тогдаш-

---

² Ср.: «Однако, в полной мере отдавая должное идеям, выдвинутым теоретиками ОПОЯЗа, надо решительно возражать против часто высказываемой мысли о формализме как основном источнике структурализма или даже о тождестве этих двух научных направлений. Структурные идеи выкристаллизовывались как в работах формалистов, так и в трудах их противников» (АПТ, 17).

нему академическому истеблишменту, «модусом вивенди», способом самовыражения в условиях ограниченной свободы и «поиском наиболее адекватного выявления своей сущности», по словам Пятигорского. Это «неединство», заявленное и в предисловии к первому сборнику Трудов по знаковым системам, – «Редакция не считала полезным искусственно унифицировать точки зрения» (Редколлегия 1965: 6) – отражается, естественно, и в метаязыке школы.

Хотя в настоящее время к названию ТМШ часто прилагается определение «семиотическая», во времена активности школы четкого разделения между структурализмом и семиотикой не проводили. Так, один из участников школы, **Дмитрий Сегал**, описывая начало структурализма в СССР, отмечает, что употребляет термины «структурализм» и «семиотика» как синонимы, следуя сложившейся в то время традиции. Истоки структурно-семиотического подхода, выработанного учеными Сектора структурной типологии, были в понимании Соссюром лингвистики как части более общей теории о знаках. Сегал выделяет роль Себастьяна Шаумяна, который впервые ввел в советскую науку термины «структурная лингвистика» и «структурализм», оставаясь при этом в рамках лингвистики. (Segal 1974: 3–4)

Все исследователи (и сами участники) подчеркивают именно влияние Соссюра и структурной лингвистики; семиотику Пирса и Морриса знали хуже и популярностью она не пользовалась. **Петер Тороп**, сам участник школы, так описывает истоки ТМШ:

Большинство представителей тартуской школы знали иностранные языки и были весьма эрудированы, но об ориентации на какую-либо западную школу все же говорить нельзя. Западные работы, конечно, были известны, но они играли роль не в традиции, а в генезисе (в смысле Тынянова) отдельных участников направления. Почти не было интереса к классической семиотике в духе Ч. У. Морриса; хорошо знали лингвистические работы от Ф. де Соссюра до Н. Хомского, структурную антропологию (К. Леви-Стросс), работы Пражского лингвистического кружка и т. д. (Тороп 1995: 225)

Ян Левченко, редактор и основной составитель «Материалов к словарю ТМШ», помещает терминосистему школы в более широкий научный контекст, сравнивая ее с аналогичными явлениями в науке XX века, и приходит к выводу о ее большей близости «Новой критике», «по концептуальной пестроте ненамного отличающейся от искусства, нежели, скажем, деконструктивизму и нарратологии» (Левченко 1999: 20)

Немецкий ученый **Петер Гржибек** наиболее обстоятельно рассматривает вопрос, привлекавший внимание многих исследователей, – о взаимосвязи между ТМШ и бахтинской школой, находя точки соприкосновения в определении языка «в широком (семиотическом) смысле как понятия, относящегося к любой знаковой системе», и в понимании «текста» как относящегося «не только к вербальной сфере, но и к любому знако-

вому комплексу» (Гржибек 1995: 242). Но в понимании «текста» он видит и важное различие между двумя школами: «не каждый «текст» в бахтинском понимании – это «текст» для культурной семиотики МТШ³, но каждый «текст» в понимании МТШ – это «текст» в терминологии Бахтина». У Бахтина, по мнению Гржибека, две семиотические концепции, основывающиеся «на «тексте», но, если первая тяготеет к «языку», то вторая – к «высказыванию»» (там же, 244). В работах Лотмана, начиная со второй половины 70-х, он видит изменения: «новое понимание текста в поздних работах Ю. М. Лотмана гораздо ближе бахтинской семиотике и семиотике Пирса, чем семиотике Соссюра» (там же, 250).

Наталья Кузьмина расширяет бахтинское поле влияния: «Ю. Лотман органически соединяет идеи структуралистов с гумбольдтовско-потемнинско-бахтинской традицией. Можно сказать, что Лотман прочитывает Бахтина в контексте структуральной поэтики, и это прочтение дает весьма плодотворные результаты» (1999: 15).

Михаил Лотман обращает внимание на тот факт, что «кибернетическая проблематика переводилась» в МТШ «в философскую плоскость, а эвристические приемы кибернетики (/.../метод “черного ящика”, принцип обратной связи и гомеостаза и т.п.) воспринимались в качестве положений, имеющих общенаучное методологическое значение» (М. Лотман 1996: 84).

В 2009 году вышел спецномер НЛО, целью которого было, по словам редактора А. Дмитриева, «дать ответы на важные вопросы о генезисе и характере развертывания семиотического проекта». Большая часть публикации была посвящена МТШ. **Виктор Живов**, размышляя о месте школы в мировой науке, считает, что МТШ «оказалась практически полностью глуха к философской проблематике. Советские семиотики ни Хайдеггера, ни Ясперса, ни Гуссерля, ни Гадамера, ни философов Франкфуртской школы, как правило, не читали» (2009: 23) и создавали свои категории «заново», в то время как французские или немецкие спокойно пользовались запасом, созданным философией XX века.

В том же номере **Илья Калинин** вслед за Пятигорским утверждает, что «переход от семиотики 1960-х к семиотике 1970-х – первой половины 1990-х можно обозначить как переход от утопии построения универсального метаязыка к историософии универсального объекта русской культуры», и что «к концу 1980-х годов московско-тартуская семиотика практически полностью утрачивает методологическую и теоретическую связь со структурализмом» (2009: 34). Относительно возможностей метаязыка он настроен скептически: «семиотический метод игнорировал моделирующий момент, запускаемый его собственным метаязыком», и семиотика, являясь частью русской культуры, постоянно отождествляет (или смешивает) язык объекта и язык описания (там же, 46). Упрек не очень понятен,

---

³ Московско-тартуская школа.

кроме того, Ю. М. Лотман уже как бы «ответил» на него в интервью, данном в начале 1980-х:

Семиотика, изучая культуру, как бы расположена вне ее, но как часть культуры она в нее включена. Научный метаязык активно включается в живые культурные процессы, теряет определенность, но стимулирует развитие интеллектуальных процессов в обществе. (Лотман 2003: 117)

Одна из первых попыток связать Юрия Лотмана с философской парадигмой была предпринята в статье эстонского философа **Райво Ветика**, который проецирует лотмановскую семиотику на эпистемологическую оппозицию платонизм – аристотелизм. Он также утверждает, без указания на источник, что по мнению Лотмана, «как семиотика Пирса, так и семиотика Соссюра исходят из принципа атомизма, что приводит к уподоблению теории с действительностью» (Vetik 1992: 2055). На следующей странице автор говорит, что «надо согласиться с Лотманом в том, что у Соссюра есть тенденция уподоблять теорию и действительность», тогда как, по мнению самого Лотмана, в его собственной концепции этой проблемы не существует (там же, 2056). В конце концов, вольно интерпретируя Лотмана, Ветик приходит к нужному ему выводу: Лотман типичный платоник, который доводит исходную соссюрианскую (платоновскую) семиотику до ее логического предела (там же, 2059). Особенно странно выглядит сконструированный Ветиком на основе риторического вопроса Лотмана («Не является ли весь универсум сообщением, входящим в еще более общую семиосферу? Не подлежит ли вселенная прочтению?») образ Читателя Универсума (sic! – С.С.), носителя диалога, который уподобляется ньютоновскому Богу. Оба они выполняют функцию внешней силы, необходимой для поддержания платоновской конструкции (там же). Правильнее все же было бы сказать – конструкции Райво Ветика.

Михаил Лотман отмечает дистанцирование Ю. М. Лотмана от философии: «лишь незадолго до смерти он позволил некоторые генерализации, приближающиеся к философскому дискурсу» (М. Лотман 1995: 215). М. Лотман считает Ю. Лотмана кантианцем, и среди повлиявших на него мыслителей отмечает среди прочих Ф. Шиллера и В. Гумбольдта. Мы не будем здесь углубляться в вопрос о философских истоках Лотмана, тем более, что в его метаязыке философские категории употребляются редко и внимание ученого на них не фокусируется. Что касается вопроса «Лотман и марксизм», поднятого в статье **Михаила Гаспарова** (1996), то, как нам кажется, использование марксистской фразеологии во многом было защитой от нападений на структурализм (ср.: «Методологической основой структурализма является диалектика. Одним из основных принципов структурализма является отказ от анализа по принципу механического перечня признаков /.../ исследователь не перечисляет “признаки”, а строит модель связей», – писал Лотман в статье «Литературоведение должно быть наукой»).

Говоря о возможных философских основах мышления и метаязыка Лотмана, нужно обязательно отметить глубокое исследование **Петра Лепика**, который приводит параллели лотмановских идей с феноменологией, особенно с Гуссерлем. Лепик пишет, что

в феноменологическом мире Гуссерля и Лотмана метод и реальность не являются онтологическими противоположностями, т. к. в онтологическом редуцированном пространстве интеллект, текст и метатекст (метод) могут, по логике вертикального изоморфизма, меняться местами – они находятся в отношении комплементарности. (Lepik 2008: 159)

Думается, что здесь действительно можно найти точки соприкосновения, хотя, возможно, не столь явные, как утверждает Лепик⁴. Между прочим, Пятигорский полусхематично заявляет, что интерес Лотмана к философии проснулся после ознакомления с его статьей «О некоторых теоретических предпосылках семиотики» (1973): «В этой статье я попытался представить себе возможность семиотики как какой-то, пусть элементарной феноменологии. И Юрию Михайловичу эта статья очень понравилась. И он потом тоже стал заниматься философией. Иногда.» (Пятигорский 2002). По мнению Лепика, Пятигорский в своей критике понятия семиосферы как примера онтологизации, «натурализации» объекта исследования «не учел того, что в феноменологическом смысле генерируемые интеллектом (текстом) акты обмена информацией ((авто)коммуникация) в семиосфере не «натуральные» и не психологические – они семиотические. Точнее, интеллект, текст и культура ведут себя как «семиотические личности», и понятие ‘личность’ нужно рассматривать в виде эйдетического объекта – монады» (Lepik 2008: 162–163).

Вячеслав Иванов свидетельствует (он говорит преимущественно о раннем этапе): «Лотмана больше интересовали самые абстрактные области математики, такие, как топология. /.../ В этом отношении /.../ ему был ближе Ю. К. Лекомцев, соединивший углубленные занятия математикой с опытами продолжения глоссематики Ельмслева – едва ли не наиболее точного из тогда существовавших вариантов семиотики» ((Иванов 1994: 486). Из западных ближе всего к ТМШ были Якобсон, Пражская школа, а «отношение к русским формалистам было значительно более сдержанным» (там же: 487–488).

Эми Манделкер видит развитие семиотики ТМШ (в качестве примера она берет Лотмана) как движение «из соссюррианской лингвистики и математических процедур к биологическому, организмическому (*organismic*) подходу» (Mandelker 1994: 385), венцом которого становится специализированный и биологизированный (*spatialized and biologized*) концепт семиосферы (там же, 395). Работая в парадигме феминистской критики, автор

---

⁴ См.: Grishakova 2009: 182–183, где указывается на возможное влияние русских гуссерлианцев и феноменологов (особенно ученика Шпета Григория Винокура и его «Биографии и культуры») на Лотмана.

приходит к обескураживающему выводу, что «биологическая метафора у Лотмана воспроизводит сексуальное доминирование» (там же, 393).

Богуслав Жилко, напротив, называет Лотмана антинатуралистом и выделяет три термина – «модель», структура», «знак», считая, что именно вопросы взаимоотношений между этими терминами и их неоднозначность стали причиной неприятия и непонимания его идеи (Żyłko 2001: 395). В более поздней статье он характеризует лотмановский структурализм как «гибрид в форме структурной семиотики» и называет его «нетипичным структуралистом» (2014: 6). Жилко отмечает и роль термина «перевод», важность которого постепенно растет и становится ключевым понятием в последних публикациях (там же, 10). Возрастающую роль философии он считает одним из ведущих элементов эволюции Лотмана, который начал со структурной поэтики и кончил проблемами, которыми занимается культурная антропология. Этим вызван и отказ от жесткой дихотомии (появление тернарных и более комплексных структур), и вхождение в его лексикон таких «персональных» понятий, как сознание, семиотическая личность и диалог (там же, 14).

В том же русле **Алексей Семененко** в своей монографии представляет лотмановскую теорию как холистический и интердисциплинарный подход к культуре, где прослеживается последовательность и интегрированность лотмановских идей, связь между ранними и поздними работами (Seмененко 2012: 2). Выделяя использование Лотманом терминов «сознание», «интеллект» и «мышление», он показывает, что лотмановский концепт семиосферы превращается в модель познания (там же, 6). Основными принципами лотмановской семиотики Семененко считает «принцип культурного изоморфизма, который постулирует, что все семиотические сущности (от индивидуального сознания до тотальности человеческой культуры) базируются на похожих гетерогенных механизмах смыслопорождения, – и принцип *текстуальности культуры*. Оба принципа неразрывно связаны и вместе конституируют лотмановский подход к культуре» (там же, 46).

Михаил Лотман считает особенностью ТМШ (опять-таки, в статье речь идет именно о Юрии Лотмане) ее подчеркнутую «текстоцентричность: не язык, не знак, не структура, не бинарные оппозиции, не грамматические правила, а текст является центром ее концептуальной системы (М. Лотман 1995: 214). В другой статье он возвращается к этой мысли, рассматривая на сей раз семиотику культуры как выражение этой текстоцентричности. В этом он видит и отличие ТМШ (и Ю. Лотмана) от классической парадигмы структурализма (М. Лотман 2002: 14).

Сергей Зенкин в уже упомянутом спецномере НЛО уверяет, что «Юрий Лотман никогда не был структуралистом-ортодоксом, если понимать структурализм как абсолютное преобладание синхронии над диахронией /.../интеллектуальный путь Лотмана привел ученого к историческому переосмыслению отношений континуального и дискретного, а тем самым, следует признать, и вывел его за рамки семиотики, в область социально-

философской рефлексии» (Зенкин 2009: 63). В этом описании проглядывается приравнивание семиотики и структурализма, и таким образом семиотике отказывают в способности к социально-философской рефлексии.

Ему вторит **Илья Калинин**, по мнению которого: «для позднего Ю. М. Лотмана проблематичной становится возможность построения *универсальной грамматической модели истории*. История сопоставляется им с явлениями, наименее поддающимися какой-либо концептуализации, тем более семиотической» (Калинин 2009: 49). Поэтому он выбирает риторический способ описания, и этот путь синтеза приводит «к осознанию риторической изоморфности языка-объекта и претендующего на его адекватное описание метаязыка» (там же, 55).

Попадаются и курьезные книги: например, один автор считает свое исследование «первой попыткой системного анализа и феноменологической критики метода тартуской школы» (Чередниченко 2001: 8). Увы, до анализа (не говоря уж о «системном») дело не дошло; виновата в этом, видимо, созданная ТМШ научная система, которая «открывается как замысловатая логико-грамматическая фигура, тревожащая познающий дух своей загадочностью и совершенством» (там же, 6). Что касается феноменологической критики, то Чередниченко не одинок, его упреки во многом напоминают (местами дословно) намного более квалифицированную и аргументированную критику Дениса Соболева (2008).

Умберто Эко в своем предисловии к ВММ вкратце пересказывает написанную для итальянского журнала «*Strumenti critici*» (1967) статью Лотмана «О точных методах в русском литературоведении», где Лотман изложил основы своего исследовательского метода. Для нас представляют интерес два замечания в скобках самого Эко. В первом он уточняет, что, говоря о привлечении в литературоведение методов семиотики (помимо структурализма, теории информации, кибернетики и математико-статистического анализа), «Лотман думал и о пирсовской семиотике», во втором говорит, что «Лотман с самого начала представлял семиотику когнитивной наукой⁵» (Эко 1996: 409). Сложно сказать, что имеется в виду под «думал о пирсовской семиотике», – во всяком случае, эксплицитно это у Лотмана почти нигде не проявляется, но о когнитивности лотмановской семиотики говорят и другие исследователи.

Немецкий ученый **Карл Аймермахер** который известен своими обширными исследованиями о русской культуре, пишет, что советская семиотика в целом тяготела не к теоретизированию, а была прежде всего дескриптивной. Именно Аймермахер дает уже в 1974⁶ году наиболее целостное описание методологии и метаязыка Лотмана. Отмеченную им несистемность и терминологическую неточность Аймермахер объясняет тем, что для Лотмана важно было прежде всего обратить внимание на но-

---

⁵ О связях Лотмана с когнитивистикой подробно говорит Edna Andrews (2003).

⁶ Lotman, Ju.M. 1974. *Aufsätze zur Theorie und Methodologie der Literatur und Kultur*. Kronberg, VII–XXV. См. также: Eimermacher 1986.

вые проблемные области: он был генератором идей (Аймермахер 2001: 352–353).

Аймермахер «досоздает» систему и утверждает, что в своих работах Лотман четко различал предмет, цели и методы исследования. Предмет исследования – это «явления культуры, которые могут быть представлены как “тексты” и являются в конечном счете проявлениями человеческого сознания»; это в схематичном виде представляется Аймермахером следующим образом:

Д
К/С
ОТ/М/ЗП

(Д – действительность; К – культура; С – сознание; О – отправитель; Т – текст; М – модель; З – знак; П – получатель) (там же, 356).

В понятийной системе Лотмана Аймермахер выделяет понятия «знак», «структура», «система» и «модель» (которые он называет «основными семиотическими терминами»), а также «язык» и «текст» (там же, 360) Аймермахер перечисляет еще ряд понятий, которые «по-прежнему играли важную роль при научной характеристике коммуникативных моделей, а также более широких культурных процессов – “автоматизация”/“деавтоматизация”, “стабильность”/“нестабильность”, “доминантность”/“недоминантность”, “центр”/“периферия”, а также “память”» (там же, 361).

К вопросу о возможных влияниях и взаимоотношениях между французскими и тартускими семиотиками исследователи обращались неоднократно (см., напр.: Валаховская 1998, Б. Гаспаров 1998, Автономова 2009). Отмечались и сходства, и взаимовлияния в метаязыке. Так, **Ренате Лахман** указывает на родство лотмановского понятия «текстового знака» с «интертекстуальностью» Кристевой: «Текстовый знак у Лотмана /.../ несомненно является понятием, родственным разработанному Михаилом Бахтиным и Валентином Волошиновым металингвистическому понятию «диалогичности», а также понятию «интертекстуальности» у Юлии Кристевой» (Лахман 1995: 201), а по мнению Н. А. Кузьминой нетрудно заметить, «что понятия *семиосферы, семиотического пространства, культурной памяти* непосредственно связаны с проблематикой интертекстуальности» (Кузьмина 1999: 15).

Михаил Лотман пишет, что Юрий Лотман выработал свою систему структурно-семиотических взглядов, «существенно отличавшихся от существовавших к тому времени школ структурализма» (М. Лотман 1998: 676). Одной из основных особенностей этой системы он считает «отождествление в художественном тексте его структуры и значения» (там же, 684). В более поздней статье М. Лотман сравнивает две школы структурализма: «Если тартуский структурализм стремится к квантификации сферы знаковости, то французский, напротив, – к ее аморфизации, размыканию и в значительной мере к ее де(кон)струкции» (М. Лотман 2002: 17). Тут в

качестве особенности ТМШ он приводит подчеркнутую «текстоцентричность» и именно в этом видит отличие ТМШ (и Ю. Лотмана) от классической парадигмы структурализма, которая исходит

из сосюрговской концепции языковой деятельности, в которой, по сути дела, нет места тексту. Текст является разновидностью речи, причем обычно при этом имеется в виду речь письменная. /.../ Для семиотика культуры именно текст является главной целостностью. Таким образом, холизм ТМК принципиально отличается от сосюрговской. (там же: 14–16)

Одно из самых последних обращений к этой теме – статья **Эманоэля Ландольта** (2011)⁷, где он сравнивает «подходы Московско-тартуской школы и французской семиологии 1960–1970-х годов (группа *Tel Quel*, Р. Барт и Ю. Кристева)», сосредоточившись на работах Ю. Лотмана и Ю. Кристевой. Автор уверяет, что советская семиотика была представлена и понята во Франции через статью Ю. Кристевой⁸, где она «наделяется искаженными, даже карикатурными чертами». На самом деле Кристева говорит в указанной статье преимущественно о советской лингвистике, особенно о Себастьяне Шаумяне. Если говорить о знакомстве французских читателей с ТМШ, то тут гораздо более информативной является статья Кристевой «Экспансия семиотики», опубликованной годом раньше⁹, где дается подробный обзор первого коллективного сборника ТЗС (1965).

Ландольт подчеркивает, что главное расхождение между французским (пост)структурализмом и ТМШ было идеологическое – французы боролись против «мелкобуржуазных дезертиров марксистской и фрейдовой мысли» (Kristeva 1968: 7), а для ТМШ объективность науки заключалась в деполитизации, в отходе от марксистской идеологии. Более обоснованно и подробно это расхождение рассматривается в статье Бориса Гаспарова (1998).

Непонимание отмечает и **Наталья Автономова**, оценивая восприятия лотмановского наследия во Франции:

французские интеллектуалы не понимали, как эмансипационная стратегия могла обойтись без прямого обращения к этике и политике, как не понимали они и того, каким образом научной объективности самой по себе можно было приписывать революционный потенциал. (Avtonomova 2001: 121, см. и Автономова 2009: 259)

---

⁷ К сожалению, изобилующая фактологическими ошибками (в частности, утверждается, что Кристева посетила в 1968 г. семинар в Кярику).

⁸ При этом указывается статья: Kristeva J. La nouvelle sémiologie en URSS. *Tel Quel* 35. Paris: Seuil, 1968. Правильное заглавие: *Linguistique et sémiologie aujourd'hui en U.R.S.S.* (см. Kristeva 1968).

⁹ J. Kristeva 1967. L'expansion de la sémiotique. *Social science information* 6(5): 169–181.

Непонимание было взаимным: Михаил Лотман и Владимир Топоров оба отмечают в интервью, что французская теория воспринималась участниками ТМШ как выражение некой «интеллектуальной фривольности» (Waldstein 2008: 100).

Это отношение отражается и в лотмановских критических замечаниях. В феврале 1968 года он писал Б. А. Успенскому: «Я за эти дни просмотрел кое-что из дискуссий о структурализме во Франции – и там говорят то же, что Кожин и Палиевский» (Успенский 2016: 128). Лотмана раздражала идеологизированность и «ненаучность», та самая поструктуралистская не-серьезность. В письме в Вяч. Иванову в 1970 году: «Вполне согласен с Вами, что *Tel Quel* раздражает («Забавы взрослых шалунов», к сожалению, во вполне серьезной ситуации). М.б. в 5 томе пощелкать их? Правда, пафоса большого не чувствую – слишком все это чужое и ненужное. *Change* у меня только № 4. Это, кажется, интереснее, но и тут что-то царапает» (Лотман 1997б: 658).¹⁰ В письме к Б. Успенскому попадает как журналам, так и Кристевой: «В венгерском журнале *Helikon* 1972 номер 2 /.../ процензурованы все наши Семиотики, моя книга, весь том посвящен Кристевой, телькельям и подобной ерунде» (там же, 528).

Томас Венцлова вспоминает:

Часто заходила речь о французском структурализме. /.../Лотман показал мне какой-то французский журнал с суперавангардным – не научным, а как бы художественным – сочинением Филиппа Соллерса и заметил: «Если это семиотика, то я не хочу этим заниматься». В другой раз с некоторым даже ужасом заметил: «Ну, они просто багровые». Работу Жерара Женетта о пространстве в литературе назвал поверхностной. Однако Греймас его заинтересовал. (Венцлова 2015: 516).

По словам Венцлова, Лотман даже строил в последние годы жизни планы встречи с Греймасом. Понятно, что Греймас, в котором не было в силу его происхождения ни «багровости», ни «интеллектуальной фривольности», был Лотману ближе и понятнее. Сближал их и общий контекст. В 1985 г., выступая на конференции, Греймас так характеризовал происхождение своей семиотической теории: «Мой теоретический дух, если можно так сказать, – это что-то вроде конструирования самоделок из готовых деталей. Я взял щепотку Леви-Стросса и добавил чуточку Проппа» (Greimas 1989: 541); там же он отметил влияние Соссюра и, особенно, Ельмслева.

Издания ТМШ регулярно посылались во Францию, оттуда приходили в ответ журналы, книги, оттиски. В библиотеке Юрия Лотмана можно найти внушительное количество текстов на французском с лотмановскими примечаниями на полях.

---

¹⁰ *Tel Quel* и *Change* были литературно-теоретические журналы, в которых печатались среди прочего статьи тартуских семиотиков.

Отметим, что именно на французском языке появился первый перевод работы Лотмана¹¹, а **Юлия Кристева** познакомила французского читателя с первыми работами советских семиотиков. Она же написала прочувственный некролог (Kristeva 1994), где называет Лотмана первым советским структуралистом, указывая на ту же статью 1963 года о различении двух структур. Говоря о Лотмане-структуралисте, Кристева имеет в виду структурализм в более широком понимании, а не структурную лингвистику, которая, конечно же, в СССР сложилась значительно раньше.

В своем некрологе Кристева выделяет лотмановское понятие текста как «редуцированной модели культуры», подчеркивая, что это не филологический феномен, а комплексная и интерактивная смыслопорождающая деятельность – семиотическая активность. Странным и несправедливым выглядит ее упрек: «Жаль, что полеты мысли его как генерализирующего теоретика не сопровождалась более пристальным вниманием к частным исключительным дискурсам каждого объекта исследования (*exceptional discourse of each subject*), которые в конечном счете составляют богатство литературы и культуры» (Kristeva 1994: 375). Интересен пример «перевода» Лотмана на свой метаязык в последнем абзаце, где Кристева перечисляет четыре разных типа значения: «буквальное, полифоническое, культурное, и транскультурное значение – значения, которые Юрий Лотман всегда умел расшифровать и в текстах, и в существах» (там же, 376).

В неопубликованной статье о структурализме в литературоведении, которую Лотман писал в середине 1960-х для Литературного энциклопедического словаря, одобрительно говорится о Леви-Строссе, отмечаются и Греймас, и Тодоров и Метц, но нет Барта и Кристевой. В прилагаемом списке литературы указываются тексты Леви-Стросса и Тодорова (см. Пильщиков 2012). В более поздней статье «Семиотика» (1987) упоминается Леви-Стросс как основоположник структурализма и направления Барта и Греймаса. В списке литературы указаны «Структурная антропология» и два тома «Мифологик» Леви-Стросса, а также словарь Греймаса-Курте (Лотман 1987а: 384).

1.3. «Эзотеризм» и «эkleктизм» метаязыка

Обобщая высказывания по поводу метаязыка ТМШ, можно выделить две полярные тенденции: язык описания критикуется, с одной стороны, из-за разнородности, отсутствия четкой терминосистемы, позволяющей говорить о единой школе, а с другой стороны – из-за эзотеризма, замкнутости.

---

¹¹ Ju. M. Lotman 1964. Sur la délimitation linguistique et littéraire de la notion de structure. *Linguistics* 6: 59–72. До этого были два перевода статей по русской литературе на немецком, но именно эта статья знаменует переход Лотмана в новую, структуралистскую парадигму.

Обвинение в эзотеризме было выдвинуто в статье **Бориса Гаспарова** о Тартуской школе как семиотическом феномене. Он подчеркивает герметизм ТМШ, поддерживаемый «эзотерическим научным языком», который

был насыщен терминологией, имманентной семиотическим исследованиям и не употребительной за их пределами. Многие выражения этого особого «семиотического» языка создавались членами группы /.../ Очень много слов представляло собой прямую транслитерацию иностранных терминов. (Гаспаров 1994: 284)

Б. Гаспаров приводит примеры этого языка, «выбранные почти наугад» (там же, 285), которые на поверку никак не вяжутся с приведенными упреками. Так, в приведенном отрывке в графу «прямой транслитерации» и «терминологии, имманентной семиотическим исследованиям», попадают только «прагматика, семантика и синтаксис» и «денотат» (М. Лекомцева, Б. Успенский. Описание одной семиотической системы с простым синтаксисом. ТЗС 2. Тарту, 1965, с. 94). При этом все эти понятия в русском научном языке как были в качестве вполне принятых транслитераций до ТМШ, так и остались до наших дней.

В следующем примере (взятом Гаспаровым из статьи Иванова и Топорова 1965 г. «К описанию некоторых семиотических систем») вообще непонятно, что может быть «эзотерическим», разве что «моделирующая функция». Третий пример – из «Феномена культуры» Лотмана, и, судя по всему, именно к этому примеру у автора основные претензии. Действительно, фраза «Наблюдая биполярную организацию на самых различных уровнях человеческой интеллектуальной деятельности, можно было бы выделить оппозиционные пары, в которых на одном полюсе будет преобладать дискретно-линейное, а на другом гомеоморфно-континуальное начало организации, и установить определённую параллель с левополушарным и правополушарным принципами индивидуального мышления человека.» (Лотман 1978а: 8) на первый взгляд кажется перегруженной «птичьим языком»¹².

Статья вызвала бурный отклик среди участников ТМШ, которые не соглашались с его выводами¹³. Цитируем наиболее аргументированный ответ **Юрия Левина**:

В чём я серьёзно не согласен с Б.М. – это с его тенденцией представить Тартускую школу более унифицированной, единой и целеустремленной, более методологизированной, чем она, с моей точки зрения, была. /.../ Б.М. рисует картину сплочённых рядов, идущих на штурм здания мировой куль-

---

¹² Ср.: «Вообще же язык давался с трудом. Слово “модель” я ещё долго переводил в уме как “схема” или “образец”, а слово “дискурсивный” – как “линейный”. /.../ Но упоения “птичьим языком” я у говорящих не чувствовал» (М. Гаспаров 1994: 301).

¹³ Статья Гаспарова и отклики на нее напечатаны в сборнике «Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа». Москва: Гнозис, 1994, 265–351.

туры под флагом единой структурно-семиотической идеологии, – мне же рисуется, скорее, анархистская вольница, – хотя и были, может быть, слабые попытки единственного, на мой взгляд, действительного "семиотического утописта", Ю. М. Лотмана, обуздать её. (Левин 1994: 310–311)

Пеэтер Тороп, соглашаясь с оценкой разнородности школы, связывает впечатление «герметичности» с разницей в позиции наблюдателя:

Поскольку тартуская школа не имеет общей доктрины, единой методологии и единого метаязыка, то для постороннего наблюдателя она кажется или хаотичной, или же герметичной. /.../ Ощущение хаоса усугубляется еще и обилием разнородной терминологии. Герметичной кажется школа для тех, кто пытается увидеть в пестроте метаязыков в сборниках ТЗС особый «тартуский жаргон», недоступный «чужим». (Тороп 1995: 228)

В предисловии к «Материалам к словарю ТМШ» **Ян Левченко** в качестве «опознавательных знаков ТМШ» приводит ряд: Текст, Модель, Культура, Вторичная моделирующая или Знаковая система, Миф, Сюжет (Левченко 1999: 13) – и говорит о наличии «некой инвариантной суперструктуры», которая создавала предпосылки для объединения разных идиолектов участников ТМШ: «Это особое коммуникативное поле, образовавшееся на пересечении логики, лингвистики, теории информации, истории культуры и психологии» (там же, 15). В ходе эволюции ТМШ наблюдался отход от «декларированных принципов строгости /.../ представители ТМШ уточняли или изменяли смысл понятий главным образом ad hoc, игнорируя их абстрактное методологическое значение (там же, 22–23). Все сказанное можно с полным правом отнести и к Юрию Лотману.

Сергей Даниэль, говоря о терминологии, в «усложненности или непривычности которой нередко упрекали Лотмана», вспоминает диалог Лотмана с «одной ученой дамой»:

Она недоумевала: разве можно употреблять такой-то термин по отношению к такому-то явлению. Вообще говоря, ответил Лотман, можно употреблять какие угодно термины, однако научный принцип состоит в том, чтобы, употребив термин в определенном смысле на первой странице, не изменять его по своему капризу на следующих. (Даниэль 2002: 10)

Забегая вперед, заметим, что этому научному принципу Лотман, все же, не всегда следовал.

Зарубежные исследователи зачастую видят причину «непонятности» и недоступности Лотмана в языке, причем не только в метаязыке, но и в особенностях русского языка (часть вины справедливо возлагается и на плохие переводы). **Фредрик Джеймисон** в своей знаменитой книге отмечает, что характерным признаком научного языка Ю. Лотмана

является отсутствие специфической терминологии. Хотя Лотман часто подчеркивает необходимость точности научного языка, на практике иногда трудно уловить последовательность его метаязыка. Важную роль в этом играет русский язык, который позволяет образование при помощи префиксов ряда однокоренных выражений, отличающихся оттенками значения. Это делает работу переводчиков сложной и требует погружения в контекст. (Jameson 1972: 215)

Те же проблемы отмечаются в диссертации, посвященной литературной теории Лотмана:

Его выражение стремится к точности, полноте, характеризующий научный дискурс. К сожалению, однако, этот поиск научной точности породил многословность и чрезмерное использование жаргона. В результате чтение Лотмана временами фрустрирует, особенно если переводы стремятся следовать оригинальному синтаксису. (Jonaid-Sharif 1984: 2–3)

Система Лотмана в итоге кажется ему чрезмерно аналитичной, там «не хватает страстных метафор Бахтина или эротического юмора Барта и других французов. Вообще юмор как жанр исключается» (там же, 144).

Артур Блейм, рассуждая о причинах «виртуального не-существования» (*virtual non-existence*), Ю. Лотмана в англо-американской критической традиции, называет в числе причин специфику русских примеров, принадлежность к непрестижной «советской семиотике», нестыкуемость с модными течениями феминизма, отсутствие имени Лотмана (и ТМШ) в обзорах и справочниках по структурализму (Blaim 1998).

Сам Лотман был весьма заинтересован в том, чтобы его идеи были понятны, чтобы язык изложения не служил препятствием. В 1969 году, в письме Б. Успенскому он сокрушается: «Ведь очень многие из искренно интересующихся неглупых людей тартуских статей просто не понимают. Иногда давать нечто популярное, разумеется, не сводя к этому основного содержания, не вредно» (Успенский 2016: 172).

В своих письмах он часто пишет о том, что надо писать доходчивее, понятнее, и в самом непонимании он видит интересный семиотический факт:

Я много раз наблюдал в жизни, как людей обижают чужой язык именно непонятностью. Ямпол¹⁴ и люди его типа обижаются на употребление в статьях лингвистической и семиотической терминологии. Вообще реакция на семиотику – очень интересный и чисто семиотический факт. /.../ Вот и Ямпол думает: «А по-человечески писать он не может?» – Ей богу, не могу... (Лотман 1997б: 227)

---

¹⁴ И. Г. Ямпольский (1902–1991), литературовед, профессор Ленинградского государственного университета.

На самом деле, конечно, мог, – взять хотя бы его публицистику и исследования о Пушкине, или, наконец, «Сотворение Карамзина» (1987), где вообще не встретишь иностранного слова, не говоря уж о семиотической терминологии.

1.4. Проблема выделения этапов теоретического пути Лотмана

Границу между историко-филологическим и структурно-семиотическим исследованием в лотмановской научной биографии трудно провести. Так же трудно провести границу между структурализмом и семиотикой (что, впрочем, более широкая проблема, не только в случае с Лотманом). Говоря об эволюции Лотмана и о его метаязыке, мы начинаем отчет именно со структуралистского периода, ведь именно тогда Лотман и поставил вопрос о новом языке описания для литературоведения и гуманитарных наук в целом.

Тем не менее, этот «деструктуралистский» период несомненно отражается и в более позднем творчестве Лотмана, является определенным базисом. Можно согласиться с мнением **Игоря Чернова**, который выделяет особый период, где доминантой было «изучение идеологии как целостной системы /.../ интенсивное изучение Гегеля, автора, как мы помним, системообразующего и системосозидающего. /.../ интерес к социальной детерминированности мира литературы» (Чернов 1997: 10). **Любовь Киселева** (2009) показывает на конкретных примерах неразрывную связь лотмановских историко-литературных штудий с изучением поэтики, с семиотическим подходом к изучению культуры.

Карл Аймермахер отодвигает «деструктуралистский» период Лотмана в конец 1950-х:

Признаки того, что внимание Лотмана было направлено на структурное рассмотрение внутритекстовых системных связей не с 1963 г., а что уже раньше, с 1957–1958 гг., он проявлял интерес к новым методологическим позициям, могут быть обнаружены в его работе о Мерзлякове 1958 г. и в докладах, которые он читал весной и осенью 1960 г. («Рифма как научная проблема» и «Проблема целостности художественного текста»). Примерно в эти же годы усиливается его интерес к общей теории литературы, к работам русских формалистов, а также к теории информации и семиотике /.../. (Аймермахер 2001: 332–333)

Связь между деструктуралистским периодом и семиотикой подчеркивает и сам Лотман:

Лично я не могу провести резкую черту, где для меня кончается историческое описание и начинается семиотика. Здесь нет противопоставления, нет разрыва. Для меня эти сферы органически связаны. Это важно иметь в

виду, поскольку само семиотическое направление начиналось с отрицания исторического изучения. Отойти от исторического исследования необходимо было для того, чтобы вернуться к нему. (Лотман 1994а [1990]: 296)

Александр Пятигорский со свойственной ему экспансивностью, парадоксальностью и категоричностью суждений видит это сосуществование не таким гармоничным: «Юрий Михайлович был по складу своего мышления феноменально исторический человек. /.../ Я знаю, что, к сожалению, зачастую он от этого историзма в себе отказывался. Это дурное влияние структурализма. Структурализм *by definition* антиисторичен» (Пятигорский 2002).

В описаниях эволюции Лотмана обычно не различаются структурализм и семиотика, эволюцию видят скорее в отказе от «классического структурализма» и, соответственно, от притязаний на «научность», на использование точных методов. Любопытно, что в последние десятилетия многие исследователи подчеркивают «особенность» лотмановского структурализма, как будто пытаясь оправдать его принадлежность к структурализму как к чему-то устаревшему (с этим связаны и дискуссии о Лотмане-постструктуралисте).

Красочно описываются «противостояние между семиотическим движением и литературоведческим истеблишментом», отличия структурализма от постструктурализма, разногласия между членами ТМШ в большой статье **Александра Жолковского**. По его мнению, «в истории как описательной лингвистики, так и научной поэтики можно проследить характерную тенденцию постепенного движения от автономности, атомарности и формализма – к целостности, сложности и социальности» (Жолковский 1998: 192–193).

Одно из первых описаний развития лотмановских идей находим у **Игоря Чернова**, который связывает первый этап семиотических штудий Лотмана с определением основных понятий новой области гуманитаристики (*sic!*): «Центральной идеей этого этапа было обоснование самостоятельности «языка» искусства, то есть язык понимался в широком семиотическом смысле, а не как объект лингвистического учения» (Чернов 1997: 7–8). На следующем этапе (конец 60-х–начало 70-х) ключевым понятием становится «текст», который является не только организующим началом культуры, но и ее моделью. Акцент изучения переводится «на периферию функционирования текста» (там же, 8). Специфической чертой третьего этапа (автор подчеркивает условность выделения как этого, так и двух предыдущих этапов) «было выделение в качестве самостоятельных областей науки «лингвистики текста» и «культурологии»» (там же, 11).

Если Игорь Чернов в 1982 году выделяет только три периода, то **Ян Левченко**, почти 15 лет спустя делит деятельность Ю. М. Лотмана на четыре периода, давая название каждому периоду, но при этом не расставляя временные рамки. 1-й период – «Предисловие» (От истории к теории) – характеризуется «подключением к историко-литературной плоскости

сферы семиотики» (Левченко 1996: 267). 2-й период определяется как «Построение алфавита» (Новая концепция), а метаязык Лотмана характеризуется следующим образом: «Для Ю. М. Лотмана область теории культуры послужила плацдармом для объединения различных языков описания – исторического, теоретико-литературного, металингвистического – в единую систему, оперирующую такими универсалиями, как КОД–ЯЗЫК–ГРАММАТИКА–ТЕКСТ–КУЛЬТУРА–МОДЕЛЬ КУЛЬТУРЫ, где все лингвистические значения как бы «вырастали из себя», становясь максимально широкими, релевантными для описания любого типа информации» (там же, 269). В третий период – «Экспрессия знака» (*Semiotica sub specie historiae*) – вводятся понятия «диалога» и «полиглотизма» (там же, 271). Четвертый этап – «Невыразимое» (Поиск «другого») – является отрицанием прежнего идеала строгой научности: «Попытка осознать онтологические противоречия провоцирует использование другой научной фразеологии, в силу чего язык одного из апологетов научной точности становится сродни литературному» (там же, 273).

Эстонский исследователь **Линнар Приймаги** делит наследие Юрия Лотмана как семиотика культуры на три десятилетия: 1965–1975, 1975–1985 ja 1985–1995, которым, по его мнению, соответствуют три парадигмы: 1) типологическая, 2) динамическая и 3) взрывная. Приймаги отмечает, что в первый период «структурализма» для Лотмана важны правила, язык, текст и ключевыми понятиями являются «структура» и «типология». Важные имена в этот период – Соссюр, Якобсон, Леви-Стросс. В период «динамики» доминантами являются два языка, невозможность адекватного перевода как механизм роста информации. Этот период завершался глобальной концепцией семиосферы. Ключевые слова: динамическое состояние, асимметрия, думающее устройство, семиосфера. Авторы, на которых опирается Лотман, – Бахтин, Вернадский. В третий период, период взрыва, важными становятся исключения, творчество и непредсказуемость как резерв новизны. Ключевые слова: история, выбор, случай, непредсказуемость. Референтное имя одно – Илья Пригожин¹⁵. (Priimägi 2011: 161–162) Вопросы вызывают начальная и конечная дата, а кроме того, вряд ли можно втиснуть эволюцию Лотмана в точные рамки десятилетий. Как отмечает сам Приймаги, эволюция мышления Лотмана более всего напоминает «сад расходящихся тропок», а не однонаправленный прямой путь.

Игорь Пильщиков и Михал Трунин дают условное деление на три периода: традиционный историк литературы (1950-е гг.), литературовед-структуралист (*literary structuralist*) (1960-е), и основатель семиотики культуры (1970–80-е). Интересующий нас период делится на две стадии – структурализм и семиотика культуры, то есть проводится различие структурализма и семиотики. (Pilhchikov, Trunin 2016: 372)

---

¹⁵ Подробно о важности пригожинской теории и терминов для позднего Лотмана см. Grishakova 2009.

Обратимся теперь к другим примерам, где лотмановскую эволюцию описывают как постепенное движение, без взрывов и резких поворотов.

Су **Кван Ким** реконструирует «процесс внутренней эволюции теоретических понятий Лотмана» и выделяет следующие характеристики его семиотической теории: «ориентация на «иконический характер» знаковой деятельности, «пространственную природу» художественного текста, «мифологический аспект» культурной организации и «личностное свойство» семиотической системы.» (2003: 136) Последнее выражается прежде всего в концепции «семиосферы».

Авторы статьи «Парадокс Лотмана», являющейся предисловием к сборнику трудов Лотмана, **Роман Григорьев** и **Сергей Даниэль** считают, что:

Внешним образом эволюция Лотмана выглядит как постепенное расширение познавательного горизонта – от специальных историко-литературоведческих штудий к семиотике искусства и культуры. Но по существу, каждое конкретное исследование сопровождалось глубинным переосмыслением всей системы категорий гуманитарного знания и трансформацией самого предмета, который представлялся все более сложным по своему устройству и функциям. (Григорьев, Даниэль 1998: 6)

Отход Лотмана от лингвоцентризма они объясняют желанием отойти от вводимого таким подходом упрощения, а интерес Лотмана к бифуркационным процессам связывают с тем, что ученый «по существу уже сформулировал аналогичный принцип в рамках семиотического искусствознания и культурологии» (там же, 12).

Наиболее обоснованно пишет об этом **Наталья Автономова**:

На самом деле, впечатление о радикальной новизне позднего Лотмана может возникнуть, если смотреть на него извне. Если же погрузиться в собственные работы Лотмана и вновь пройти шаг за шагом по главным этапам его исследовательской биографии, тогда образ нового Лотмана-постструктуралиста (или же Лотмана-общенца и диалогиста) вряд ли будет убедительным. То, в чем видится радикальное изменение, окажется скорее новым акцентом, сдвигом внимания, иногда новым способом выражения мыслей /.../, но, во всяком случае, не отказом от принципов работы, которые сложились в 1960-е годы и уточнялись в течение всей жизни. (Автономова 2009: 217)

Пеэтер Тороп, который наблюдал эволюцию ТМШ и Лотмана «изнутри», выделяет два понятия, которые чаще всего ассоциируются с Тартуской школой: «вторичная моделирующая система» и «семиотика культуры» (Тороп 1995: 226). В своем обстоятельном обзоре он особо выделяет начало 1980-х:

К этому моменту взгляды Ю. М. Лотмана уже претерпели некоторую эволюцию: от понимания текста как манифестации языка он перешел к пониманию текста, порождающего свой язык. /.../ Из бинарности логического и мифологического выводится утверждение, что большинство реальных семиотических систем располагаются между двумя моделями языка, статической и динамической. (Тороп 1995: 228–229)

Тороп отмечает изоморфизм процессов порождения языка, текстов и культуры. Именно на этот фундамент опирается и определение семиосферы, которое неотделимо от понимания функционирования мозга (там же, 229–230). Последняя книга Лотмана «Культура и взрыв» свидетельствует «о появлении в его семиотике культуры элементов историософии». По мнению Торопа, Лотман «дошел до принципиальных вопросов, лишь внешне характерных постструктурализму» (там же, 231).

Последнее упоминание приводит нас еще к одному разночтению. В исследовательской литературе и вообще в разговорах о Лотмане часто встречается тезис о Лотмане-постструктуралисте. Обычно это связывается с поздним периодом, особенно с книгой «Культура и взрыв», но многие видят поворот в начале 80-х или даже еще раньше.

Например, **Виктор Живов** видит элементы постструктурализма у Лотмана уже в 1970-е годы, в связи с отказом от якобсоновской модели коммуникации и созданием своей, предполагающей непонимание. «Позднее из этого радикального пересмотра структуралистской догматики рождается книга Лотмана «Культура и взрыв», определенно постструктуралистская» (Живов 2009: 22).

Су Кван Ким выделяет «инвариантную форму мышления», наблюдаемую «в течении всей творческой деятельности Лотмана /.../ Это – постоянный поиск «другого», пристальное внимание к «иной» сфере» (Ким 2003: 136). Этим Лотман отличается от «классического» структурализма, и на этой основе Ким приходит к выводу, что «на всем протяжении своей эволюции Лотман одновременно был и не был структуралистом» (там же, 190).

О поисках «другого» говорил гораздо раньше **Борис Гаспаров**:

Если Барт, Кристева, Деррида пытаются создать новое духовное пространство, атакуя «тоталитарный» духовный порядок с периферии, извне, как бы с позиции «другого», то Лотман добивается сходного результата путем оттеснения этого рационалистического порядка из своего мира, передачи его, так сказать, в ведение и ответственность «другого». (Гаспаров 1998: 235)

Ю. М. Лотман, описывая развитие семиотических исследований в статье «Семиотика» для «Литературного энциклопедического словаря» (1987), выделяет несколько этапов: «В 1-й пол. 60-х гг. наиболее распространенным видом семиотич. исследования было приложение лингвистич. моделей к все новым семиотич. объектам. /.../ Значит, внимание в этот период

уделялось описанию разных уровней (или монографич. анализу) тех или иных текстов» (Лотман 1987а: 373).

Во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг., как он считает, наметились сдвиги, связанные с изменением понятия текста: «Текст из отпечатка, к-рый оставляет структура в материале, превращается в активного участника динамич. системы: язык – автор – аудитория. /.../ Проблемы реконструкции, дешифровки, широко трактуемой теории перевода все больше выдвигаются в центр С. культуры/.../» (там же).

Далее, в конце 1970-х гг., как пишет Лотман: «открытия в области функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга человека дали новый импульс семиотич. исследованиям, т. к. обнаружили ряд глубоких аналогий между индивидуальным сознанием человека и структурой человеческой культуры» (там же). Эта периодизация в полной мере подходит и для описания эволюции самого Лотмана.

***

Итак, среди истоков лотмановского метаязыка чаще всего называются Платон, Кант и Гегель, марксизм, Гуссерль, русский формализм, структурная лингвистика (особенно Соссюр, Ельмслев, Пражская школа, Бенвенист, Якобсон), Бахтин, Фрейденберг, Пригожин. Рядом исследователей отмечается влияние кибернетики и теории информации, а также языка математики.

В отечественных и зарубежных обзорах предлагаются разные объяснения «непонятности» лотмановского языка изложения. Зарубежные исследователи считают, что она во многом объясняется характером русского языка или плохими переводами.

В описаниях эволюции Лотмана выделяются две позиции или две группы исследователей – те, которые считают, что Лотман в принципе говорит о том же, углубляя и расширяя, и те, которые видят резкие изменения в его мышлении, и, соответственно, в его языке описания.

Понятия метаязыка Лотмана, которые отмечаются разными исследователями, в принципе совпадают с описываемыми в этой работе. Разница – в понимании значимости самих понятий, их места и функции во всей концептуальной системе Лотмана.

2. МЕТАЯЗЫК Ю. М. ЛОТМАНА КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Переход Юрия Лотмана в новую, структуралистскую парадигму сопровождается (и, собственно, был инициирован) пониманием нужности нового языка описания, что четко прослеживается в программной статье 1963 года «О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры», где он различает два понятия структуры: «В языке структура возникает исторически стихийно и выступает как средство передачи информации. В литературе структура /.../ представляет собой содержание информации, ее цель. Структура в этом случае становится моделью воспроизводимых писателем явлений жизни, получая все познавательные свойства модели» (Лотман 1963: 49–50).

Далее провозглашается «необходимость применения точных методов к изучению идейно-художественных структур, важность выработки в этой области однозначных терминологических систем осознается в настоящее время очень остро» (там же, 50). Рассуждая о понимании, Лотман говорит о существовании некой «общей структуры художественного мышления, не зависимой от материала данного искусства» (там же, 52).

В ЛСП Лотман высказывается более конкретно:

Большим недостатком современных гуманитарных наук является то, что они описывают изучаемые ими явления в терминах, совершенно не применимых не только в системе общенаучного познания, но и в соседних науках гуманитарного цикла. /.../ Это связано с тем, что термины в каждой отдельной отрасли гуманитарного знания, в свою очередь, как правило, не складываются в единую, строгую систему с взаимооднозначными и измеримыми соотношениями, то есть, по существу, терминами не являются. (Лотман 1964: 15)¹⁶

Такую систему он и пытается создать в своей «трилогии», а на этой основе построить методологию анализа художественного текста.

Он вновь повторяет себя в редакционной статье ко второму сборнику ТЗС: «Выработка методов подобных описаний, точных способов выделения элементов, которые можно было бы рассматривать в качестве алфавита данной моделирующей системы, определения метаязыка гуманитарных наук» (Редколлегия 1965: 6).

Статья «Литературоведение должно стать наукой» (1967), опубликованная в «Вопросах литературы», подытоживает уже сделанное и аргументированно защищает новый структурный метод (а также новый язык описания). Лотман дает характеристику литературоведа нового типа:

---

¹⁶ Далее все ссылки на эту книгу даются так: ЛСП, страница.

это исследователь, которому необходимо соединить широкое владение самостоятельно добытым эмпирическим материалом с навыками дедуктивного мышления, вырабатываемого точными науками. Он должен быть лингвистом /.../, владеть навыком работы с другими моделирующими системами, быть в курсе психологической науки и постоянно оттачивать свой научный метод, размышляя над общими проблемами семиотики и кибернетики. Он должен /.../ в идеале совместить в себе литературоведа, лингвиста и математика. Он должен воспитывать в себе типологическое мышление, никогда не принимая привычной ему интерпретации за конечную истину. (Лотман 1997а [1967]: 765)

Именно такому идеалу Лотман пытался соответствовать, и эти слова в полной мере характеризуют его научный метод; здесь также перечислены основные источники вырабатываемого им нового метаязыка.

Он опять возвращается к этому вопросу в «Статьях по типологии культуры» (1970), утверждая, что выработка метаязыка науки – «дело не только той или иной конкретной дисциплины, но и общих наук, разрабатывающих теорию знания, в первую очередь – логики. /.../ При этом следует подчеркнуть, что речь идет не об использовании каких-либо из уже имеющихся типов метаязыков, а о выработке нового» (Лотман 1970в: 91).

В предисловии к сборнику «Семиотика и искусствометрия» Лотман подчеркивает:

Именно связанность «языка математики» и «языка искусства» в единой структуре культуры, с одной стороны, и принципиальное различие их имманентной организации, с другой, делают содержательным акт взаимного перевода текстов на этих языках, т. е. позволяют им взаимно выступать в качестве основ для построения метаязыка описания. (Лотман 1972б: 6)

И в дальнейшем Лотман постоянно подчеркивает важность и необходимость корректного метаязыка, терминологической точности. Многие соратники по ТМШ неоднократно отмечали, что именно он заботился о теоретическом «оснащении» семиотики. Усилия Лотмана на этой ниве отражают и «Материалы к словарю ТМШ», в которых добрая треть терминов определена им (см.: Левченко, Салупере 1999). Это подтверждается и в докладе «Университет – наука – культура», где Лотман, оглядываясь назад, отмечает: «Одним из основных вопросов, который сразу же возник перед этим направлением /ТМШ/, была осознанная проблема языка описания, метаязыка семиотических исследований» (Лотман 2016 [1982]: 685).

Учитывая все вышесказанное, мы не можем согласиться с мнением Михаила Лотмана, что стремление к точности метаязыка и строгости методологии были Лотману присущи только в 1960-е годы. М. Лотман пишет: «Если первые семиотические публикации были насыщены теоретическими и методологическими рассуждениями, то уже в конце 1960-х годов Ю. Л. отказывается от большей части специфической терминологии и

претензий на методологический ригоризм» (М. Лотман 2002: 6). В качестве примера нового стиля он приводит статью «О метаязыке типологических описаний культуры» (1968), которая, по нашему мнению, как раз методологически очень выверена, и попытка ввести метаязык топологии проводится последовательно и даже «ригористически». Юрий Лотман высказывает здесь мысль, что пространственные модели глобальны, характеризуют как структуру объекта, так и структуру метаязыка, так как

Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие ее уровни¹⁷. Таким образом, между метаязыковыми структурами и структурой объекта возникает отношение гомеоморфизма. Причем в подобном отношении оказываются непространственные структуры картины мира к пространственным, а пространственные – к пространственным метаязыковым моделям описания. (Лотман 1969: 463)

Говоря об изучении культуры как особого феномена, Лотман подчеркивает особенность научного аппарата гуманитарных наук по сравнению с естественными науками. Но, с другой стороны, ему видится (в духе классического структурализма) и возможность некоего универсального языка описания: «презумпция структурной целостности мира приводит к выводу, что все виды материи на разных уровнях организации обладают определенной изоморфностью. И с определенной точки зрения желательно описывать все средствами какого-нибудь одного метаязыка» (Lotman 1984: 215).

Проследим шаг за шагом, как он осуществлял эту задачу. Начнем с тезисов «Проблема сходства искусства и жизни в свете структурального подхода» (1962), которые можно считать первой пробой пера в процессе выработки нового, «научного» метаязыка. Эти тезисы вошли с незначительными изменениями в первую часть «трилогии» – ЛСП. Далее проведем сравнительный анализ трех частей трилогии, прослеживая изменения в метаязыке на оси однозначности – амбивалентности. Затем обратимся к вопросу о соотношении структуралистского и семиотического слоев и, в заключение, рассмотрим описания семиотической системы в метаязыке Лотмана.

2.0. Зарождение нового метаязыка

В 1962 году выходят тезисы «Проблема сходства искусства и жизни в свете структурального подхода», подготовленные для совещания в г. Горьком, посвященного применению математических методов в изучении языка художественной литературы. Именно с этих тезисов можно начать

---

¹⁷ Та же мысль более четко выражена в написанной в начале 1990-х отрывке: «Текст и полиглолизм культуры», который, видимо, мыслился как часть КиВ или НМК.

отсчет появления нового «структуралистского» метаязыка. В рамках настоящего исследования данный текст интересен и тем, что через два года он становится вторым параграфом первой главы ЛСП (18–26). Причем, если в оглавлении правильное название, то в тексте вместо «структурального» стоит «структурного» (эта ошибка осталась и в переиздании 1994 г.).

Лотман в ЛСП пользуется этими понятиями как синонимами, бывает, что даже в одном абзаце: «перспективы структурного изучения литературы все еще остаются более чем туманными. Одним из главных препятствий здесь является разделяемое многими исследователями (одними с опасением, другими – с надеждой) убеждение в том, что структуральное изучение литературы/.../» (ЛСП, 6).

В СХТ во введении уже нет ни того ни другого, далее по тексту эти слова используются им также вперемежку: структуральный/структурный анализ, структуральный/структурный подход. В АПТ есть только «структурный» и «структурно-семиотический» (принципы структурного анализа поэзии, структурно-семиотического анализа текста, структурно-семиотического подхода). В дальнейшем «структуральный» нигде не употребляется, его место прочно занимает «структурный».

Итак, учитывая отличие целевой группы этих текстов (1962 и 1964 гг.), интересно проследить, есть ли отличия и в используемом метаязыке.

Тексты совпадают почти полностью, главный вопрос, интересующий Лотмана, – каким образом искусство моделирует действительность, является моделью жизни. Подчеркивается диалектическое единство отношения «сходство/отличие»: «общее не изображается, воспроизводится лишь отличие. Но различие есть отношение, а не предмет», «различие /.../ делается структурным элементом», «искусство – всегда функционально, всегда отношение», «художественный эффект – всегда отношение» и т.п. В искусстве «отказ от воссоздания одних сторон предмета не менее существен, чем воспроизведение других» (ЛСП, 23).

Присмотримся к расхождению между этими двумя текстами. Приводя пример с двумя натюрмортами, Лотман приходит к выводу: «Чем больше в изображаемом явлении вынесено «за скобки», чем меньше то, чему приравнивается вся вещь, тем резче подчеркнута его специфика» (25). Дальше следует: ««Чем скупер, тем характеристичнее», – совсем не парадокс, а очевидная истина». В тексте 1962 года фигурировала «математическая истина» и приводились «математические» доказательства в виде алгебраических (логических) формул. Именно здесь Лотман делает первую попытку применения языка математики к изучению проблемы моделирования искусством действительности. То, что два года спустя «математическая» часть опущена, свидетельствует о неудовлетворенности полученным результатом, – по сути дела эти формулы выглядели наивными и не принесли в текст желаемой «точности»¹⁸.

---

¹⁸ В СХТ, говоря об эстетике тождества, Лотман опять использует некоторые из этих формул (см.: СХТ, 275).

Второе заметное отличие между двумя текстами также связано со стремлением введения точной, научной методологии и веры в волшебную силу математических методов. С одной стороны, искусство для Лотмана функционально, оно всегда отношение. С другой стороны, подчеркивается его особая «предметность, вещественность»¹⁹: «Поэтому научный макет, будучи предметом, вещью, равнодушен к идеологическим связям создающего и воспринимающего, а произведение искусства, оставаясь вещью, включено и в многочисленные идейные отношения. Качества вещи в макете абсолютны, постигаются из него самого, качества вещи в искусстве относительны, приобретают свое значение от многочисленных идеологических контекстов. Когда мы сумеем математически точно определить *основные из этих контекстов, мы приблизимся к научному представлению о природе впечатляющей силы искусства*» (ЛСП, 23). В первоначальной версии Лотман был более оптимистичным: вместо выделенного нами курсивом сегмента было: «/.../ все эти контексты, мы будем иметь научное представление».

Статья и соответствующий ей параграф в ЛСП кончается выводом: «Сходство искусства и жизни – не механическое тождество, а диалектическое приближение /.../ сложное и противоречивое понятие, всегда социально и исторически опосредованное, диалектически сочетающее сближение и отталкивание» (26). Здесь характерное и важное для лотмановских историко-литературных штудий понятие «социально-исторически опосредованное» соседствует с диалектическим, «структурным» исследованием механизма этого опосредования. Таким образом, текст 1962 года можно рассматривать не просто как тезисы к докладу, но и как тезисы ко всей «трилогии», а также как первую попытку превратить литературоведение в науку.

2.1. «Трилогия» – в поисках методологической основы для описания художественного текста

Сама «трилогия» (ЛСП, СХТ, АПТ) является удобным материалом для изучения изменений в метаязыке, в стиле изложения материала. Налицо разные читательские аудитории и временная разница между частями, которая по годам не столь значительна, но совпадает с очень интенсивным периодом именно в поиске и конструировании метаязыка, подходящего для описания столь сложного объекта, как искусство.

Отметим, что лотмановские штудии по поэтике художественного текста привлекали внимание многих исследователей. Наиболее полный и глубокий анализ концепции Лотмана можно найти в трудах Энн Шукман

---

¹⁹ Вопрос материальности искусства рассматривается ниже отдельно.

(см. Shukman 1976, 1977)²⁰. Но в рамках данной работы нас интересует не столько сама лотмановская методология, сколько употребляемый им метаязык. Именно с этой точки зрения, по нашим сведениям, лотмановская «трилогия» не рассматривалась, но в нескольких работах сравнивались разные ее части.

Так, Михаил Гаспаров в предисловии к переизданию ЛСП отмечает, что материалы «Лекций» «вошли потом, с небольшой доработкой и большими дополнениями, в две позднейшие работы Ю. М. Лотмана: для специалистов – «Структура художественного текста» (с приложением обширного раздела о композиции), для широкого читателя – «Анализ поэтического текста: Структура стиха» (с приложением разбора стихотворных текстов)» (Гаспаров 1994: 11). Проведенное нами сравнение покажет, что с «небольшой доработкой» частично справедливо лишь для АПТ, но никак не для СХТ, а «с большими дополнениями» трудно приложимо к СХТ, которая мыслилась Лотманом как совсем новая книга. Что касается АПТ, то там дополнения внесены главным образом не в теоретическую часть, а в конкретные разборы стихотворений.

Дмитрий Сегал будто бы совсем забывает о ЛСП и заявляет, что вторая книга Лотмана (первой он считает СХТ) АПТ является практическим применением принципов, выработанных в предыдущем исследовании, и каждый конкретный анализ подчеркивает значимость какого-то частного аспекта структуры. Так, анализ стихов Батюшкова иллюстрирует важность звуковой структуры, анализ поэзии Лермонтова показывает роль грамматических связей, анализ творчества Тютчева значение структуры диалога и т.д. (Segal 1974: 102).

Пезтер Гороп называет ЛСП книгой «ортодоксальной семиотики»: «Основной пафос первой семиотической книги Ю. М. Лотмана «Лекции по структуральной поэтике» (1964) в том, что каждый вид искусства имеет свой язык и что /.../ естественный язык становится в художественном тексте языком более высокого ранга – вторичной моделирующей системой»²¹ (Гороп 1995: 228). Две следующие книги «трилогии» являются реализацией программы изучения текста (229). Близкое знакомство с ЛСП не дает оснований назвать его автора «ортодоксальным семиотиком», во всяком случае, в метаязыке это никак не проявляется.

О двух последних книгах «трилогии» подробно пишет израильский ученый Денис Соболев, используя их как подспорье для доказательства того, что сама «языковая модель литературы – представление о литературе “как языке”» является ложной. Лотмановскую лингвистическую модель литературы, которая подразумевает крайне широкое определение

---

²⁰ Отметим и статью Ури Марголина (Margolin 1975), и отдельные исследования по ЛСП (Winner 1968) и СХТ (Meijer 1973).

²¹ Уточним, что в ЛСП Лотман еще не пользуется понятием «вторичная моделирующая система».

языка, Соболев считает последней из значимых моделей структурализма (Соболев 2008: 5).

Раскритиковав лотмановский подход на основе СХТ, он далее обращается «для полноты картины» к другой, «носящей значительно более прикладной и популярный характер» книге «Анализ поэтического текста». Соболев считает, что эта книга во многом «является переработкой предыдущей, рассчитанной на иную целевую аудиторию – и в первую очередь, на студентов». Сравнивая два текста, он заявляет, что вторая глава АПТ «Язык как материал литературы», «несмотря на это – на первый взгляд, достаточно осторожное – название, не только воспроизводит общий ход мысли первой главы “Структуры художественного текста” (“Искусство как язык”), но и выводит на передний план некоторые проблемы, о которых шла речь выше» (Соболев 2008: 32). Утверждение это никак не соответствует действительности: в указанной главе СХТ речь идет об искусстве в целом, и основная часть его содержит автоцитаты из тезисов «Искусство в ряду моделирующих систем» (1968), которые в АПТ не повторяются.

То, что зачастую не совсем правильно понимается соотношение книг «трилогии», видно и в послесловии Умберто Эко к ВММ: «Тридцать лет назад Лотман уже рассматривал текст как единство. Понятие структурного единства положено в основу его «Лекций по структуральной поэтике» 1964 года, переизданных в 1970 году под заглавием «Структура художественного текста» (Эко 1996: 413–414).

Перед тем, как перейти к непосредственному сравнению книг, проследим по письмам, как Лотман описывал процесс создания «трилогии». Эти упоминания позволят сделать кое-какие выводы о том, как сам Лотман задумал эти книги, а в какой-то мере – и о том, насколько он был доволен результатом.

Так, 26 апреля 1963 года он пишет Борису Егорову

.../ у нас был семинар по структурам. .../ Я делал доклад о проблемах принципиальной возможности порождающих моделей в искусстве. По моему, это был самый интересный доклад, который я делал за всю жизнь. .../очень хотелось бы вам все это порассказать. Книжку-то я когда еще напишу. Уже в третий раз дохожу до середины и к этому времени настолько все передумываю, что приходится начинать снова. Сейчас хочу снова все начать снова и изложить все более строго математически. Вообще трудность в том, что неизвестно, на какого читателя рассчитывать. Для квалифицированного (даже) филолога это не будет понятно из-за крох, упавших со стола математики, которые подобрал, и генерального незнакомства литературоведов с методами структурной лингвистики. Математики же увидят в ней лишь лепет на математические темы и не поймут, по незнанию литературного материала, как много этим объясняется. (Лотман 1997б: 155)

Выше, на примере сравнения тезисов 1962 года с параграфом ЛСП, мы уже обращали внимание на попытки Лотмана изложить «все более строго математически». Здесь уместно напомнить и мнение Александра Пятигорского, который на вопрос, могут ли мышление и творчество совпасть, отвечает: «Вам может показаться это странным – в “Лекциях по структуральной поэтике”. Здесь он свободен». (Пятигорский 2002)

Это, действительно, может показаться странным, если взять ЛСП в отдельности, если же рассматривать книгу как часть «трилогии», то становится понятным, что имеется в виду. Лотман был свободен, так как вступал на совершенно новый путь, создавал, творил новый язык, новый метод. Сам жанр лекций, которые для Лотмана всегда были импровизациями, отражается и в этой книге. В следующей части «трилогии», которая по замыслу должна была быть совсем новой (по сравнению с ЛСП), «научной», текст перегружен многословными объяснениями, – в итоге легкость изложения теряется.

Трудности написания СХТ отражаются и в письмах. В апреле 1967 (Лотман 1997б: 202–203) пишет: «к 1 мая должен в «Искусство» сдать 20 п.л. книги по структуре худож. текста – из своей книги почти ничего не беру, все переписываю заново – а сейчас написано только листов 5–7»; 4 мая 1967: «Я смертельно зашиваюсь с книгой для «Искусства». Срок был 1 мая, а у меня не написана и $\frac{1}{4}$ » (там же, 203). Сроки поджимают, но дело не движется, 28 сентября 1967: «Я все же за лето мучительно выдоил из себя книгу для «Искусства» на 20 листов которая на $\frac{1}{4}$ ²² повторяет мои «Лекции по стр. поэтике», а на $\frac{3}{4}$ – новая» (там же, 208).

В итоге, во многом, конечно, и из-за постоянной нехватки времени на написание, Лотман остается недоволен книгой. В шуточной форме он выражает это в письме Успенскому 12.01.1970 (Успенский 2016: 189–190):

Ничего более забавного я еще не читал в жизни: они набрали целые страницы из другой рукописи, а мои – потеряли. Получилось, клянусь Вам! – очень хорошо. Текст совершенно деавтоматизировался и приобрел приятное разнообразие. Я, как только нападаю на кусок, написанный приличным языком и где можно разобрать, что к чему, сразу же на полях пишу: «Безобразия! Опять из чужой книги!!!»

Через пару недель уже не до шуток: «Меня укатали корректуры «Искусства». Корректуры страшные, а мое писание – и того пуще. Уж так мерзко, что дальше некуда» (там же, 196).

Судя по всему, две последние книги «трилогии» писались одновременно, что делает их особенно интересным объектом изучения в плане различия метаязыка. Предполагались разные читательские аудитории, если СХТ – для «специалистов», то АПТ, выходящая в издательстве «Просвещение», предназначалась для широкой аудитории, школьных учителей

---

²² По нашим подсчетам повторений меньше.

в частности. Возможно именно поэтому Лотман принимает решение, так сказать, «вернуться назад», и, как видно и из нашей таблицы, АПТ является в бóльшей части повторением ЛСП.

В итоге, после огорчений по поводу СХТ, последней частью «трилогии» Лотман остается доволен. В апреле 1968 года он пишет, что «книга почти готова (и, по-моему, даже удалась²³), но еще надо перепечатать» (Успенский 2016: 215). Неожиданно в письме от 11 февраля 1969 читаем: «в начале января я обнаружил, что в книге, которую я должен был сдать в конце прошлого года/.../ следует заменить 200 машинописных страниц чистой халтуры, вставленной мной в прошлом году перед сдачей, о чем я благополучно забыл. В результате до вчерашнего дня я, подгоняемый угрозами издательства и пропустив все сроки, писал прямо на машинке и написал-таки за три недели около 200 страниц» (там же, 148). Письмо это без даты и датировано издателями по контексту. Возможно, что речь идет все же о СХТ. Ведь иначе непонятно, зачем ему надо было к книге, которая была почти готова в апреле, прибавлять в конце года 200 страниц «халтуры». Тем более, если книга эта почти наполовину повторяет ЛСП.

В апреле 1969 Лотман сообщает, что «получил пренеприятное письмо из издательства «Просвещение». Я сдал им книгу анализов – все разборы Пастернака и Цветаевой требуют снять, а письмо составлено так, будто я у них дворник» (Успенский 2016: 162). Цветаеву он все же отстоял, и книга в итоге вышла только в 1972 году.

2.1.1. Три введения (задачи и цели)

Итак, все три книги посвящены анализу художественного текста. Начнем со сравнения введений, так как именно в них задается тон и определяются задачи.

Введение к ЛСП Лотман начинает с указания на ту параллель, которую проводят между структурным методом и формализмом, чтобы показать преемственность основных положений формальной школы и, одновременно, подчеркнуть свое расхождение с ней по целому ряду вопросов. Все введение написано в духе оправдания структуралистского подхода: «структуральный метод отнюдь не возникает в советском литературоведении как простое привнесение лингво-математической методики или неожиданный рецидив формализма – он органически примыкает к предшествующему этапу развития советского литературоведения» (ЛСП, 14).

Дань времени (но не только) можно видеть в подчеркивании важности диалектического подхода. На помощь призывается сам Маркс,²⁴ и цитата

---

²³ Это примечательно: обычно Лотман не склонен себя хвалить.

²⁴ «В высшей математике он (К. Маркс. – Ю. Л.) находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой» (ЛСП, 8).

эта, подчеркивающая важность абстрактного мышления, повторяется потом многократно в других статьях о структурализме и семиотике.

Далее Лотман ставит конкретную задачу: «Необходимо изучить *структуру идеи, структуру поэтического представления о действительности*, то есть структуру словесного искусства. Это будет методология, противостоящая и формальному анализу разрозненных «приемов», и растворению истории искусства в истории политических учений» (ЛСП, 10). Речь идет о «создании новой методологии гуманитарных наук» (12), и ЛСП ставит «своей целью приблизить решение этой задачи в сравнительно узкой сфере теории стиха» (13).

Во введении СХТ внимание фокусируется на структуре языка и текста, и только потом говорится о структуре идеи:

Дать общий очерк структуры художественного языка и его отношений к структуре художественного текста, их сходства и отличий от аналогичных лингвистических категорий, то есть объяснить, как художественный текст становится носителем определенной мысли – идеи, как структура текста относится к структуре этой идеи, – такова общая цель, в направлении к которой автор надеется сделать хотя бы некоторые шаги. (СХТ, 19)

Позже он дает и конкретную методологию анализа, описывая «механизм внутритекстового семантического анализа», который, собственно, и должен показать «структуру художественного текста». Перед началом анализа исследователю нужно также сформулировать задачу: «какой степени полноты описание требуется и какие уровни будут рассмотрены как доминирующие, что и на каком основании не будет рассматриваться, в каких случаях отбор доминирующих элементов совершается на основании точно сформулированных критериев, а в каких эти понятия рассматриваются как интуитивно данные» (СХТ, 101)

Введение АПТ более конкретное, по сравнению с ЛСП, что естественно, так как уже само название указывает на объект исследования: «Предметом нашего внимания будет поэтический текст, взятый как отдельное, уже законченное и внутренне самостоятельное целое. /.../ Как построен текст и зачем он построен именно таким образом? – вот вопросы, на которые должна ответить предлагаемая книга» (АПТ, 6)

Теоретическая часть (по сравнению с ЛСП) доведена до минимума: «Задача науки/.../: добиваясь определенных результатов, ученый вырабатывает и некоторые фиксированные методы анализа, исследовательские алгоритмы, которые делают его результат повторимым. Именно сумма этого повторимого исследовательского опыта составляет научную методику» (АПТ, 6–7).

Здесь уже вводится понятие структурно-семиотического анализа:

Существенным препятствием на пути к освоению по существу простых идей структурно-семиотического анализа для многих литературоведов может явиться терминология. История науки сложилась таким образом, что

многие плодотворные идеи, касающиеся всех систем коммуникации между передающим и принимающим, впервые были высказаны в лингвистике. /.../ лингвистическая терминология занимает во всех науках семиотического цикла, в том числе и в структурной поэтике, особое место. (АПТ, 19)

Далее, сравнивая разные книги «трилогии», мы не собираемся делать монографический анализ всех частей, а лишь выделяем несколько понятийных полей, которые помогают высвечивать вопросы, связанные с языком описания.

2.1.2. Структурный (моделирующий) и семиотический (знаковый, коммуникативный) подходы

Прежде всего нас интересует освоение Лотманом метаязыков (структурной) лингвистики и семиотики.

В ЛСП явной доминантой выступает понятие модели и моделирования, в главе «Искусство и проблема модели» подробно излагается специфика художественной модели в десяти пунктах, и это изложение суммируется следующим выводом:

взгляд на произведение искусства как на модель открывает перспективы на возможность выражения таких сугубо «гуманитарных» понятий, как «художественный метод» («романтизм», «реализм», «эстетика фольклора»), «жизненная правда», «образ», в терминах и категориях общего научного мышления. (ЛСП, 39)

Какие категории имеются в виду? Как представляется, прежде всего те, которые напрямую связаны с понятием «модели» – «система» и «структура». Эти термины находятся в центре структуралистского (моделирующего, познающего) подхода, в то время как понятия «знак» и «коммуникация» связываются с семиотическим.

Именно в ЛСП Лотман впервые, на примере определения специфики искусства как явления, пытается разграничить эти два подхода:

Определив, что общего у искусства с другими знаковыми системами, мы сможем поставить вопрос о своеобразии его в ряду подобных явлений. И тогда, наконец, создастся основа для строгого определения специфики искусства как явления, одновременно моделирующего и семиотического. (ЛСП, 17)

В завершении теоретической части искусство рассматривается как семиотическая система и снова подчеркиваются те же два аспекта:

Особая природа искусства как системы, служащая для познания и информации одновременно, определяет двойную сущность художественного произведения – моделирующую и знаковую. /.../ В аспекте: художественное

произведение и действительность – мы рассматриваем искусство как средство познания жизни, в аспекте: художественное произведение и читатель – искусство как средство передачи информации. (ЛСП, 39)

Все же чувствуется некоторая неуверенность в использовании именно семиотической терминологии, и остается неясным, чем, собственно, семиотический подход отличается от структурного/структурального метода. Примечательно, что в главе об искусстве как семиотической системе говорится преимущественно о структуре.

В СХТ появляется (один раз) понятие «структурно-семиотическое», а также «вторичная моделирующая система», которая в ЛСП отсутствует. В АПТ подчеркивается структурно-семиотический подход и вводится следующее разделение:

Структурные методы присущи большинству современных наук. Применительно к гуманитарным правильнее было бы говорить о структурно-семиотических методах. /.../ Структурно-семиотические методы понадобятся, так как поэтический текст рассматривается «как особым образом организованная семиотическая структура. (АПТ, 14)

Интересное противопоставление между простой знаковой системой и сложной структурой, обрамленное метаязыком кибернетики, находим в ЛСП:

Система обратных связей /.../ позволяет художественному произведению приобретать известную самостоятельность /.../ и вести себя не как простая знаковая система, а как сложная структура с обратными связями, значительно обгоняя все известные из до сих пор созданных человеком систем с обратной связью и приближаясь, в определенном отношении, к живым организмам: художественное произведение находится в обратных связях со средой и видоизменяется под ее влиянием. (ЛСП, 90)

Этот кусок повторяется целиком в АПТ, но отсутствует в СХТ, где вообще нет никаких упоминаний об обратных связях, которые здесь настойчиво (четыре раза!) повторяются. Сравнение искусства с живым организмом вновь повторяется в заключении ЛСП: «Более того: подобно живой клетке, искусство являет нам одну из наиболее сложных структур с комплексной системой внутренней саморегуляции и обратных связей» (187), что примечательно, так как обычно появление «организмических/органических» метафор в лексиконе Лотмана связывается с 1970-ми годами или еще более поздними.

В АПТ при определении структуры на помощь призывается дихотомия Соссюра «язык–речь». Впрочем, возможно, главная цель была не в определении различия между системой и структурой: «сможем выделить в каждой коммуникационной системе аспект инвариантной ее структуры, которую вслед за Ф. де Соссюром называют языком, и вариативных ее

реализаций в различных текстах, которые в той же научной традиции определяются как речь» (АПТ, 20). Дальше язык оказывается системой: «соотношения языка (кода) и речи (сообщения), которое параллельно отношению «система – текст»» (там же).

Понятие «структуры» является центральным в структурализме и, естественно, занимает одно из главных мест и в метаязыке Лотмана. При этом как термин он Лотманом нигде в форме «структура – это...» не определяется. В ЛСП понятие структуры рассматривается прежде всего в контексте естественного языка, различаются структуры содержания и выражения словесного знака:

Знак в литературе остается словесным. Он не воспринимается человеком, не владеющим данной языковой структурой /.../ Те же семантические связи и противопоставления содержания, которые возникают в результате семантизации структуры выражения, заменяются иными. Они непереводимы, как непереводимы идиомы в структуре содержания. (ЛСП, 109–110)

Называются «фонологические, морфологические (и другие грамматические) элементы структуры», в связи с понятием модели поэтического видения мира говорится о структуре «субъектно-объектных» отношений (ЛСП, 124–125). В АПТ те же самые определения приводятся снова.

В СХТ можно выделить две группы явлений, называемых Лотманом структурами. В первую входят разные «объектные» структуры: идеологическая, нехудожественная С. действительности, семиотическая, кодовая, С. произведения (отождествляется с авторской системой моделирования мира), С. читательского ожидания, эмоции, поведения. Вторая группа рассматривает структуру «изнутри», «структура» характеризуется как сцепление, информация, модель мира, идейное содержание произведения, вторичная моделирующая система, упорядоченность, закономерность, информация.

Выделяются отношения между С. художественного языка и С. художественного текста, С. знака и содержанием, между структурным элементом и его функцией. Лотмановские структуры динамичны, так как в структуре художественного текста

одновременно работают два противоположных механизма²⁵: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а

---

²⁵ Место и значение понятия «механизм» в лотмановском метаязыке подробно описывается в статье IV, перепечатанной в настоящем издании. Но там по непростительной халатности не было указано пронизательное замечание Пезта Лепика о том, что «механизм» как понятие выражает у Лотмана «алгоритмизированную, связную систему, которая характеризуется целостностью, автономностью и универсальностью. В то же время это понятие склоняется к «игнорированию» семиотической границы между языком (кодом) и речью (текстом)» (Lepik 2008: 27).

другой – разрушить эту автоматизацию и сделать самую структуру носителем информации. (СХТ, 82)

Эта идея повторяется в разных вариациях в течение всей научной жизни Лотмана, воплощаясь в последних выступлениях в метафоре Большой Структуры: «Подлинная жизнеспособная Большая Структура должна принципиально строиться на иных основах, чтобы сохранить жизнеспособность, она должна не потерять структурного двуединства – способности быть одновременно единой и бинарной» (Лотман 1991).

В итоге создается впечатление, что Лотман не стремился к четкому различению системы и структуры, они служили для него операциональными понятиями. Что, собственно, и не должно удивлять, если вспомним, что Соссюр в своей книге говорит везде именно о системе, а не структуре языка. Если проследить использование понятий «структурность» и «системность», то оказывается, что термин структурность используется редко и не отличается по отдельным книгам «трилогии», зато наблюдается всплеск: «системность» употребляется в СХТ 68 раз, из них 40 раз – в главе «Текст и система». Проблему отношения системы к внесистемному у Лотмана рассмотрим в параграфе 2.3, включая ее в более широкое семантическое поле вне- и со-положности.

2.1.3. Знак и сигнал

Если «структура» – базовое понятие структурализма, то «знак» является основным понятием семиотики.²⁶ В ЛСП знак постоянно соотносится с сигналом. Проблема знака и сигнала в центре внимания в самой «семиотической» главе – «Искусство как семиотическая система»: «искусство как средство передачи информации подчиняется законам семиотических систем, а произведение²⁷, взятое в этом аспекте, может рассматриваться в связи с такими понятиями как знак и сигнал» (ЛСП, 40). Лотман приводит обширную библиографию на пяти языках, среди источников находим и две книги Чарльза Морриса. Но главными источниками, видимо, являются книга польского исследователя А. Шаффа „Введение в семантику“ (1963) и книга Георга Клауса *Semiotic und Erkenntnistheorie* (Berlin, 1963). Отметим, что по числу разнообразных ссылок на теоретические книги ЛСП выделяется на фоне остальных двух книг «трилогии». Например, в СХТ не находим уже ни Шаффа, ни Клауса, знак определяется по Жинкину, в примечании к 6 главе: «Знак и обозначаемое связываются произвольно. Любой знак можно связать с любым обозначаемым и любое обозначаемое

---

²⁶ О понятиях знака и значения у Лотмана см.: Grzybek 1989: 162–178.

²⁷ Последняя, третья, глава ЛСП начинается с обстоятельного обсуждения проблемы «текста» и его отличия от «произведения». Здесь, в начале книги, это различие еще не актуализировано.

с любимым знаком» (Жинкин Н. И. Знаки и системы языка. Berlin, 1961. S. 159).

Различение знака и сигнала встречаем как в ТМШ²⁸, так и вне ее, и связано это прежде всего с влиянием кибернетики на советскую семиотику. Лотман описывает превращение вещи в знак:

Первым шагом на пути превращения предмета действительности, используемого как сигнал, в идеографический знак является расширение его семантики в информационной функции по сравнению со значением в практической жизни. /.../ Вторым шагом в эволюции от вещи к знаку является замена данной вещи ее изображением. (ЛСП, 41)

В высказывании: «При взгляде на искусство как семантическую²⁹ систему сразу же возникает вопрос о своеобразии целого ряда исходных понятий. Прежде всего, о самом понятии «знак»» (ЛСП, 43) имеется в виду, видимо, все же, заявленная в заглавии параграфа семиотическая система.

Определение знака в языке Лотман берет «из прекрасной работы Н. И. Жинкина «Знаки и система языка»: «Знак и обозначаемое – это комплексные понятия /.../ Всякий знак есть знак чего-нибудь. /.../ Знак и обозначаемое связываются произвольно. Любой знак можно связывать с любым обозначаемым и любое обозначаемое любым знаком» (ЛСП, 43).³⁰

Далее сигнал как понятие кибернетики вклинивается в метаязык лингвистики, причем смешиваются соссюринская и генеративная лингвистика (идущая от Хомского и весьма популярная в то время):

Являясь средством передачи информации, язык, как это представляется современной лингвистике, развивающей известное положение Ф. де Соссюра, состоит из двух начал. Одно представляет собой совокупность сигнальных знаков, имеющих определенную физическую природу. /.../ Чтобы информация была возможной, необходимо, чтобы реализуемым в процессе передачи информации сигналам у воспринимающего соответствовали те же самые, но потенциальные, нереализуемые сигналы /Примечание Лотмана: «В современной лингвистической литературе эти две (реальная и потенциальная) стороны называются речью (или языковой деятельностью) и языковой способностью»/. (ЛСП, 46)

---

²⁸ Из людей более близких к Лотману это различение наиболее последовательно проводил А. Пятигорский.

²⁹ Ошибка эта не исправлена и в переиздании «Гнозиса» 1994 года. Отметим, что в первом эстонском сборнике статей Лотмана можно найти случаи перевода «семиотического» как «семантического».

³⁰ Последние два предложения этого определения приводятся и в СХТ, в АПТ дается следующее определение: «знак – всегда замена, – пишет Лотман, – в процессе социального общения он выступает как заменитель некоторой представляемой им сущности» (АПТ, 19).

В СХТ и АПТ использование «сигнала» как термина в соположении со «знаком» отодвигается на задний план и используется преимущественно в «обычном» значении. В СХТ только раз отмечается, что жизнь посылает человеку сигналы, а он должен эти «потoki сигналов дешифровать и превращать в знаки» (СХТ, 17). В АПТ сигнал связывается с речью, которая рассматривается как «цепь сигналов, однонаправленных во временной последовательности», а для того, чтобы «быть способным выполнить функции знака, сигнал должен хотя бы один раз повториться» (АПТ, 114).

2.1.4. Элемент, единица, сегмент

Изучение, анализ структуры предполагает определение отношений между элементами структуры. Наше внимание привлекли многочисленные попытки Лотмана определить эти элементы.

Начнем с СХТ, где этой проблеме уделено больше всего внимания. Так, Лотман противопоставляет формальные и смысловые элементы: «в стихотворении нет «формальных элементов» в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие. Художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые» (СХТ, 24). Чуть позже перед нами в той же функции уже единицы: «поскольку носителями определенных значений выступают единицы языка, то процесс понимания состоит в том, что определенное речевое сообщение отождествляется в сознании воспринимающего с его языковым инвариантом» (там же, 25). Но поскольку в предыдущем примере остается неясным, что «обычно вкладывается» в понятие «формального элемента»³¹, то полной уверенности в правильности нашей интерпретации нет.

Дальше говорится:

Всякий естественный язык состоит из знаков, характеризующихся наличием определенного внеязыкового содержания, и синтагматических элементов, содержание которых не только воспроизводит внеязыковые связи, но и в значительной мере имеет имманентный, формальный характер. (СХТ, 28–29)

Получается, что язык делится на знаки и формальные синтагматические элементы (которые, судя по всему, полноценными знаками не считаются). На той же странице появляются и «содержательные элементы»:

Иное дело в искусстве. Здесь, с одной стороны, проявляется постоянная тенденция к формализации содержательных элементов, к их застыванию, превращению в штампы, полному переходу из сферы содержания в условную область кода. (СХТ, 29)

---

³¹ То есть о «формальном» мы можем догадаться, а насчет элемента непонятно.

Объяснение приводится такое: «В естественных языках сравнительно легко выделяются знаки – устойчивые инвариантные единицы текста – и правила синтагматики» (СХТ, 33). Появляется одно из центральных понятий метаязыка Лотмана, «текст». Если здесь язык приравнивается к тексту (ср. выше, где язык состоял из знаков), то в дальнейшем текст будет в рамках соссюровской оппозиции «язык–речь» приравниваться к речи.

На странице 34 проглядывается влияние Ельмслева в различении элементов (у Ельмслева – фигуры) и знаков: «Одновременно с превращением общеязыковых знаков в элементы художественного знака протекает и противоположный процесс. Элементы знака в системе естественного языка – фонемы, морфемы, – становясь в ряды некоторых упорядоченных повторяемостей, семантизируются и становятся знаками».

Если до сих пор Лотман придерживался преимущественно метаязыка (структурной) лингвистики, то дальше включается пласт теории информации: «Для того чтобы акт художественной коммуникации вообще произошел, необходимо, чтобы код автора и код читателя образовывали пересекающиеся множества структурных элементов, – например, чтобы читателю был понятен естественный язык, на котором написан текст» (СХТ, 37–38). Здесь вторгается и метаязык математической лингвистики, которая использовала термины множества, последовательности, включения, субституции, эквивалентности для описания распределения последовательностей сегментов, их группировку в парадигмы и т.п.³²

Выделение единиц/элементов всегда связано с проблемой тождества/различия (этой проблеме посвящено много места в ЛСП в связи с моделями). В СХТ «тождество» заменяется более «терминологическим» понятием «эквивалентности» (в ЛСП и АПТ встречается всего 14 раз, в СХТ – 121):

Эквивалентность семантических элементов художественной структуры не подразумевает ни одинакового отношения к денотату, ни тождественности отношений к остальным элементам семантической системы естественного языка, ни одинакового отношения к общему окружению. (СХТ, 57)

Эта же мысль повторяется в более изощренной форме: «Фонологограмматические элементы будут организовывать семантически разнородные единицы в эквивалентные классы, внося в семантику различия элемент тождества» (СХТ, 89). При чтении этого утверждения невольно вспоминается знаменитая цитата из Якобсона, которую Лотман неоднократно упоминал: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации».

---

³² В ТМШ авторитетом в области математической лингвистике был Исаак Ревзин, чья книга «Модели языка» (1962), конечно, была известна и Лотману. Дмитрий Сегал особо отмечает роль Романа Добрушина, который в статье об элементарных грамматических категориях предложил аппарат, модификации которого позже использовались во всех советских работах по моделированию морфологии (Segal 1974: 6).

Появление термина из семиотического метаязыка Чарльза Морриса также связано со стремлением Лотмана описать процесс моделирования. В ЛСП «денотат» при первом появлении эксплицитно привязывается именно к метаязыку семиотики:

А поскольку структура – модель отражения действительности в сознании автора, то она, видимо, может быть классифицирована двояко – в ряду явлений мировоззрения и в ряду моделей жизни. В семиотическом отношении это будет реализовано как классификация знаков и их отношения к денотату. (ЛСП, 182)

В сущности, то же самое говорится в заключении, но уже без упоминания семиотики: «Поэтический текст можно определить как человеческую речь, особым образом сконструированную в связи с необходимостью создания особо сложных моделей-знаков для сверхсложных явлений денотатов» (ЛСП, 189).

Если в ЛСП «денотат» выглядит как случайный гость, то в СХТ он используется 19 раз, и – что примечательно – большей частью при конкретном анализе текста. «Денотат» здесь вводит необходимую дискретность (как и «элемент/единица/сегмент»), позволяющую говорить о значении (глава, откуда следующая цитата, называется «Проблема значения в художественном тексте»):

Эквивалентность семантических элементов художественной структуры не подразумевает ни одинакового отношения к денотату, ни тождественности отношений к остальным элементам семантической системы естественного языка /.../ Так, «сыр» и «щит», имеющие на языковом уровне различные денотаты, в поэтическом тексте Лермонтова получили общий – «луна». Вместе с тем ясно, что «луна» как общезыковой денотат не может обозначаться знаками «сыр» и «щит», тем более одновременно. /.../ Следовательно, необходимо отказаться от традиционного представления, согласно которому мир денотатов вторичной системы тождествен миру денотатов первичной. Вторичная моделирующая система художественного типа конструирует свою систему денотатов, которая является не копией, а моделью мира денотатов в общезыковом значении. (СХТ, 57)

Понимание денотата в этом абзаце более или менее соответствует представленному в ЛСП, но в конце СХТ находим интересное расширение понятия, уже довольно далеко отходящего от «денотата» Морриса и скорее приближающегося к его же «десигнату» (в лексиконе Лотмана нет ни этого, ни связанного с ним понятия «сигнификат»):

Особый характер зрительного восприятия мира, присущий человеку и имеющий результатом то, что денотатами словесных знаков для людей в большинстве случаев являются некоторые пространственные, зримые объекты, приводит к определенному восприятию словесных моделей. (СХТ, 211)

В АПТ «денотат» встречается всего один раз и выглядит случайным гостем: «Таким образом, возникает напряжение между предельной близостью, обыденностью поэтического денотата и предельной удаленностью, необычностью, поэтичностью обозначающих его слов» (АПТ, 68). В АПТ Лотман возвращается к сосюровской дихотомии «обозначаемое/обозначающее», которое употреблялось как в ЛСП, так и в СХТ.

В роли разделителя выступает в СХТ и понятие «сегмент», которым Лотман пользуется не так часто, как другими понятиями из этого ряда, и при этом нигде в СХТ не определяет его. Но в итоге окажется, что именно «сегмент» получает право занять почетное место при объяснении того, какие операции разделения необходимы для внутритекстового семантического анализа:

1. Разбиение текста на уровни и группы по уровням синтагматических сегментов (фонема, морфема, слово, стих, строфа, глава – для стихового текста; слово, предложение, абзац, глава – для прозаического текста).
2. Разбиение текста на уровни и группы по уровням семантических сегментов (типа «образы героев»). Эта операция особенно важна при анализе прозы. (СХТ, 100)

Отметим, что этот перечень напоминает подход Греймаса в его «Структурной семантике»³³. Параллели с подходом Греймаса находим и в главке «О специфике художественного мира» (СХТ, 234–240), особенно при анализе «Молитвы» Лермонтова (там же, 235), где Лотман говорит о расслаивании семантической системы на два пласта.

Вновь единица и элемент появляются в контексте объяснения трансформации слова естественного языка в поэтическом тексте. Здесь примечательно и появление сосюровской дихотомии обозначаемого и обозначающего вкупе со структурой: «Превращение слова в поэтическом тексте из единицы структуры в ее элемент не может уничтожить общезыкового его восприятия как основной единицы соотнесения обозначаемого и обозначающего» (СХТ, 169). Данный фрагмент хорошо иллюстрирует трудности, которые Лотман испытывает при выражении своей мысли в терминологически выверенном языке. Перегруженность терминами разных метаязыков, отношения между которыми не определены, приводит к тому, что остается непонятным, сопровождается ли это превращение из единицы в элемент каким-нибудь качественным, содержательным, значимым изменением, различаются ли «единица» и «элемент» как термины.

---

³³ Томас Венцлова приводит в своих воспоминаниях слова Лотмана: «Я держу его “Структурную семантику” у постели и читаю по одной главе перед сном. Нелегкое чтение – дело в том, что очень трудно выразить мысль с абсолютной точностью, а он именно этим занимается» (Венцлова 2015: 516). В архиве Лотмана при Таллинском университете есть статьи Греймаса с пометками Лотмана, в частности касающейся семиотического квадрата.

В АПТ зато находим четкое разделение элемента и сегмента, которое связывается с понятиями парадигматики/синтагматики и множества. Здесь заметное отличие от ЛСП, в котором понятие «парадигматика» вообще отсутствовало.

Текст членится на элементы, которые складываются в единую структуру. В отличие от синтагматической связи, соединяющей по контрасту различные элементы текста³⁴, парадигматика дает со-противопоставление элементов, которые на определенном уровне образуют взаимно дифференцированные варианты. (АПТ, 39–40)

Таким образом, можно сказать, что в последней книге «трилогии» Лотман, наконец, решил проблему выделения и определения единиц.

2.1.5. Материальность – действительность

В последней части этого обзора коснемся проблемы, которая выходит за рамки «трилогии», но в то же время именно на основе «трилогии» позволяет уловить интересные движения в метаязыке.

Во введении ЛСП приводится разделение на два типа моделей структур – «физического», и «математического» типа, уточняя, что «первые удобнее, когда нам придется моделировать *данную* структуру, вторые – *всякую*» (ЛСП, 5–6). К этому уточнению Лотман делает примечание: «Конечно, само понятие моделирования подразумевает определенную степень абстракции /.../ Тем не менее на иерархии уровней «физические» структуры более конкретны, а «математические» – более отвлеченны» (ЛСП, 6). В главе «Специфика искусства» мысль уточняется: «Перейдя из сферы художественного замысла в область материального воплощения, произведение искусства /.../ само становится явлением действительности. Как фактор изменения жизни, оно обладает двойной активностью – идеальной и материальной» (там же, 18).

Материалу, материальности искусства в ЛСП посвящена отдельная глава, где Лотман подробно разъясняет свою точку зрения:

Понятие материала искусства по самой своей этимологии подразумевает материальность. Однако не следует истолковывать это примитивно, отождествляя материальность с вещественностью. Система отношений – понятие невещественное, но, поскольку речь идет об отношениях, существующих в реальном, материальном мире, отношения в своей совокупности могут выступать в искусстве как начало материальное – материал, из которого

---

³⁴ Примечание Лотмана: «В дальнейшем мы будем пользоваться понятиями элемента и сегмента. Элемент – единица, по отношению к которой структура выступает как универсальное множество. Сегмент – элемент синтагматики».

создается структура произведения, – система отношений более высокого уровня. (ЛСП, 26–27)

Заявление о том, что отношения могут быть материальными, звучит в структуралистской парадигме странно. Скорее здесь можно было бы ожидать (в духе средневекового спора между номиналистами и реалистами³⁵) утверждения, что структуры, отношения – «реальны». Конечно, можно вспомнить о времени издания монографии и считать это попыткой Лотмана показать, что структурализм вполне укладывается в рамки диалектического материализма. Но все же, кажется, дело не только в попытках защититься от цензуры, но и в отходе от классического структурализма уже в самом начале своего пути.

Отчетливо видно это в параграфе «Язык как материал литературы»: «по отношению к литературе язык выступает как материальная субстанция, подобно краске в живописи, камню в скульптуре, звуку в музыке» (ЛСП, 46). Это определение вступает в сознательный конфликт с соссюрианским, и термин «язык»³⁶ используется Лотманом в более широком значении:

Ф. де Соссюр писал: «Язык не субстанция, а отношение». Справедливость этого положения не означает, что применительно к литературе язык не выступает как материальная стихия. /.../Но и при таком понимании язык, который по отношению к физической речи будет представлять высшую степень дематериализованной абстракции, по отношению к литературе предстанет как материальная сущность. (ЛСП, 47)

Это место отсутствует в сильно переработанной главе под тем же названием в АПТ, где внимание переносится на классификацию разных языков (которая в свою очередь взята из СХТ). В дальнейшем субстанциальность, материальность языка связывается с восприятием человека действительности: «Язык всей своей системой настолько тесно связан с жизнью, копирует ее, входит в нее, что человек перестает различать предмет от названия, пласт действительности от пласта ее отражения в языке» (ЛСП, 48–49).

Но расхождение с Соссюром в понимании языка у Лотмана не столь уж резкое. В статье IV Соссюр указывается как возможный источник появления в метаязыке Лотмана понятия «механизм». Возможно, что и на «организнистическую» трактовку Лотманом языка (а потом и культуры) оказал влияние Соссюр. В «Курсе» читаем:

Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо его организму, его системе, – одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики». /.../Мы считаем весьма плодотворным изучение «внешнелингвистических», то есть внеязы-

---

³⁵ Напомним, что Маркс называл номиналистов первыми материалистами.

³⁶ Он соответствует скорее соссюрскому *langage*, чем *langue*.

ковых, явлений; однако было бы ошибкой утверждать, будто без них нельзя познать внутренний организм языка. (Соссюр 1977 [1916]: 59–60).

Здесь находим и примечание Туллио де Мауро (которое не присутствовало в издании, доступном Лотману тогда, в 1964 году), где он приводит полный текст записей Ридлингера (одного из студентов Соссюра), ставших источником процитированного выше абзаца:

Сделаны замечания по поводу использования термина *организм*: язык нельзя сравнивать с живым существом, он постоянный продукт тех, от кого он зависит! Однако это слово можно употреблять, не утверждая, что язык является отдельным существом, существующим вне разума, независимым. [Если хотите], можно вместо *организма* говорить о системе. Это предпочтительней, но это приводит к тому же. (Мауро 1999: 323)

На основании примечаний Мауро можно провести еще одну параллель между Соссюром и Лотманом: «Заботы о терминологии были постоянным фактором в интеллектуальной биографии Соссюра. /.../ Осознавая новизну затронутых проблем, Соссюр не только не чурается невинных «анимистических» метафор, но также постоянно ищет сравнения для пояснения концепций, которые он справедливо считает радикально новыми» (Мауро 1999: 303).

Говоря о «минус-приемах» Лотман разделяет бытовое и философское понимание материальности: «если «украшенная» («сложная») структура реализуется главным образом в тексте, то «простая» – в значительной степени за его пределами, воспринимаясь, как система «минус-приемов», нематериализованных отношений (эта «нематериализованная» часть вполне реальна и – в философском, а не бытовом значении слова – вполне материальна. Она входит в материю структуры произведения)» (ЛСП, 55). Затем философское понимание подкрепляется более «материальным» авторитетом – современной молекулярной физикой:

Современная молекулярная физика знает понятие «дырки», которое совсем не равно простому отсутствию материи. Это – отсутствие материи в структурном положении, подразумевающим ее присутствие. В этих условиях «дырка» ведет себя настолько материально, что можно измерить ее вес, – разумеется, в отрицательных величинах. И физики закономерно говорят о «тяжелых» и «легких» дырках. /.../ А из этого следует, что понятие «текст» для литературоведа оказывается более сложным, чем для лингвиста. Если приравнять его понятию «реальная данность» художественного произведения, то необходимо учитывать и «минус-приемы» – «тяжелые» и «легкие дырки» художественной структуры. (ЛСП, 59)³⁷

---

³⁷ Это одно из немногих мест, которое повторяется дословно как в СХТ (108), так и в АПТ (32).

Аналогия, бесспорно, красивая, но в разговоре о «материальности» Лотман все же склоняется не к отрицательным величинам, а к вполне осязаемым. В заключении ЛСП он вновь подчеркивает материальность именно структуры:

Подобно тому, как в науке о живом организме мы понимаем, что явление жизни, представляя собой качественную специфику биологических процессов, ни на одну минуту не может быть представлено вне материальной структуры клеток /.../ теоретик искусства ясно должен представлять себе, что идея искусства, составляя его основу, не может существовать вне материальной структуры произведения. (ЛСП, 189)

В СХТ больше не говорится ни о материальности структур, ни о материальности языка. Теперь в качестве материальной стороны выступает уже не язык, а текст, который приравнивается в дихотомии Соссюра к понятию речи. Здесь также рассуждается о материальной стороне знака, что связано с различением плана выражения и содержания. В СХТ чувствуется сильное влияние Ельмслева и наблюдаются постоянные попытки применения его метаязыка. Материальность текста объявляется специфическим свойством знаковых систем как таковых:

Материальной субстанцией в них выступают не «вещи», а отношения вещей. Соответственным образом это проявляется и в проблеме художественного текста, который строится как форма организации, то есть определенная система отношений составляющих его материальных единиц. (СХТ, 63)

В АПТ тема материальности уходит на задний план, и большинство упоминаний самого слова перекочевали сюда из ЛСП. В одной из «оригинальных» вставок противопоставляются «реальность» и «материальность», и в итоге отношения, которые раньше признавались «материальными», теперь оказываются «реальными»: «в реальность текста входит совсем не все, что материально ему присуще, если вкладывать в понятие материальности наивно-эмпирическое или позитивистское содержание. Реальность текста создается системой отношений, тем, что имеет значимые антитезы, то есть тем, что входит в структуру произведения.» (АПТ, 12)

Рассуждения о материальной стороне знака в СХТ отразились и в АПТ, где «материальное выражение» соединяется с «формальной стороной»:

В основе любого языка лежит понятие з н а к а – значимого элемента данного языка. Знак обладает двуединой сущностью: будучи наделен определенным материальным выражением, которое составляет его формальную сторону, он имеет в пределах данного языка и определенное значение, составляющее его содержание. (АПТ, 18)

Примеры со словом «орден» и самим орденом как знаком, которыми Лотман иллюстрирует свою мысль, приводят к различению двух типов знаков – условных и иконических, которые подробно разбирались уже в ЛСП.

***

На основе анализа «трилогии» можно резюмировать: в «трилогии» уже имеются или намечаются почти все основные понятия лотмановского метаязыка. В СХТ особенно ясно видно, как Лотман пытается создать декларируемый им новый метаязык, перепробовав разные варианты и комбинации. В итоге когерентная система на уровне метаязыка все же не сложилась, но сам опыт пригодился в дальнейшем. В таблице 1. мы приводим только те понятия, о которых шла речь в главе 2.1. В наших статьях, рассматривались также термины «механизм» и «устройство» (IV статья), «перевод» (статья I), «текст» (статья II) и другие.

Таблица 1. Динамика употребления понятий в «трилогии».

Текст (кол-во слов) Понятие	ЛСП 1964 (63 000)	СХТ 1970 (99 500)	АПТ 1972 (44 700 ³⁸)
структура/структурное	450/145	550/227	286/146
система	217	457	209
структурность/системность	6/2	5/68	1/4
модель/моделировать	190/63	150/90	57/20
семиотика/семиотическое	4/14	3/15	3/15
информация/кибернетика	130/4	180/8	56/2
коммуникация	9	77	12
знак/сигнал	134/65	166/42	61/16
денотат	2	19	2
элемент/единица/сегмент	264/93/9	370/112/76	137/40/26
тождество/эквивалентность	86/14	13/121	13/14
материальность	50	33	17

³⁸ Учтена только первая, теоретическая часть.

Таблица 2. Сопоставление оглавлений трех частей трилогии.

LSP	SHT	APT
<p>Введение</p> <p>Глава 1. Некоторые вопросы общей теории искусства</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Специфика искусства (постановка вопроса) 2. Проблема сходства искусства и жизни в свете структурального подхода 3. Материал искусства 4. Искусство и проблема модели 5. Искусство как семиотическая система <p>Глава 2. Проблема структуры стиха</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Язык как материал литературы 2. Поэзия и проза 3. Природа поэзии 4. Ритм как структурная основа стиха <ol style="list-style-type: none"> a. Природа рифмы b. Проблема повтора в стихе c. Некоторые выводы 5. Понятие параллелизма 6. Повторяемость низших элементов 7. Проблема метрического уровня стиховой структуры 8. Структурные свойства стиха на лексическом уровне 9. Уровень морфологических и грамматических элементов 10. Стих как мелодическое единство 	<p>Введение</p> <p>1. Искусство как язык Искусство в ряду др. знаковых систем Понятие языка словесного искусства О множественности худ. кодов О величине энтропии худ. языков автора и читателя</p> <p>2. Проблема значения в ХТ</p> <p>3. Понятие текста Текст и внетекстовые структуры Понятие текста</p> <p>Иерархичность понятия текста Словесный образительный знак (образ)</p> <p>4. Текст и система Системное и внесистемное в ХТ Многоплановость ХТ Принцип структурного переклечения и построения ХТ «Шум» и худ. информация</p> <p>5. Конструктивные принципы текста Парадигматическая ось значений Синтагматическая ось в структуре ХТ</p> <p>6. Элементы и уровни парадигматики ХТ Поэзия и проза Принцип повтора Повторяемость на фонологическом уровне Ритмические повторы Принципы сегментации поэтической строки</p>	<p>Введение</p> <p>Задачи и методы структурного анализа поэтического текста</p> <p>Язык как материал литературы Поэзия и проза Природа поэзии Художественный повтор Ритм как структурная основа стиха Ритм и метр Проблема рифмы Повторы на фонемном уровне Графический образ поэзии Уровень морфологических и грамматических элементов Лексический уровень стиха Понятие параллелизма Стих как единство</p>

LSP	SHT	АРТ
<p>11. Стих как семантическое единство</p> <p>12. Композиция стихотворения</p> <p>13. Проблема поэтического сюжета</p> <p>Глава 3. Текстовые и внетекстовые структуры</p> <p>1. Проблема текста</p> <p>2. Внетекстовые связи поэтического произведения</p> <p>3. Проблема стихового перевода</p> <p>Заключение</p>	<p>Проблема метрического уровня стиховой структуры</p> <p>Грамматические повторы в поэтическом тексте</p> <p>Структурные свойства стиха на лексико-семантическом уровне</p> <p>Стих как мелодическое единство</p> <p>Стих как семантическое единство</p> <p>Сверхстиховые повторы</p> <p>Энергия стиха</p> <p>7. Синтагматическая ось структуры</p> <p>Синтагматика лексико-семантических единиц</p> <p>8. Композиция словесного художественного произведения</p> <p>Рамка</p> <p>Проблема худ. пространства</p> <p>Проблема сюжета</p> <p>Понятие персонажа</p> <p>О специфике худ. мира</p> <p>Персонаж и характер</p> <p>Кинематографическое понятие «план» и литературный текст</p> <p>Точки зрения текста</p> <p>Соположенность разнородных элементов как принцип композиции</p> <p>9. Текст и внетекстовые худ. структуры</p> <p>Относительность противопоставления текста и внетекстовых структур</p> <p>Типология текстов и типология внетекстовых связей</p> <p>Заключение</p>	<p>Строфа как единство</p> <p>Проблема поэтического сюжета</p> <p>«Чужое слово» в поэтическом тексте</p> <p>Текст как целое.</p> <p>Композиция стихотворения</p> <p>Текст и система</p> <p>О «плохой» и «хорошей» поэзии</p> <p>Некоторые выводы</p>

2.2. Между структурализмом и семиотикой

Вопрос о соотношении терминов структуралистского и семиотического метаязыка у Лотмана уже был поднят в подглаве 2.1.2. Сосредоточимся на том, как сам Лотман разделял эти направления и как он их характеризовал³⁹. Как было показано, Лотман предпочитал говорить о структурно-семиотическом подходе, не разделяя эти понятия. Но в нашем распоряжении есть материал, где он все же был вынужден определиться, – статья о семиотике в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) и статья о структурализме, написанная во второй половине 1960-х, но так и не опубликованная (см. об этом: Пильщиков 2012).

Связи между структурализмом и семиотикой неоднократно становились предметом обсуждения, особенно в обзорах справочного и энциклопедического жанра, где нужно того или иного автора «поместить» в рамки определенной дисциплины⁴⁰.

Умберто Эко подробно рассматривал проблему соотношения структурализма, семиотики и семиологии в своей книге с многозначительным названием «Отсутствующая структура» (1968). Любопытная параллель с Лотманом обнаруживается в описании Эко его поворота к семиотике между 1962 и 1965 годами (в то же самое время, что и у Лотмана): «мое отношение к проблемам коммуникации претерпело значительные изменения: если вначале я опирался на теорию информации и англосаксонские исследования по семантике, то позже мне сделались ближе структурная лингвистика и русский формализм» (Эко 1998: 4). Можно сказать, что Лотман стартовал от русского формализма со структурной лингвистикой и теорией информации, прибавив еще и кибернетику, но до англосаксонских исследований по семантике так и не дошел.

Эко объясняет «столь частое отождествление “науки о знаках” и структурного метода» тем, что во Франции (колыбели структурализма) «структурная лингвистика в то время больше всего стимулировала развитие науки о знаках» и именно там «возобладало желание скрыть тот факт, что структурализм это метод, и очень плодотворный, выдав его – более или

---

³⁹ Борис Успенский, соавтор Лотмана, говорит в интервью 2016 года: «Исторически структурализм и семиотика соотносятся, по-моему, так, что и то, и другое вышло из Соссюра. /.../ По-моему, структурализм – это прежде всего оппозиции: в фонологии, в грамматике, когда обнажается структура, то есть это гораздо более узкий и четкий подход. Семиотика, конечно, гораздо более широкое явление. С моей точки зрения, семиотика – это предельно общая лингвистика /.../ это «общее общее языкознание», когда даже само слово «язык» употребляется в максимально широком смысле» (Трунин 2016). По сути дела, здесь вместо семиотики дается определение именно семиологии в чисто соссюровском духе.

⁴⁰ См., например, Hawkes 1977, Baran 1976, Broekman 1971, Cáceres 1999, Hymes 1978, Seyffert 1985, Grishakova 2018.

менее осознанно – за некую философию, видение мира, онтологию» (там же, 6).⁴¹

Для Эко семиология шире семиотики: «считается, что тот, кто стремится изучать знаковые системы независимо от лингвистики /.../ должен называться семиотиком. И термин семиотика сегодня предпочитают американские и советские исследователи» (Эко 1998 [1968]: 386). Он дает «эмпирическую» дефиницию: «мы будем именовать “семиологией” общую теорию исследования феноменов коммуникации, /.../, и мы будем именовать “семиотиками” отдельные системы знаков в той мере, в какой они отделены и, стало быть, формализованы»⁴² (там же).

В перечне разных семиотик Эко называет и культурные коды, среди которых выделяет *системы моделирования мира* – «под этим названием советские семиологии объединяют мифы и легенды, теологические системы, которые создают единую картину, отражающую глобальное видение мира с позиций какого-либо сообщества» (отмечаются работы Иванова и Топорова) – и *типологию культур*: «на этом разделе особо настаивает советская семиология (см., в частности, работы Ю. М. Лотмана). Семиология вносит свой вклад в изучении культуры, как в синхронном плане, так и в диахронном, преобразуя ее в самостоятельную семиотику» (там же, 405).

Михаил Лотман справедливо отмечает, что для Юрия Лотмана «семиотика – эмпирическая дисциплина, и семиотический анализ реального материала представлялся ему и более важным, и более значительным, нежели самые изощренные метатеоретические разработки или самая остроумная полемика» (М. Лотман 2002: 6). Но утверждение, что «Ю. Л. принципиально отказывался от создания сколько-нибудь систематического обзора основ семиотического знания /.../, поскольку своей основной задачей считал разработку нового, а не изложение уже известного или даже интеграцию старых и новых результатов в единое обобщающее целое» (там же), на наш взгляд, слишком категорично и не совсем соответствует истине.

Осенью 1965 года Лотман впервые читал курс по общей семиотике, который он резюмирует в письме к Успенскому: «1. Ходило очень мало народа (несть пророка...). 2. Успел только главные понятия» (Успенский 2016: 51). Увы, неизвестно, какие именно главные понятия рассматривались.

В предисловии ко второму тому ТЗС 1965 года впервые появляется описание семиотики: «Изучение знаковых систем в рамках особой науки – семиотики часто воспринимается как новация, разрушающая традицион-

---

⁴¹ Вспомним упреки Пятигорского в том, что ТМШ онтологизировала свой объект – культуру.

⁴² Такое определение семиотики в общих чертах совпадает с семиотикой во втором значении в словаре Греймаса-Курте: «2) объект познания, каким он предстает в ходе и в результате описания» (Greimas, Courtés 1993 [1979]: 339).

ные представления о методах научного мышления» (Предисловие 1965: 5). Лотман уверяет, что «за спиной семиотики стоит /.../ солидная философская традиция» и подкрепляет свою мысль цитатой из Локка. Отмечая, что «проявлением зрелости семиотики является растущее стремление использовать ее положения и методы в качестве рабочих инструментов при изучении различных конкретных знаковых систем» он высказывает сомнение «в плодотворности противопоставления некоей «чистой» семиотики (мыслимой /.../ как синтез лингво-логико-психологических представлений о знаке) – описаниям и изучением знаковых систем, реально данных в истории человеческих взаимоотношений» (там же).

В программной статье «Литературоведение должно быть наукой» (1967) Лотман, отвечая на критику В. Кожина, упрекает оппонента в незнании семиотической терминологии и приводит в качестве неудачного определения пример: «Сигнал есть прежде всего нечто постоянное, устойчивое, раз навсегда закрепленное, или, как говорят сами семиотики, инвариант» (Лотман 1997а: 756). Лотман сетует на то, что Кожин не понял значения термина «инвариант», но при этом не обращает внимания на понятие «сигнал», которое у Кожина уподобляется знаку. Возможно, он не считал нужным придирается к этому, ведь дальнейшее свое объяснение, что такое «инвариант» он строит именно на примере слова как знака. В этой же статье Лотман заявляет, что «Методологической основой структурализма является диалектика» и что «исследователь-структуралист исходит из того, что вырванные из системы элементы не могут иметь никакого значения». Он называет «оппозицию» термином, взятым из структурной лингвистики, и говорит о семантике и прагматике, которые тут употребляются скорее как понятия лингвистические, а не семиотические.

Если в предыдущем примере понятия структуралистского и семиотического метаязыка четко не различались, то в статье «Люди и знаки» (1969) Лотман отвечает на конкретный вопрос читателя «Что такое семиотика?». Данное здесь описание семиотики как науки потом повторяется и в других статьях. Говоря об истоках семиотики, Лотман вновь упоминает Локка, но также указывает, что семиотика как наука «возникла в пятидесятых годах нашего века на скрещении нескольких дисциплин: структурной лингвистики, теории информации, кибернетики и логики» (Лотман 2000а: 8). В сущности, он описывает советский вариант семиотики, определяя его как «науку о коммуникативных системах и знаках» (там же, 6). Отдельно он выделяет вклад теории информации в семиотику: «Основные понятия теории информации – «канал связи», «код», «сообщение» – оказались чрезвычайно удобными для интерпретации ряда семиотических проблем» (там же, 8). Интердисциплинарное понятие знака, которое «одновременно разрабатывалось и лингвистами, и математиками, и логиками, стало фундаментальным понятием семиотики, которую не случайно чаще всего называют наукой о знаковых системах» (там же, 9).

В СХТ Лотман считает нужным объяснить, что «теория информации шире семиотики – она изучает не только такой частный случай, как поль-

зование социальными знаками в определенном коллективе, а все случаи передачи и хранения информации, понимая последнюю как величину организации – противоположность энтропии» (СХТ, 68). Такое «узкое» понимание семиотики характерно для Лотмана данного периода и в дальнейшем отражается и в определении им дисциплины «семиотика культуры».

Более углубленное описание основных понятий семиотики Лотман дает во введении к своей монографии «Семиотика кино» (1973). Повторяя высказанную в «Людах и знаках» мысль, что для осуществления своей коммуникативной функции язык (как семиотическая система) «должен располагать системой *знаков*», он приводит и определение знака: «Знак – это материально выраженная замена предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе» (Лотман 1973: 4). О том, что описываемая здесь семиотика ближе к соссюровской семиологии, свидетельствует тот факт, что Лотман дает определения семантики знака и синтаксических упорядоченностей (там же, 290), но нигде не упоминает прагматику.

Определение прагматики вместе с упоминанием Пирса и Морриса находим в статье «О Хлестакове»:

Прежде всего, понятие прагматических связей – в том виде, в каком оно было сформулировано Пирсом и Моррисом, – в применении к сложным семиотическим системам оказывается в достаточной мере неопределенным. Отношение между знаком и людьми, получающими и передающими информацию, трудно определимо, поскольку и слово «отношение» здесь, видимо, употребляется в ином, чем при определении синтактики и семантики, смысле, далеком от терминологической определенности, и понятие «люди» сразу же вызывает вопрос: рассматривается ли здесь человек как объект семиотического, психологического или какого-либо еще описания. (Лотман 1975: 34)

По тексту понятно, что определение «прагматики» Лотманом взято не прямо из Пирса или Морриса, а из какого-то пересказа. Лотман предлагает свое определение прагматики, где в качестве участников коммуникации выступают тексты: «прагматические связи можно будет трактовать как соотношение двух различно организованных и иерархически занимающих разные места, но функционирующих в пределах единого культурного целого текстов» (там же, 34–35).

В «юбилейном» сборнике ТЗС Лотман публикует статью «Об итогах и проблемах семиотических исследований», где начало семиотических исследований определяется 1959–1960 учебным годом, когда читались лекции по структурной поэтике. Сдвиг научных интересов он видит «в перемещении интереса от описания общих структур (языков, кодов) к проблеме текста и конкретным текстам и от строго синхронного подхода – к историческому» (Лотман 1987б: 13).

При описании развития концепта «текст» Лотман пользуется метаязыком информационной теории и кибернетики:

Первоначально естественным казалось исходить из того, что текст – материализованная реализация кода. Только то, что имеет соответствие в коде, делает текст семиотическим объектом. Логическим следствием было представление о том, что 1) код (язык) первичен /.../; 2) что, с точки зрения семиотики, нет ничего в тексте, чего не было бы до этого в коде; 3) что процесс коммуникации схематически может быть представлен так: некоторая информация («смысл») пропускается через кодирующее устройство и материализуется в тексте. Получатель текста декодирует его с помощью кода и извлекает из него исходную информацию. (Лотман 1987б: 13)

В ряду размышлений Лотмана по поводу семиотики выделяется его предисловие к первому сборнику статей на эстонском, выход которого по разным причинам затянулся почти на 20 лет, – сборник вышел только в 1990 году. Лотман определяет предмет исследования своей книги и объект семиотики: «Настоящая книга исследует разные аспекты семиотики вторичных моделирующих систем⁴³. Объектом семиотики является все то, что способно иметь и передавать значение» (Lotman 1990: 3). Это расширенное определение семиотики весьма современное и напоминает высказывание Греймаса о том, что в центре всякой семиотической теории должна быть теория значения.

По-новому описывается и развитие семиотики как науки:

Первые шаги /.../ были связаны с атомарным подходом. Его основой были элементарные клетки семиотического процесса: знак, изолированное сообщение, единственный акт коммуникации. Сейчас мы смотрим на это иначе: у нас есть полное основание утверждать, что единичные акты семиотического характера реальны и возможны лишь как проявления семиотического универсума. /.../ Возникновение семиотики как науки в середине XX века является также фактом современной культуры, свидетельством завершения процесса оформления глобальной семиосферы. (там же, 4)

В словарной статье «Семиотика» (1987), написанной для ЛЭС, Лотман начинает с общепринятой дефиниции: «наука о знаках и знаковых системах» и приводит в качестве предтеч современной семиотики Пирса и Соссюра, которого почему-то называет «филолог и антрополог». Из статьи 1969 года перекочевала в неизменном виде фраза «Как самостоят. наука совр. С. возникла в 1950-х гг. на пересечении структурной лингвистики, кибернетики и теории информации».

---

⁴³ Выражение «семиотика вторичных моделирующих систем» укрепляет нашу уверенность в том, что для Лотмана понятия «семиотическая система» и «вторичная моделирующая система» не являются синонимами, и что ВМС не «терминологический эвфемизм» вместо «семиотической системы», как считает Пильщиков (см.: Пильщиков 2012: 49).

Непонятно, почему слово «знак» заменено «символом» в определении семиотики, которая изучает «любые способы общения» с помощью символов, а предметом С. являются «объекты, к-рые могут рассматриваться в качестве языков».

Во второй половине статьи Лотман переходит историческому обзору и чувствует себя здесь явно увереннее, так как говорит о своем пути от структурализма к семиотике (см параграф 1.4.).

В написанной в 1971 году для «Краткой литературной энциклопедии» статье «Структурализм в литературоведении» Лотман определяет структурализм как

направление в теории литературы, стремящееся применить к изучению искусства системные методы, широко распространившиеся в науке 20 в. В основе С. в л. лежит взгляд на объект литературоведения как на устойчивое единство элементов и отношений между ними. Процесс познания в литературоведении, согласно С. в л., – построение иерархии инвариантных моделей и изучение вариативной реализации их в конкретных текстах. (Пильщиков 2012: 60)

То же самое Лотман говорил в ЛСП, связывая структурализм с моделированием, а семиотику с коммуникацией. В статье 1971 года вводится разделение между метаязыками структурализма и семиотики: «реализуется сближение С. в л. с общей теорией моделей и методами точных и естественных наук и выделяется первое ведущее противопоставление: структуры («языка» в терминах семиотики, «кода» в теории информации) и текста («речи» или «сообщения» в терминах назв(анных) наук)» (там же).

В своих собственных текстах он такому разграничению, все же, не следует, а язык и речь, наверное, попали в термины семиотики из семиологии Соссюра. Лотман иногда пользуется понятием «семиология», но как синонимом «семиотики».

Особенностью структурализма на современном этапе Лотман называет его «связь с семиотическим подходом. Результатом этого стало выделение проблемы значения изучаемых объектов в качестве основной и конечной цели, что кладет решительную грань между С. в л. и формальным методом» (там же). Описывая развитие структурализма в литературоведении, Лотман выделяет три этапа развития. Первый охватывает предысторию, где он приводит только предшественников структурализма в СССР – литературоведение 20-х гг., формальную школу, ОПОЯЗ, – подчеркивая особенно большую роль трудов Проппа, Бахтина и Тынянова. Второй этап (1960-е гг.), когда «складывание целостной системы С. в л. связано с успехами структурной лингвистики и формулировкой одной из основных посылок общей семиотики – мысли о возможности рассмотрения различных знаковых систем в качестве особых языков» (там же, 61–62). Третий, нынешний, этап «связан с осознанием структур естественных языков как частных механизмов в семиотике культуры. /.../ Резко обострилась про-

блема семиотического многоязычия (от полифонизма внутри отдельного текста до полиглотизма внутри культуры и проблемы поликультурия в рамках единой культуры человечества)» (там же, 63). Как видим, четкого разграничения между структурализмом и семиотикой здесь нет, и Лотман специально подчеркивает их сплетение.

Более созвучное нынешнему пониманию семиотики определение находим во введении к книге «Внутри мыслящих миров», в части, озаглавленной «После Соссюра». Лотман перечисляет три аспекта, которые в своей совокупности составляют область семиотики в конце XX века. В первом аспекте семиотика – это «область знания, объектом которого является сфера знакового общения». Эта линия восходит к Соссюру, в центре находятся понятия языка и коммуникации. «Во втором аспекте семиотика предстает перед нами как метод гуманитарных наук, проникающий в различные дисциплины и определенный не природой объекта, а способом его анализа» (Лотман 1996: 5–6). Вспомним процитированное выше мнение Эко, который называет структурализм прежде всего методом. Третий аспект Лотман определяет как «своеобразие научной психологии исследователя, склад его познающего сознания. /.../ все, привлекающее внимание исследователя-семиотика, семиотизируется в его руках. Это связано с воздействием описывающего на описываемый объект» (там же, 6). Такое понимание семиотики вызывает в памяти как определение Кристевой: «Семиотика – это такой тип мышления, при котором наука живет (обладает сознанием) в силу того, что сама является теорией» (Кристева 2004 [1968]: 57), – так и определение современного американского семиотика Джона Дили в главе «Семиотика: метод или точка зрения?» его книги *Basics of Semiotics*: «Семиотика – перспектива или точка зрения, проистекающая из понимания предпосылок каждого метода или мысли» (Deely 2005: 13).

В своей последней книге «Непредсказуемые механизмы культуры» Лотман вновь говорит об истории семиотики и ТМШ, ни разу не употребляя слова «структурализм»: «Первоначально центр интересов сосредоточивался в сфере структуры и языка изучаемых явлений. /.../ На следующем этапе центр внимания переместился на тексты («речь», в терминологии де Соссюра)» (НМК, 36). Затем появляется семиотика, которая «создавалась как наука о коммуникациях /.../ Теперь в поле ее зрения оказались два аспекта: передача уже готовых сообщений и выработка принципиально новых. /.../ Проблемы полиглотизма структур и перевода приобрели доминирующее значение» (там же). Появление семиотики культуры видится Лотману результатом распространения «объекта семиотики на широкое пространство исторической науки», когда предметом рассмотрения сделалась «сама граница между семиотикой и внешним для нее миром /.../. На этом этапе семиотику возможно определить как науку об исследовании теории и истории культуры» (там же, 37). Следующим необходимым шагом науки Лотман видит «создание общей теории структур, теории, объединяющей все формы организации мира – от физических до

явлений культуры». Цель своей книги он видит более скромной: «наметить единство структурного описания культуры и пунктирно предположить ее место в более обширных и всеобщих формах организации» (там же). При таком описании получается, что Лотман никуда от структурализма не отходил. И действительно, все сказанное перекликается с размышлениями в статье 1963 года о разграничении двух структур, где Лотман критически отзывается о ельмслевском понимании структуры. Главное возражение Лотмана касается понятия Ельмслева «материал содержания», который аморфен и становится структурным лишь в языке:

./.../ что и система окружающего человека материального мира, и сознание человека, класса, поколения в каждый отдельный момент их существования – явления не аморфные, а связанные строгой системой отношений в структуры ./.../ эти структуры трудно увидеть, структурность их скрыта от наивного наблюдателя и по сравнению со зримой структурностью языка они конечно разомкнутые и аморфные. (Лотман 1963: 52)

Там же он говорит о существовании некой «общей структуры художественного мышления, не зависимой от материала данного искусства». В поисках этой общей структуры, как нам кажется, Лотман находился в течение всей жизни.

В заключение приведем два конкретных примера, где сталкивается структуралистский метаязык, тип описания, с семиотическим. Первый рассматривает изменения в определении одного из «фирменных» концептов ТМШ – «вторичные моделирующие системы», второй – путаницу в использовании терминов «синтагматика» и «синтактика».

2.2.1. Вторичные моделирующие системы

Понятие ВМС, как известно, было предложено в шутку братом Бориса Успенского, математиком Владимиром Успенским для обозначения объекта изучения, чтобы избежать употребления слова «семиотика».

Первое определение ВМС находим в редакционном предисловии второго сборника ТЗС:

./.../ одним из основных вопросов изучения вторичных моделирующих систем является определение их отношения к языковым структурам. При этом необходимо оговорить содержание, которое мы вкладываем в понятие «языковая структура». Бесспорно, что всякая знаковая система (в том числе и вторичная) может рассматриваться как особого рода язык. ./.../ вторичные моделирующие системы могут быть определены как интересный образец сверхсложных кибернетических структур. (Редколлегия 1965: 6)

К вопросу о соотношении языка и ВМС Лотман возвращается в СХТ (напомним, что в ЛСП понятие ВМС не употребляется, хотя там много

говорится именно о моделировании). В СХТ перечисляются разные языки, подпадающие под понятие «язык»: естественные, искусственные и вторичные языки (ВМС). В качестве этих вторичных языков или ВМС называются «коммуникационные структуры, надстраивающиеся над естественно-языковым уровнем (миф, религия). /.../ Вторичные моделирующие системы (как и все семиотические системы) строятся *по типу языка*» (СХТ, 21–22).

В АПТ дается такое же разделение языков, но определение ВМС изменилось, уже не акцентируется их «языковость». Наблюдается очередной сдвиг, который можно характеризовать как движение от структурализма к семиотике: структуры превращаются в семиотические системы, имеющие более сложную структуру, коммуникация становится знаковой, вторичная моделирующая система определяется не как структура, а как семиотическая система:

Вторичные моделирующие системы – семиотические системы, построенные на основе естественного языка, но имеющие более сложную структуру. Вторичные моделирующие системы, ритуал, все совокупности социальных и идеологических знаковых коммуникаций, искусство складываются в единое сложное семиотическое целое – культуру. (АПТ, 21)

В «Тезисах к семиотическому изучению культур» (1973) акцент переносится со вторичности на моделирование:

Под «вторичными моделирующими системами» имеются в виду такие семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. Эти системы являются вторичными по отношению к первичному естественному языку, над которым они надстраиваются – непосредственно (надязыковая система художественной литературы) или в качестве параллельных ему форм (музыка или живопись). (Лотман и др. 2013 [1973]: 98)

В статье для ЛЭС (1987) Лотман приводит классификацию языков (которую с некоторыми вариациями находим и в СХТ, и АПТ:

1) естеств. языки; 2) искусств. языки – языки команд и программ в системе «человек – машина»; 3) метаязыки; 4) вторичные языки (или т. н. вторичные моделирующие системы) – разнообразные языки культуры, возникающие на основе первичных естеств. языков (символич. системы мифа, ритуала, социоэтич. запретов и предписаний, языки различных искусств и пр.). (Лотман 1987: 373)

К набору языков прибавились метаязыки, и ВМС поставлены в скобки. И наконец, в предисловии к своему сборнику статей на эстонском языке в 1990 году Лотман дает еще одно определение, где в качестве первичной моделирующей системы фигурирует естественный язык вместе с простей-

шими семиотическим структурами, а первичность и вторичность различаются на оси «простота – сложность»:

Первичными моделирующими системами называют простейшие семиотические структуры начиная от симптоматологии /.../ и всех сигналов, которые кибернетика помещает на выход «черного ящика» и кончая дорожными знаками, зоосемиотикой и парасемиотикой и возвышающим над этим пластом системой естественных языков. /.../ Вторичными моделирующими системами мы называем более сложные семиотические структуры: языки искусства, ритуала, семиотические системы национальных культур, верований и мифологии – всего того, что содержит в себе сложное понятие «культуры». (Lotman 1990: 3–4)

Интересно сравнить понимание ВМС французскими семиотиками, которые объясняют это понятие в рамках своего метаязыка. В словаре *Sémiotique – Dictionnaire raisonné de la théorie du langage* Греймаса и Курте сказано:

Советские семиотики, быть может, первыми пустили в оборот плохо определенное, но заставляющее задуматься понятие «вторичных моделирующих систем» для обозначения этих «микросемиотик», которые хоть и подчинены «макросемиотикам», но предположительно имеют автономию действия [*gestion*] и/или сигнификации. Можно сказать, что «вторичная система» (метонимия, содержащая процесс) в общем соответствует Дискурсу, которое следует истолковывать как процесс, предполагающий систему. (Greimas, Courtés 1993: 105)

Юлия Кристева видит в понимании Лотмана искусства как вторичной моделирующей системы параллель со своим понятием интертекстуальности и характеризует ТМШ так: «Предметом ее изысканий являются прежде всего *вторичные моделирующие системы*, то есть такие семиотические практики, которые возникают на языковой основе (первичной системой является в данном случае денотативный язык) но получают при этом вторичную структуру особого типа» (Кристева 2004 [1968]: 69).

2.2.2. Синтагматика–синтактика

В качестве примера смешения терминов из разных метаязыков приведем употребление понятий синтагматики и синтактики в работах Лотмана. В ЛСП читаем: «Процесс сопоставления – основа выявления сходства искусства и жизни – имеет два аспекта. С одной стороны, это сопоставление изображаемых явлений между собой, с другой, – изображения и изображаемого. В терминах семиотики эти аспекты определяются как синтагматика и семантика» (ЛСП, 25).

В СХТ синтагматика–синтактика используется вперемежку и синонимично в отрывке, где говорится о семантизации внесемантических (синтаксических) элементов естественного языка.

Вместо четкой разграниченности семантических элементов происходит сложное переплетение: синтагматическое на одном уровне иерархии художественного текста оказывается семантическим на другом/.../ именно синтагматические элементы в естественном языке отмечают границы знаков и членят текст на семантические единицы. Снятие оппозиции «семантика–синтактика» приводит к размыванию границ знака. (СХТ, 34)

Пара «синтагматика–парадигматика» используется в СХТ многократно (11 раз), но один раз все же вкралась ошибка: «Для демонстрации семантической парадигматики поэтического текста стихи ее столь же удобны, как произведения Маяковского и Пастернака – для семантической синтактики» (СХТ, 170).

В АПТ все становится на свои места: «В лингвистических терминах ее можно охарактеризовать как упорядоченность по *парадигматике и синтагматике*, в математических – по эквивалентности и порядку» (АПТ, 39).

В «Статьях по типологии культуры» (1970) находим «синтагматический тип культуры» и «синтаксический тип кода культуры», далее появляется и «синтагматический код эпохи абсолютизма» (Лотман 1970б: 27).

В статье «Риторика», которая была напечатана впервые в 1981 году и затем перепечатана⁴⁴ в ВММ, читаем:

Якобсон, выделяя два основных вида тропа: метафору и метонимию, связывает их с двумя основными осями структуры языка: парадигматической и синтаксической. /.../ метонимия располагается на синтаксической оси /.../ и представляет собой не выбор, а сочетание *in praesentia* и установление связи по смежности. (ВММ, 50)

В варианте 1981 года (ТЗС 12: 8–28) написано правильно – синтагматической. Так же правильно в английском переводе 1990 года. Русское издание ВММ вышло уже после смерти Лотмана, и в редакторском предисловии сообщается, что «издание сделано на основе рукописи с учетом черновых вариантов текста, хранящихся в архиве Ю. М. Лотмана» (ВММ: XV). Даже если предположить, что был какой-то черновой вариант, где Лотман ошибся, то непонятно, почему редакторам понадобилось игнорировать конечный вариант, тем более, если речь идет о разграничении Якобсона, на которое Лотман ссылается.

Но в *faux pas*, который случился со статьей «Семиотика», написанной для Литературного энциклопедического словаря, все же, наверное, виноват сам автор. Там приводится «разграничение: а) семантики – отношения знака к миру внезнаковой реальности, б) синтагматики – отношения знака к другому знаку и в) прагматики – отношения знака к использующему его коллективу» (Лотман 1987: 373–374).

---

⁴⁴ Отсутствуют только два начальных абзаца, где дается определение риторики.

Итак, что касается употребления и интерпретации Лотманом термина ВМС, мы можем констатировать эволюцию от структуры к семиотической системе, перенесение акцента с языковости ВМС на их знаковость, со вторичности на моделирование. Если же говорить об употреблении Лотманом терминологических пар «синтагматика-синтактика (синтагматический-синтактический)», а также вариативности в написании терминов «синтаксический-синтактический», то здесь мы не заметили ни какой бы то ни было эволюции, ни иной закономерности. Можно лишь отметить, что подобное смешение терминов характерно для многих авторов, их употребляющих.

***

Таким образом, мы постарались показать, как менялось осмысление Лотманом соотношения терминов «структурный» – «семиотический» (от сближения их, почти до синонимичности, – к четкому разграничению в течение первого десятилетия семиотических штудий), как объем понятия «семиотика» то сужался у него (по сравнению, например, с теорией информации), то расширялся. Вместе с тем, мы видим, как на фоне эволюции исследовательской установки, на фоне явной смены акцентов (от структурализма к семиотике), прослеживается парадоксальная стабильность в отношении к эвристической ценности структурализма и его главного концепта – структуры: получается что-то вроде гегелевской триады, при которой структура и структурализм, как бы отступив на время в тень, возвращаются на свои исходные позиции к концу 1980-х – началу 1990-х гг., благодаря осознанию доминирующей роли полиглотизма структур и необходимости грядущего создания глобальной теории структур (как в мире культурных, так и в мире физических явлений). Иными словами, семиотика культуры у Лотмана на последнем этапе как бы снова перекрещивается (а то и смыкается) со структурализмом.

2.3. Описание семиотической системы

Посмотрим, как Лотман описывал отношения разных семиотических систем со всем внеположным этим системам, какие понятия при этом использовались и можно ли в этих описаниях уловить системность.

«Культура и взрыв» начинается с утверждения:

Основными вопросами описания всякой семиотической системы являются, во-первых, ее отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике. Последний вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом система, оставаясь собой, может развиваться. Оба эти вопроса принадлежат к наиболее коренным и одновременно наиболее сложным. (Лотман 2000б: 12)

Что касается написания слитно или через дефис, то, учитывая тогдашние условия издания текстов, постоянную спешку с корректурами, а в случае последних текстов – и то обстоятельство, что они диктовались Лотманом и уже переписчик решал, как писать, – вряд ли оправданно искать здесь терминологические отличия на основе графического выражения. Беглый поиск по статьям тома «Семиосфера» (2000), например, выдал 21 раз «внекультурное» слитно и три раза – через дефис. В тексте «Культуры и взрыва» в том же томе находим два раза «вне-культурное», тогда как в первом издании (Москва: Гнозис 1992) было слитно.

Будем двигаться более или менее хронологически от малого к большому, начнем с внетекстового и внесистемного и закончим всеобъемлющей семиосферой.

2.3.1. Текст

В ЛСП текст определяется в оппозиции к внетекстовой структуре: «Текст существует как контрагент внетекстовых структурных элементов, связан с ними как два члена оппозиции» (ЛСП, 157), а внетекстовая реальность (отдельный вопрос – что именно обозначается у Лотмана словом «реальность») характеризуется Лотманом как «действительность, литературные нормы, традиции, представления». Восприятие текста в отрыве от этого «фона» невозможно (там же, 165). Тут же Лотман уточняет, что текстовые и внетекстовые связи не противопоставляются «по принципу антитезы объективного и субъективного», а «представляют собой единство субъективного и объективного», так как «внетекстовая ситуация дана писателю и от него не зависит, но и язык дан заранее и не зависит от писателя». Оба они являются материалом в момент художественного акта и внетекстовая ситуация «входит в состав произведения и, в этом смысле, равноправна с текстом» (там же). Для Лотмана важно, что «без внетекстовых связей текст становится – эстетически – *произведением на чужом языке*» (там же, 168). В СХТ внетекстовая тематика занимает важное место (это видно и по заглавиям глав – см. Таблица 2) и во многом повторяет сказанное в ЛСП. Но сама тональность меняется. Вводится деление внетекстовых связей «на уровне художественного языка и на уровне художественного сообщения» (СХТ, 60). Первые соответствуют приведенным в ЛСП примерам, ко вторым относятся случаи «когда неупотребление того или иного элемента, значимое отсутствие, «минус-прием», становится органической частью графически зафиксированного текста» (там же). Вся проблематика внетекстовых связей и структур в СХТ переводится в метаязык информационной теории и кибернетики:

/.../ внетекстовые структуры меняют величину вероятности тех или иных своих элементов в зависимости от того, относятся ли они к «структурам говорящего» – авторским или «структурам слушающего» – читательским,

со всеми вытекающими последствиями сложности этой проблемы в искусстве. (СХТ, 61)

Важным становится вопрос о значении и значимости: «противоречие между текстом и функцией его во внетекстовой структуре искусства делает структуру художественного языка носительницей информации» (СХТ, 284).

2.3.2. Система

Вопрос о внесистемном в ЛСП не ставится (хотя о системе говорится много), и генетическая связь внетекстового с внесистемным откроется уже в следующих частях «трилогии». В СХТ есть глава «Текст и система», которая начинается с подглавы «Системное и внесистемное в художественном тексте», и вопрос о внетекстовом соотносится таким образом с внесистемным.

В СХТ соотношение системного–внесистемного уточняется, и декларированное в ЛСП единство субъективного и объективного текстовых и внетекстовых связей размыкается. Системные связи объявляются релевантными, а внесистемные – нерелевантными и индивидуальными, структурно не организованными. Неожиданным выглядит разделение системного и несистемного материала как источников получения разных типов информации:

Вероятно, с определенной степенью огрубления, чувственное наслаждение можно было бы определить как получение информации из несистемного материала (в отличие от интеллектуального – получения информации из системности). (СХТ, 68)

Далее это же различие между интеллектуальным и чувственным наслаждением уточняется, благодаря введению дополнительных дихотомий знаковости/(в)незнаковости, содержания/выражения, материальности/нематериальности:

При интеллектуальном наслаждении использование материальной стороны знака мгновенно: выражение, как оболочку ореха, раскалывают, чтобы отбросить. Физическое наслаждение стремится быть продолжительным, поскольку имеет дело с внезнаковой информацией, в которой самое выражение (воздействие на чувства) содержательно. Искусство, с одной стороны, превращает незнаковый материал в знаки, способные доставлять интеллектуальную радость, а с другой – строит из знаков мнимоматериальную реальность второго ряда, превращая знаковый текст в квазиматериальную ткань, способную доставлять физическое наслаждение. (СХТ, 69)

Невольно вспоминается аналогичное различие «текста-удовольствия» и «текста-наслаждения» у Ролана Барта (1973).

Текст-удовольствие – это текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, вызывающий эйфорию; он идет от культуры, не порывает с ней и связан с практикой комфортабельного чтения. Текст-наслаждение – это текст, вызывающий чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тоскливости); он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком. (Барт 1989 [1973]: 470)

Хотя оба говорят об удовольствии и наслаждении, подходы тут разные: Лотман думает в категориях теории информации⁴⁵, Барт – в категориях психоанализа.

В подлежащем описанию тексте обнаруживаются сложные отношения «вариантных и инвариантных, внесистемных и системных связей» (СХТ, 64). Далее несистемность связывается с единичностью и случайностью и предлагается интересная типология фактов:

Таким образом, «случайные», «единичные», «конкретные» факты в жизни не входят для меня ни в одну систему, абстрактно-логические – целиком принадлежат одной, а вторично-конкретные в искусстве – не менее чем двум. Эта способность элемента текста входить в несколько контекстных структур и получать соответственно различное значение – одно из наиболее глубинных свойств художественного текста. (СХТ, 70)

В СХТ Лотман приравнивает внесистемность и (в)неструктурность: «Внесистемный, структурно не организованный материал не может быть средством хранения и передачи информации» (СХТ, 282). Внеструктурные элементы могут «принадлежать другой структуре» или быть элементом «из неизвестной нам структуры» (там же, 284). Понятно, что в принципе оба случая подпадают под категорию «из другой структуры», но для Лотмана это различие принципиальное, и оно повторяется в более поздних рассуждениях о внереальном и внесемиосферном. Структурность и неструктурность соотносится и с сосюрровской оппозицией *язык–речь*: «Специфика поэтического текста, в частности, состоит и в том, что неструктурные, свойственные речи, а не языку, элементы приобретают в нем структурный характер» (там же, 156).

Отличие АПТ от ЛСП в этом аспекте существенно: в ЛСП не говорится о внесистемных связях, только о внетекстовых, в АПТ же (как и в СХТ) – об обоих. Возможно, это связано с утверждением, что система не есть текст. В АПТ подчеркивается, что «Внесистемные элементы в тексте не являются носителями значений и остаются для читателя просто незамет-

---

⁴⁵ В 1966 году на русском вышла книга А. Моля «Теория информации и эстетическое восприятие»; тут также чувствуется влияние формулы эстетической меры Г. Биркгофа $M = O / C$, где M – эстетическая мера, O – степень упорядоченности эстетического объекта, а C – степень его сложности (см. Лотман 1972б: 8).

ными» (АПТ, 119). В качестве примера Лотман приводит здесь опечатки, в случае которых может случайно появиться другое слово, а не абракадабра.

Больше всего о «внесистемном» говорится в статье «Динамическая модель семиотической системы» (1974), где противопоставление «системное–внесистемное» является одной из существенных характеристик модели (позже основные характеристики этой модели переносятся на семиосферу). Системное в структурном описании представляет некую инвариантную структуру, которой «противопоставляются внесистемные элементы, отличающиеся неустойчивостью, иррегулярностью и подлежащие устранению в ходе описания» (Лотман 1978б: 20). Но именно внесистемное является источником динамизма семиотических структур (системность и структурность используются здесь Лотманом как синонимы): «Любое сколь-либо устойчивое и осязаемое различие во внесистемном материале может на следующем этапе динамического процесса сделаться структурным» (там же, 21).

Как и в случае определения не-культуры, возникает сравнение с хаосом: «внесистемное отнюдь не синоним хаотического. Внесистемное – понятие, дополнительное к системному» (там же, 22)⁴⁶.

Описывая внесистемное, Лотман выделяет два его вида. Первый, где мир внесистемного «представляется как перевернутая система, ее симметрическая трансформация» (там же, 23), напоминает определение антикультуры; второй, где внесистемное рассматривается как иносистемное, то есть принадлежащее другой системе, сближается с определением не-культуры:

В сфере культуры мы постоянно сталкиваемся с тенденцией считать чужой язык не-языком или – в менее полярных случаях – воспринимать свой язык как правильный, а чужой как неправильный, и разницу между ними объяснять степенью правильности, то есть мерой упорядоченности. (там же)

Лотман подчеркивает, что любое описание внесистемного наталкивается на методологические трудности и в последнем случае, «поскольку и описываемый объект, и внесистемное его окружение рассматриваются как хотя и далеко отстоящие, но структурные явления, для описания их необходим такой метаязык, который был бы настолько удален от них, чтобы с его позиции и они выступали как однородные» (там же, 24). Дихотомии, приведенные в этой статье и в дальнейшем перекочевавшие в описание семиосферы, являются важными вехами на пути к такому метаязыку.

Таким образом, «внесистемное» у Лотмана прочно связывается с внесистемным и одним из главных его признаков является хаотичность и

---

⁴⁶ Ср.: «Однако этот внешний мир, на который культура глядит как на хаос, на самом деле тоже организован. Организация его совершается соответственно правилам какого-то неизвестного данной культуре языка. В момент, когда тексты этого внешнего языка оказываются втянутыми в пространство культуры, происходит взрыв» (КиВ, 117–118).

неорганизованность. Все это характерно для структуралистского мета-языка и связано с сосюрсовским пониманием языка. В СХТ Лотман определяет понятие «язык» в специфическом значении, «которое ему придается в работах по семиотике», как коммуникацию с помощью знаков и определяет различие между знаковым и внезнаковым общением: «знаковое общение происходит в основном между индивидами, внезнаковое – между системами внутри организма» (СХТ, 20–21).

(В)внезнаковость связывается с материальным, «естественным» миром, практичностью. Примером внезнаковой коммуникации приводится «парапсихологическая» и подчеркивается связь внезнакового с внесоциальным: «Человек, запутанный в словах, теряет ощущение реальности. Поэтому истина – это точка зрения, не только вынесенная во внезнаковую (внесоциальную) сферу реальных отношений, но и противопоставленная *словам*» (Лотман 1970б: 28).

В совместной статье с Успенским обращается внимание на особый лексический слой в языке: «сюда относятся, между прочим, звукоподражания, разнообразные формы экспрессивной лексики, так называемые детские слова (*nursery-words*), формы ключа и отгона животных и т. п. При этом данный слой, с точки зрения самого носителя языка, выступает как первичный, естественный, не-знаковый» (Лотман, Успенский 1973: 287).

Отмечаем вновь, что Лотман, как и в других случаях употребления приставок вне- и не- (внесистемное/несистемное, внеструктурное/неструктурное, внекультурное/некультурное), не различает внезнаковое и незнаковое. Ср.: ««Честь» здесь неизменно имеет значение добычи, награды, знака, ценность которого определяется ценностью его плана выражения, взятого в незнаковой функции» (КиВ, 52) и «Рыцарская культура ориентирована на знаковость. Для того, чтобы приобрести культурную ценность, вещь в этой системе должна сделаться знаком, то есть максимально очищена от своей практической внезнаковой функции» (ВММ, 364).

2.3.3. Культура

Непосредственным толчком к написанию этой главы послужило одно замечание Пеэта Лепика в его замечательной книге об универсалиях Лотмана (Lepik 2008), где, говоря о терминах Лотмана, Лепик сетует на то, что в исследовательской литературе (и в переводах текстов Лотмана) не разделяются четко понятия не-культуры (не-текста) и некультуры (нетекста). В подтверждение своего тезиса о том, что «последняя пара терминов указывает на природу, которая *eo ipso* не является культурой (текстом)» он ссылается на «Статьи по типологии культуры», где Лотман пишет: «Культура существует в противопоставлении не только Природе (в значении, определенном выше), но и не-культуре – сфере, функционально принадлежащей Культуре, но не выполняющей ее правил» (Лотман 1970а: 7). Заметим, что Лотман не говорит о «некультуре», то есть такого термина у

него нет. Далее Лепик, именно с точки зрения метаязыка, разъясняет проводимое им разделение:

Не-культурой семиотики ТМШ называли «сферу», которая функционально является культурой, но не выполняет (в данный момент) ее правил/.../ Не-культура субъективно отождествляется с хаосом, энтропией. С точки зрения научного метаязыка мы имеем здесь дело с другой культурой (иным типом культуры). Культура функционирует на фоне не-культуры и находится с ней в сложных отношениях посредством процессов забывания/вспоминания и (де)семиотизации. (Lepik 2008: 69)

«Граница в системе *культура–антикультура*⁴⁷ непроходимая, а между культурой–не-культурой зыбкая, градационная, с постепенным переходом», – резюмирует Лепик, причем в случае антикультуры можно говорить о контрадикторной оппозиции, а не-культура располагается в контрарной.⁴⁸ (Lepik 2008: 70) У Лотмана в текстах такого ясного разграничения этих понятий не наблюдается.

Можно сказать, что Лепик создает отсутствующий в метаязыке Лотмана «парный» термин («некультура»), который, по его мнению, должен там логически быть. У позднего Лотмана, правда, появляется «некультурное» приблизительно в том же значении, на которое указывает Лепик. Так, в статье «Текст и полиглотизм культуры», опубликованной в 1992 году, Лотман говорит о разделении пространства «на «культурное» и «некультурное» (хаотическое), пространство живых и пространство мертвых /.../ Город (=поселение) противостоит тому, что находится за его стенами /.../, как свое, закрытое, культурное и безопасное – чужому, открытому, некультурному» (1992б: 142). Но в написанных в том же году «Тезисах к семиотике русской культуры» находим неожиданно: «Понятие “некультурности” и “внекультурности” должно быть навсегда выброшено из научного словаря и заменено “инокультурностью”» (Лотман 1994б: 416). Пезт Лепик, и мы с ним полностью согласны, комментирует это так:

Эти термины Лотман употребляет здесь в новом, аксиологическом контексте, в контексте значимости современной парадигмы русской культурной политики и самосознания на фоне мировой культурной интеграции. Подчеркивание этого аспекта, по нашему мнению, не аннулирует эвристическое значение и потенциал употребления понятий «не-культуры» и «некультуры» в теории культуры. (Lepik 2008: 69–70)

---

⁴⁷ Уточним, что в указанном Лепиком отрывке из статьи Лотмана и Успенского «О семиотическом механизме культуры» (1971) авторы употребляют форму «анти-культура», утверждая, что при определенном типе культуры понятия «не-культуры» и «анти-культуры» могут сливаться.

⁴⁸ Внимательный читатель заметит здесь аналогию с семиотическим квадратом Грей-маса, но сходство тут только видимое.

Михаил Лотман также касается этого вопроса, но вводит другие оппозиции: «Противопоставление «культура ↔ не-культура» аналогично оппозиции «текст ↔ внетекстовая реальность», в то время как противопоставление «культура ↔ другая культура» находит аналогию в понятии интертекстуальности» (М. Лотман 2002: 17). Понятие интертекстуальности Лотманом не использовалось, а «другая культура» описывает не-культуру и не является самостоятельным понятием.

Такое различие подталкивает к более тщательному прочтению текстов Лотмана. В статье «О метаязыке типологических описаний культуры» приравниваются докультурное и внекультурное состояния коллектива, которые вместе противостоят культуре, имеющей единую картину мира: «Если удастся описать коллектив, в котором отдельные тексты, представления, типы поведения /.../ не связываются в единую картину мира, то тогда следует говорить о докультурном или внекультурном его состоянии» (1969: 463).

В совместной статье Лотмана с Успенским кроме «внекультурного фона», который по смыслу соотносится с описанным выше до- и внекультурным состоянием и «расположен ниже ее/культуры/ уровня», выделяются еще «специальные сферы, иначе организованные, которые оцениваются в аксиологическом отношении весьма высоко, хотя и стоят вне общей системы организации». (Лотман, Успенский 1971: 163) При этом эти сферы никак не называются, но по описанию не подходят ни под не-культуру, ни под анти-культуру.

В коллективных Тезисах⁴⁹ различают «взгляд на культуру с ее собственной точки зрения и с точки зрения составления описывающей ее научной метасистемы» (Лотман и др. 2013 [1973]: 78). С первой позиции, «понятие культуры неотъемлемо связано с противопоставлением ее «не-культуре»» и каждому типу культуры «соответствует его тип «хаоса»», «свой и только ему присущий тип не-культуры» (там же, 78–79). «С внешней точки зрения описания культура и не-культура представляются как взаимообусловленные и друг в друге нуждающиеся области» (там же, 79). Точно так же выделяются и два типа «хаоса» – хаос, созданный человеком и хаос, который «первичен, однообразен и всегда сам себе равен» (там же). Можно ли этот хаос считать «реальностью», «действительностью», или же имеется в виду энтропия в указанном выше значении, остается неясным. Далее первый тип хаоса под названием «внекультурная не-организация», расщепляется еще надвое (зеркально обращенная сфера, похожая на то, что ранее называлась анти-культурой), теперь уже с точки зрения наблюдателя:

---

⁴⁹ Коллективные тезисы включены в этот обзор, так как именно Лотман был вдохновителем и главным «редактором» этих тезисов, он сложил вместе окончательный вариант.

Область внекультурной не-организации может строиться как зеркально обращенная сфера культуры или же как пространство, которое, с позиции наблюдателя, погруженного в данную культуру, предстает как неорганизованное, но с внешней позиции оказывается областью иной организации. (Лотман и др. 2013 [1973]: 80)

Дается и парадигма внекультурных пространств – «детское», «экзотически-этническое» с точки зрения данной культуры, «подсознательное», «патологическое» и пр. (там же, 81), и в итоге получается картина, где «культура строится как иерархия семиотических систем, с одной стороны, и многослойное устройство окружающей ее внекультурной сферы» (там же, 82). Нам видится здесь параллель с внетекстовыми связями и та же амбивалентность, которая появляется у Лотмана, когда речь идет о реальности (или о материальности). Мысль эта развивается почти теми же словами в статье «Асимметрия и диалог», где описание соотношения культуры с «вне ее расположенным миром» описывается с помощью кибернетического метаязыка. Имманентные механизмы культуры выступают как «устройство, которое, получая на входе импульсы, идущие от внешней внекультурной реальности, выдает на выходе тексты, которые, в свою очередь, могут поступать на ее вход» (Лотман 1983а: 27). Внекультурное пространство соотносится с периферией, а внекультурная реальность – с денотативным миром:

Неизбежная полиструктурность с внутренней точки зрения культуры выводится во внекультурное пространство, на периферию, составляя динамический резерв. /.../ Пульсирующая смена обращенности на денотативный мир или на имманентную семиотическую структуру задает вторую сторону процесса – обмен импульсами с внекультурной реальностью (там же, 30).

В «Культуре и взрыве» мир природы понимается как внекультурное пространство.

Граница между этими двумя мирами не только будет отделять человека от других внекультурных существ, но и будет проходить внутри человеческой психики и деятельности. Определенными своими сторонами человек принадлежит культуре, другими же связан с внекультурным миром. (КиВ, 31)

Уточнение о том, что же относится к этому внекультурному миру, находим дальше, причем внекультурное приравнивается к внесемиотическому: «Внешние события, сколь бы активны они ни были во внекультурной сфере (например, в областях физики, физиологии, в материальной сфере и т. д.), не влияют на сознание человека до тех пор, пока не делаются сами «человеческими», то есть не получают семиотической осмысленности» (там же, 117). Эта семиотическая осмысленность достигается благодаря «культурной переработке»: «В определенном смысле можно себе представить культуру как структуру, которая погружена во внешний для нее мир,

втягивает этот мир в себя и выбрасывает его переработанным (организованным) согласно структуре своего языка» (там же, 117–118).

2.3.4. Семиосфера

Далее переходим к глобальному противопоставлению «семиотическое – (в)несемиотическое», которое выросло из всех предыдущих указанных здесь дихотомий и неразрывно с ними связано.

В своем обзоре ТМШ Игорь Чернов разъясняет кардинальное отличие в понимании не-семиотической реальности Пирсом и Соссюром. Реальность для Пирса существует как объект логической операции, у Соссюра же приобретает признаки эмпирической реальности. Первый подход открывает дорогу только для логических моделей, в то время как второй позволяет реконструировать внетекстовую реальность с помощью текста. Таким образом, первый подход моделирует реальность, второй реконструирует – реальность воспринимается как текст нижнего уровня, который также нуждается в дешифровке. (Chernov 1988: 12) Соссюровский подход, без сомнения, ближе как ТМШ, так и Лотману.

Как известно, само понятие «семиосфера»⁵⁰ появилось в словаре Лотмана в начале 1980-х, но ее характеристики встречались уже раньше при описании текста, культуры, динамической системы. С понятием семиосферы актуализировался и вопрос о «внесемиотической реальности», что в свою очередь логично связывалась с продолжением размышлений о «(в)нетекстовом», «(в)некультурном», «(в)несистемном» и «(в)неструктурном».

В статье «Культура как субъект и сама-себе объект» (1989) находим редкую для Лотмана рефлексии над своим метаязыком:

Прежде всего, остановимся на непоследовательности нашей терминологии: мы говорим, что извне в семиосферу поступают тексты, и одновременно видим в них «внесемиотическую реальность». Это противоречие связано с тем, что семиосфера не может вступать в контакт ни с чем, кроме текстов, а тексты – продукт семиозиса. /.../ «Внекультурная» сфера часто оказывается сферой чужой культуры, а внесемиотическая – чужой семиотики /.../ С внешне-семиотическим миром семиосфера практически не встречается. Очень часто на внешнеположенный мир интерполируются представления о «естественности» и до- или внесемиотичности, выработанные в недрах данной культуры как ее идеальная антиструктура. (2000д [1989]: 646)

Если определение «вне-» как «чужого», построенного в оппозиции к «своему» идеальному антиподу повторяет более ранние высказывания, то разделение «до- или внесемиотичности» привносит новый нюанс:

---

⁵⁰ Наиболее обстоятельно и исчерпывающе это лотмановское понятие описано М. Ю. Лотманом в послесловии к эстонскому изданию КиВ (М. Lotman 2001).

Одной из главных презумпций семиотики⁵¹ является предположение о существовании до- или внесемиотического пространства, по антитезе с которым определяются основные понятия семиотики. Такой подход вполне оправдан эвристически. Ошибка заключается не в нем, а в смешении принципов: логическую условность мы начинаем воспринимать в качестве эмпирической реальности. (1992а: 5)

Далее Лотман разъясняет, что логическая условность – «предположение о существовании в динамических процессах некоторой начальной точки, условного нуля» которая никогда не дана нам «в эмпирической реальности. /.../ Такая же, по сути мифологическая, точка зрения навязывается гипотезой противопоставления языка и речи» (там же). Нужно обратить внимание на то, что Лотман не говорит здесь прямо, что это до- или внесемиотическое пространство не существует, а лишь о том, что оно не дано нам в эмпирической реальности. Более четко это выражено в лекции 1990 года:

Мы действительно окружены не-семиотическим миром, но мы не видим его. Мы видим тот мир, который создаём – семиотический мир не-семиотического мира. И как можно вырваться за пределы семиотики? Как это сделать? Ведь если нельзя вырваться, то и объекта нет! То, что – всё, одновременно и ничего. (Лотман 1994г: 458)

Можно ли увидеть здесь кантианство или пансемиотизм, оставим решить читателю. Но прямой диалог с Кантом имеется в самом начале «Культуры и взрыва», с которого мы начали эту главу и где вопрос отношения к «внесистемному» признан одним из главных вопросов описания всякой семиотической системы. В «Культуре и взрыве» в этом описании важную роль играет «перевод» с одного языка на другой, причем и внеязыковая реальность Лотманом рассматривается как язык (КиВ, 17). Но дальше у Лотмана появляется еще одна «реальность»:

Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт /.../. Под этим пластом расположен пласт «реальности» – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры. За пределами семиотики культуры лежит реальность, находящаяся вне пределов языка. (КиВ, 30)

К «внешней реальности» мы имеем доступ в моменты взрыва, и опять можно говорить о своеобразном «переводе»:

---

⁵¹ Непонятно, почему это должно быть одной из главных презумпций именно семиотики – в каком-то смысле можно сказать, что это является главной презумпцией существования любой науки. Но возможно, именно это и имеется в виду, просто читателю трудно разобраться, где здесь тема и где рема.

Итак, внешняя реальность была бы, согласно представлениям Канта, трансцендентальной, если бы пласт культуры обладал одним-единственным языком. Но соотношения переводимого и непереводаемого настолько сложны, что создаются возможности прорыва в запредельное пространство. /.../ мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время «играет» с внележащим ему пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы. (там же, 30)

Эти игры возможны благодаря тому, что «граница, отделяющая замкнутый мир семиозиса от внесемиотической реальности, проницаема. Она постоянно пересекается вторжениями из внесемиотической сферы, которые, врываясь, вносят с собой динамику» (там же, 102).

В заключение приведем несколько определений из написанной в соавторстве с Б. Ф. Егоровым и М. Б. Игнатьевым статьи (предположительно в середине 1970-х, когда Лотман сотрудничал с Ленинградским институтом авиаприборов) «Искусственный интеллект как метамеханизм культуры», где внесемиотическими коммуникациями культуры называются генетическая информация и связь человека с природной средой (Егоров, Игнатьев, Лотман 1995: 283), а вневязыковые структуры, это «импульсивные, вневязыковые, точнее – доязыковые формы и коммуникации» (там же).

Итак, внесистемное, внележащее соотносится с системным и является необходимым источником динамики. В разделении важную роль играет граница, создающую необходимую дискретность:

Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему. Определенные участки семиосферы могут на разных уровнях самоописания образовывать семиотическое единство, некоторое непрерывное семиотическое пространство, ограниченное единой границей, или группу замкнутых пространств, дискретность которых будет отмечена границами между ними, или, наконец, часть некоторого более общего пространства, отграниченную с одной стороны фрагментом границы, а с другой открытую. Естественно, этому будет соответствовать иерархия кодов, активизируются в единой реальности семиосферы разные уровни значимости. (ВММ, 185)

Борис Егоров в своем обзоре трех последних книг (ВММ, КиВ, НМК) Лотмана подытоживает:

Ю. М. понимает, что есть внесемиотические области, то есть первозданные (вне знаков) сущности, есть природа и природные начала в человеке, есть животный и растительные миры, очень слабо затронутые семиозисом, есть человеческие сообщества, которые ближе к природе, чем знаковости. /.../ больше интересуется тем, как семиосфера поглощает эти внесемиотические области, чем проблематикой последних самих по себе. (Егоров 2010: 218)

Привлекают внимание три момента: 1) внесемиотическими являются внезнаковые сущности, природа и природное начало, «внесемиосферное», 2) Лотмана мало интересуют внесемиотические области, 3) символ как посредник, втягивающий внесемиотическое в семиозис. Нам представляется, что два первых пункта не столь очевидны. Лотмана несомненно интересовали «внесемиотические области», так как их определение напрямую зависело от определения самой семиотической системы, от того, где пролегал границы между тем, что «внутри» и что «снаружи».

Резюмируем лотмановские высказывания по этому вопросу.

- Внетекстовая реальность равняется действительности.
- Внесистемное равняется внеструктурному, внесистемное и внеструктурное могут принадлежать к другой структуре, системе; внесистемное не хаотично, а является дополнением к системному.
- Внесистемное – нерелевантное, структурно неорганизованное; содержит неустойчивые, иррегулярные элементы. Эти неструктурные элементы свойственны речи, а не языку.
- Внезнаковое – материальный, вещественный мир, первичный слой языка.
- Некультурное хаотично, но существуют два типа хаоса – созданный человеком и первичный хаос (это соотносится с двумя типами реальности в КиВ). Соответственно, внекультурным может быть как чужая культура, так и денотативный мир, мир природы.
- Внесемиотическое – чужая семиотика.

2.3.5. Дискретность и континуальность

Второй основной вопрос описания семиотических систем, поднятый в начале КиВ, касается вопроса отношения статики к динамике. По мнению Лотмана, для описания динамики, и для построения динамической модели семиотической системы нужны другая методика и новый язык:

Можно предположить, что статичность, которая продолжает ощущаться в целом ряде семиотических описаний, не является результатом недостаточных усилий того или иного ученого, а проистекает из некоторых коренных особенностей методики описания. (Лотман 1978б [1974]: 19)

Вопрос статики и динамики напрямую связан с одной из центральных оппозиций Лотмана: «дискретность–континуальность». В имплицитном виде оппозиция присутствует уже в ЛСП, где вводится разделение знаков на идеографические, изобразительные и символические, словесные. В СХТ говорится уже об иконических и условных знаках. Только раз, при описании языка пространственных отношений, среди других отмечаются и понятия «дискретный–непрерывный» (СХТ, 212). В статью «О мета-

языке типологических описаний культуры», где в качестве основы мета-языка берется топология, по всей видимости, закралась досадная ошибка, и в предложении «тип дискретности пространства (описываемой в топологических понятиях непрерывности, соседства, границы и др.)» (Лотман 1969: 464) вместо «непрерывности» должна быть «прерывность».

Из деления на иконические и словесные, на дискретные и недискретные знаки/тексты вырастает и выделение двух основных моделирующих языков, двух сознаний – мифологическое и историческое, первое циклично, действует по принципу аналогии, другое линейное:

В одних случаях обнаруживаются способность уподоблений между явлениями, кажущимися различными, раскрытие аналогий, гомео- и изоморфизмов, существенных для поэтического, частично математического и философского мышления, в других раскрываются последовательности, причинно-следственные, хронологические и логические связи, характерные для повествовательных текстов, наук логического и опытного циклов. (Лотман 1978а: 7–8)

Лотман выделяет оппозиционные пары, характеризующие интеллектуальную деятельность, где «на одном полюсе будет преобладать дискретно-линейное, а на другом – гомеоморфно-континуальное начало организации», и видит здесь «определенную параллель с левополушарным и правополушарным принципами индивидуального мышления человека» (Лотман 1978а: 8).

Сергей Зенкин, который подробно рассматривает лотмановскую «матрицу культуры» – деление «дискретный/континуальный» – указывает, что «Лотман нигде не концептуализировал общую логику континуального и дискретного» (Зенкин 2009: 58). Он указывает и на возможный источник: «Его интерес к этой оппозиции мог быть навеян трудами предшественников – например, монографией Клода Леви-Стросса «Неприрученная мысль» (1961), автор которой широко пользуется понятиями «континуального» и «дискретного» в разных значениях» (там же). В дальнейшем постараемся показать, во-первых, что Лотман все же концептуализировал эту «общую логику» и, во-вторых, что более вероятен более близкий к Лотману источник – книга «Символ и сознание» Мамардашвили и Пятигорского, которая выросла из их «Трех бесед о метатеории сознания», опубликованных в пятом номере ТЗС.

Мамардашвили и Пятигорский говорят там подробно о структуре и состоянии сознания в связи с дискретностью–недискретностью: «состояние сознания» конкретизируется в пространстве и «оно дискретно, как дискретна во времени сознательная жизнь личности» (Мамардашвили, Пятигорский 1971: 298). Рассуждая о текстах сознания, авторы отмечают:

Когда мы говорим, что *есть* акт сознания, это не означает (как когда речь шла о «состоянии сознания») временно-пространственной непрерывности, потому что когда он есть, то это не означает ничего более того, что «он

есть». /.../Но мы не рассуждаем непрерывно и не осознаем непрерывно. /.../ дискретность своего сознательного существования мы произвольно накладываем на факт содержательности сознания. (там же, 304)

Структуры сознания, по их мнению, дискретны в пространстве и недискретны во времени (там же, 77), но «в той мере, в какой мы рассматриваем содержательность сознания со стороны психических механизмов как протекающую во времени, мы обнаруживаем, что время дискретно» (там же, 152). В книге «Символе и сознание» эта мысль развивается: «болезненные последствия «абсолютного непонимания» часто оказываются связанными с гипертрофией дискретности психического символизирования (как в негативных, так и в позитивных примерах)» (Мамардашвили, Пятигорский 1997: 244). Напомним, что у Лотмана проблема сегментации и вопросы описания материальности/реальности в «трилогии» напрямую связаны с описанием дискретности. Например, в «Культуре и взрыве» говорится: «Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства. В этом отношении приписывание реальности значений, в частности в процессе ее художественного осмысления, неизбежно включает в себя сегментацию» (КиВ, 137).

В нижеследующей таблице собраны главные характеристики дихотомии «дискретность–континуальность», описанной Лотманом в трех разных источниках.

Таблица 3. Дискретность и континуальность.

Дискретно-линейное	Гомеоморфно-континуальное
«Феномен культуры» (1978а: 8)	
Левополушарный принцип мышления	Правополушарный
Детское, мифологическое сознание	Взрослое, историческое
Иконическое мышление	словесное
действие	повествование
стихи	проза
Вид знака (ВММ, 108)	
Вербальный Нарративный Дискретный Временной (синтагма)	Символический Иконический Недискретный Пространственный (парадигма)

Знак и типы сознания. «Асимметрия и диалог» (1983а: 26–27)	
Дискретность. Знак явно выражен и представляет первичную реальность. Текст дан как вторичное по отношению к знакам образование.	Недискретность. Текст более выявлен, чем знак, и представляет по отношению к нему первичную реальность.
Знак имеет условный характер.	Знак имеет изобразительный характер.
Семиотические единицы имеют тенденцию к наибольшей автономности от внесемиотической реальности и приобретают смысл от взаимного соотношения между собой.	Семиотические единицы ориентированы на внесемиотическую реальность и прочно с ней соотношены.
Автономны от поведения.	Непосредственно связаны с поведением.
Знаковость субъективно осознана и сознательно акцентируется.	С «внутренней» точки зрения воспринимаются как «не-знаки».

В последних книгах Лотмана акцент перемещается. Если в КиВ имеются противопоставления дискретность–недискретность, то сегментация происходит как в пространстве, так и во времени. Ср. два утверждения: «То, что не имеет конца, не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства» (2000: 137) и «Обычный процесс осмысления действительности связан с перенесением на нее дискретных членений, в частности литературных сюжетов» (там же, 138). «Континуальность» отсутствует, ее место занимает «непрерывность» (осмысленная предсказуемость), которая противопоставляется непредсказуемости взрыва (там же, 17). Реальность описывается как непрерывность, и противопоставление «постепенные ↔ взрывные процессы» описывается как в диахронии, так и в синхронии.

В НМК уже нет дискретности, вместо этого Лотман оперирует понятиями непрерывного/прерывного и постепенного/взрывного (Лотман 2010: 187).

Сергей Зенкин видит в последней книге (КиВ) Лотмана новый подход к проблеме дискретного/континуального:

Раньше Лотман писал о *пространственных* или квазипространственных континуальных формированиях /.../ в «Культуре и взрыве» он перемещает континуальность и дискретность в темпоральную перспективу /.../. Дуализм культуры и диалектические отношения между его компонентами остаются прежними, но они опрокинуты с оси синхронии на ось диахронии. (Зенкин 2009: 60)

Зенкин считает, что «по Лотману, дискретность проявляет себя в диахроническом процессе в отдельных, встречающихся в истории моментах «взрыва», которые всякий раз уступают место периодам «постепенного развития»» (там же, 61) Нам видится это по-другому, и ключевое слово здесь «проявляет». Именно так – дискретность проявляет себя, и не во взрывах самих проявляет (взрыв недискретен, его нельзя расчленивать), а в том, что эти взрывы членят историческое время. При этом «постепенное развитие» в принципе вполне членимо, сравнить хотя бы с биологическим развитием человека или эволюцией вообще. Прерывность/непрерывность – более «временное», не говоря о постепенном и взрывном, во что конвертирует Зенкин дискретность и континуальность, причем дискретное у него получается взрывное, континуальное – постепенное. На самом деле деление на постепенное и взрывное не имеет отношения к целостности и возможности ее деления на единицы/элементы, ведь постепенное прекрасно делится. История, которая движется постепенно, точно так же имеет события, просто они не такие яркие.

В своем разборе Зенкин с легкой руки приравнивает постепенность и континуальность, что не соответствует пониманию Лотмана, и именно из-за этой ошибки и последующие выводы неправильны.

Так, причину изменения Зенкин видит в подмене объекта:

в «Культуре и взрыве» Лотман трактует континуальное и дискретное как характеристики *объективных процессов*, имеющих место в ходе культурного и, шире, исторического развития; ранее же он применял их к субъективным орудиям, используемым семиотической культурой для осмысления не-семиотической действительности⁵². Вместо гносеологического взгляда на отношения континуального и дискретного появляется онтологический взгляд. (Зенкин 2009: 63)

На наш взгляд, ничего не изменилось, наоборот – гносеологический взгляд утвердился: /не/дискретное встречается в КиВ шесть раз и каждый раз точно в таком же значении, что и раньше, а континуальности вообще нет. Лотман не перешел от гносеологизма к онтологизму, а только углубил гносеологизм, пытаясь привлечь и правополушарное сознание, которое недискретно и потому способно разобраться с непрерывным недискретным миром.

---

⁵² У Зенкина здесь примечание: «Пережиток» этой прежней концепции сохраняется и в «Культуре и взрыве», когда автор указывает на «необходимость примирить недискретность бытия с дискретностью сознания» (там же, 251). Мы считаем, что этот «пережиток» сохранился во всей книге.

2.3.6. «Контрастная» семиотика

С оппозицией дискретность–континуальность связано стремление Лотмана найти язык для описания недискретности бытия, действительности, «первичной» реальности, континуальности и именно с конца 1970-х годов, в связи с переходом к модели культуры как коллективного интеллекта и приписыванием ей свойств живого организма, Лотмана все больше начинает интересоваться так называемая «правополушарная» или «контрастная» семиотика, способная описать недискретные языки.

Аналогия между асимметрией культуры и асимметрической структурой мозга выдвигает вперед соотношение дискретных и недискретных языков /.../. Следует отметить, что недискретные языки находятся еще в начальной стадии изучения, и мы практически не имеем аппарата для их описания. Между тем роль их (как и «правополушарного» сознания) отнюдь не является вспомогательной. (2000в [1977]: 566–567)

Более развернуто об этом говорится в ВММ:

Важной особенностью пространственных моделей, создаваемых культурой, является то, что, в отличие от других основных форм семиотического моделирования, они строятся не на словесно-дискретной, а на иконически-континуальной основе. Фундамент их составляют зрительно представимые, иконические тексты, вербализация же имеет вторичный характер. Такой образ вселенной легче протанцевать, чем рассказать, нарисовать, слепить или построить, чем логически эксплицировать. Работа правого полушария головного мозга здесь оказывается первичной. Однако первые же опыты самоописания этой структуры неизбежно вводят словесный уровень с последующим смысловым напряжением между континуальной и дискретной знаковыми картинами мира. (ВММ, 296)

Как в индивидуальном, так и в коллективном сознании действуют «два типа генераторов текстов: один основан на механизме дискретности, другой континуален» (1981а: 10). Эти генераторы производят взаимно неперевожимые тексты – «Иконические (недискретные, пространственные) и словесные (дискретные, линейные)» (ВММ, 109).

Нетрудно заметить, что Лотман остался здесь верен своему делению знаков на иконические и словесные, которое он ввел уже в ЛСП. Но теперь мы имеем дело с различными семиотическими режимами, в которых работает смыслопорождающее устройство. Лотман показывает эту работу на примере логической модели «порождения» текста Достоевским:

Так складывается отношение подготовительных материалов к последующему повествовательному тексту. Оно напоминает отношение клубка шерсти к разматываемой из него нити: клубок существует пространственно в некотором едином времени, а нить из него выматывается во временном движении, линейно. (ВММ, 108)

При переводе этой метафоры на «научный», логический язык описания, получается, что «само наличие конвенциональных и иконических знаков есть отражение в дискретной системе дуализма «дискретность» ↔ «недискретность»» (Лотман 1978а: 9). Это значит, что основной семиотический дуализм транспонируется в одну ее часть (дискретную) и «знаки словесного типа удваиваются (дискретное изображение дискретности), что приводит к тому, что они фактически становятся метаединицами, а иконические знаки делаются гибридным образованием: дискретным изображением недискретности» (там же).

Именно то, что в своих описаниях мы невольно переводим все на «дискретный» язык, является препятствием на пути к адекватному описанию континуальных явлений.

Любой из существующих сейчас способов описания такой системы связан с пересказом ее средствами дискретного метаязыка, что приводит к коренной трансформации самого объекта, который получает квазииррациональный характер. Представления, согласно которым дискретно-словесные («левополушарные») тексты имеют рациональный и интеллигибельный характер, а недискретные («правополушарные») – иррациональный, нуждаются в корректировке. Каждый из этих видов текстов имеет свою грамматику, то есть, с собственной точки зрения, логичен и последователен (конечно, сам характер логики может быть различен). (Лотман 2000г [1981]: 587)

К разделению двух типов сознания примыкает и разделение двух типов мышления:

Всякое сознание, видимо, включает в себя элементы и того и другого мышления. научное мышление характеризуется преобладанием логических структур, художественное – творческих, а бытовое сознание расположится где-то посередине этой оси. (Лотман 1983б: 102)

Доступ к «континуальному» тексту затруднен, так как «смысл его не организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а «размазан» в n-мерном семантическом пространстве данного текста» (Лотман 1981а: 9).

В риторике Лотман видит связующее звено между научным и художественным (мифологическим) сознанием:

Риторика свойственна научному сознанию в такой же мере, как и художественному. В области научного сознания можно выделить две сферы. Первая – риторическая – область сближений, аналогий и моделирования. /.../ Вторая – логическая. /.../ Первая – «фаустовская» – сфера научного мышления составляет неотъемлемую часть исследования и, принадлежа науке, поддается научному описанию. Однако аппарат такого описания сам должен строиться специфически, образуя язык метариторики. Так, например, в качестве метаметафор могут рассматриваться все случаи изоморфизмов,

гомоморфизмов и гомеоморфизмов (включая эпои-, эндо-, моно- и автоморфизмы). Они в целом создают аппарат описания широкой области аналогий и эквивалентностей. (там же, 19)

В неопубликованном докладе 1981 года⁵³ приводится длинный и очень интересный пример изоморфизма как подтипа дискретности:

В архаичном мышлении день, полдень, утро, вечер, полночь, неделя, год, век – одно и то же. Полностью изоморфны и именно потому, что членятся. Время членится не по смыслу, не по таким синтаксическим образованиям, а по автоматически работающему счетчику, такому метроному образуется синтагматика/.../Вот такая дискретность порождает совсем не членение, а изоморфизм. (1981б: 18)

Здесь дискретность и недискретность как бы перетекают друг в друга, создавая предпосылки для их описания с некоторой общей точки зрения. Дальше эта идея связывается с важными составляющими научного мышления и возможностью построения новой науки:

Если линейные построения толкают к причинно-следственному, то такие построения /рисунком/ толкают к не менее важной научной идее изоморфизма, которая в истории науки отнюдь не меньший двигатель. Но между тем между идеями изоморфизма и идеями причинно-следственными есть некая глубочайшая семиотическая разница. Думаю, как построить такую, как античные мыслители, науку-мифологию, которая отнюдь не менее наука, чем последекартовская. (1981б: 18–19)

В ответ на вопрос Сурена Золяна, не является ли представление о недискретных знаках отрицательным проецированием того, что мы знаем о семиотике, Лотман отвечает: «нет, я думаю, что может быть это попытка построить семиотику контрастного типа» (там же, 17).

2.4. Некоторые выводы

Ставя перед собой вопрос о том, можно ли говорить о лотмановском метаязыке как о динамической системе, мы по мере сил пытались на него ответить, прослеживая связи между разными составляющими этого метаязыка и их генезис. Анализ выбранных нами текстов следовал схеме из лотмановской статьи «Динамическая модель семиотической системы», где основные характеристики модели описываются с помощью противопоставлений: 1. статика–динамика (параграф 2.3.5), 2. системное–несистемное (2.3.2. – 2.3.4.) 3. однозначность–амбивалентность (2.1. о «трилогии») 4.

---

⁵³ Доклад проходил в институте эволюционной физиологии, цитируется по перепечатке с магнитофонной записи, которая хранится в фонде Юрия Лотмана при Таллинском университете.

ядро–периферия и 5. описанное–неописанное (2.2. и «контрастная» семиотика).

В большинстве случаев Лотман использовал существующие термины, но переосмысливал их, зачастую придавая им новые значения⁵⁴. Тезисы 1962 года можно рассматривать не просто как тезисы к докладу, но и как тезисы ко всей «трилогии», а также как первую попытку превратить литературоведение в науку. Уже в ЛСП находим понятия, которые в дальнейшем играют основную роль в оформлении понятийной системы лотмановского метаязыка: *текст* и *модель* – в центре, *организм* – пока на периферии, как и *механизм* и *устройство*. «Культура» используется в ЛСП в своем «обычном» значении – в сочетании с прилагательными «поэтическая», «стиховая», «национальная», «буржуазная», «материальная», «духовная» и т. п. Здесь также используются термины математической лингвистики, кибернетики, теории информации. При дальнейшем развитии лотмановского метаязыка можно говорить о семиотизации лингвистических понятий и обогащении понятиями других дисциплин.

Прослеживается отход от «лингвистического» определения *текста*. Лотман пользуется и понятием «реальный текст», по-видимому, не приравнивая его к лингвистическому понятию *текста* как гомео(изо)морфного *культуре* и – в дальнейшем – *семиосфере*. Можно сказать, что именно понятие *текст* является ключевым и связующим звеном между Лотманом-литературоведом и Лотманом-семиотиком. Сам Лотман описывает первые 25 лет в семиотике как движение от общих структур (языки, коды) к тексту, к выработке новой концепции *текста*. Эта новая концепция была связана с исследованиями художественного текста, которые не укладывались в рамку информационной теории, где текст являлся лишь реализацией кода, упаковкой информации (Лотман 1987б: 13). Новая концепция текста была генеративной: текст как механизм смыслопорождения. Текст становится семиотическим объектом, системой, характеризующейся, как и всякая развитая семиотическая система, тремя аспектами (функциями): «1. Передача информации (коммуникация); 2. выработка информации (интеллектуальная деятельность), 3. хранение информации (память). Каждый из этих аспектов опирается на различные семиотические механизмы» (Лотман 1987б: 14).

В дальнейшем эти функции присваиваются им думающему интеллекту и далее экстраполируются на культуру как коллективный интеллект. В статье «Мозг – текст – культура – искусственный интеллект» Лотман говорит о трех классах интеллектуальных объектов: естественном сознании отдельного человека, тексте как смыслопорождающем устройстве и культуре как коллективном интеллекте (Лотман 2000г [1981]: 584). Эти интеллектуальные объекты являются выражением когнитивно-коммуника-

---

⁵⁴ Ср.: «Отвергая гуманитарно-субъективистскую терминологию, семиотика обращается к словарю точных наук. Однако /.../ эти термины обретают *иной* смысл» (Кристева 2004: 58).

тивной модели – все они выросли из расширенного понимания естественного языка, главные функции которого как раз когнитивная (язык как первичная моделирующая система) и коммуникативная (язык как органон).

Гетерогенность и полиглотизм текста исходят из семиотического исходного дуализма: «Удвоение мира в слове и человека в пространстве образуют исходный семиотический дуализм» (1992б: 143) Минимальный семиотический механизм поэтому асимметрично бинарный, а работающие в нем системы – двух типов: дискретные и континуальные. Начиная с середины 1970-х годов Лотмана все больше начинает интересовать динамическое измерение культуры. Не столько культура как объект, сколько культура как действующий, живой субъект. В середине 1980-х годов складывается описывающая эту динамику система понятий: *взрыв, бифуркация, непрерывность и прерывность, непредсказуемость*. К 1980-м годам симбиоз текста и культуры свершился, культура Лотманом рассматривается как живой организм, она является медиатором между человеком и миром.

Поскольку все уровни семиосферы – от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств – представляют как бы вложенные друг в друга семиосферы, каждая из них является одновременно и участником диалога (частью семиосферы) и пространством диалога (целым семиосферы). (1984: 22)

Основа структурного построения семиосферы Лотманом определяется как «пересечение пространственной симметрии–асимметрии и синусоидной смены интенсивности и затухания временных процессов, что порождает дискретность» (1984: 23). Эти две оси сводятся к одной: «проявлению правизны–левизны, что от генетико-молекулярного уровня до самых сложных информационных процессов является базой диалога – основы всех смыслопорождающих процессов» (там же).

Оппозиция *дискретность–недискретность* проявляется в разных контекстах и коррелирует с такими понятиями как *текст, знак, культура, модель, граница, переводимость* и др. Обобщая, можно сказать, что в статье «О метаязыке типологических описаний культуры» дискретность понималась как строго пространственная характеристика, в дальнейшем же при описании оппозиции *дискретность–недискретность* всегда присутствует и временное измерение.

Во введении к ВММ Лотман дает наиболее полное и исчерпывающее описание своей системы. Три раздела книги «призваны показать работу обволакивающего человека и человеческое общество семиотического пространства как интеллектуального мира, находящегося в постоянном взаимном общении с индивидуальным интеллектуальным миром человека» (ВММ, 5).

Важной частью общей модели культуры, частью ее семиотического механизма являются *перевод, диалог, (авто)коммуникация*. *Перевод* опре-

деляется как аналог типологического сопоставления культур, а в дальнейшем становится аналогом акта коммуникации и основным механизмом сознания. Переводами пронизана вся толща семиосферы, происходит «информационная трансляция через разнообразные границы, игра между различными структурами и подструктурами, направленные непрерывные семиотические «вторжения» той или иной структуры на «чужую территорию» образуют порождения смысла, возникновение новой информации» (Лотман 1984: 13).

Разрушение однозначности

В интервью, данном в начале 1980-х годов, Лотман отвечает на вопрос о метаязыке семиотики:

/.../ что существовать для науки означает развиваться, и быстрая динамика научных идей неизбежно приходит в конфликт со строгой упорядоченностью терминов, требующей замкнутых статических научных моделей. Determinatio est negatio. Научный импрессионизм в употреблении терминов и слишком большая жесткость научного языка, теряющая в силу этого способность описывать противоречия объекта, в равной мере опасны. (Лотман 2003: 116–117)

Вводя в свою систему знания структурную модель объекта, в процессе применения структуралистской лексики, Лотман все более отделяется от резкого разграничения абстрактной модели объекта от реального, материального объекта. Это видно как в случае с *языком*, так и потом с *текстом* и с *культурой*, – все эти понятия «оживают», приобретают характеристики живого интеллектуального существа, становятся органическими.

В письме от 16 сентября 1993 Лотман полусхематично описывает теорию эволюции римского философа Тита Лукреция Кара:

По крайней мере, она прекрасно подходит для описания моего научного развития; у меня в голове плавают научные идеи, который в беспорядке сцепляются, образуя два постоянно меняющихся местами, замкнутых «организма». Один образует язык метода (как говорится), а другой – содержания (о чем говорится). Они постоянно меняются местами /.../ А я только успеваю крутить голову то в одну, то в другую сторону. /.../ Вот это и есть то, что я называю научным методом. (Лотман 1997б: 447)

В поисках языка описания для «контрастной», «правополушарной семиотики», связующего звена между научным и художественным (мифологическим) сознанием, в поисках другой науки, «науки-мифологии», Лотман следует мысли Шлегеля, который считал, что всякая наука должна стать

искусством и, чтобы избежать однозначности, поэзия и философия должны соединиться.⁵⁵

Речь об этом идет уже в АПТ:

Кроме естественного языка человек имеет еще по крайней мере две стихийно ему данные и поэтому не заметные для него, но тем не менее очень мощные моделирующие системы, которые активно формируют его сознание. Это – система «здравого смысла», каждодневного бытового сознания и пространственно-зрительная картина мира. Искусство вносит свободу в автоматизм и этих миров, разрушая однозначность господствующих в них связей и расширяя тем самым границы познания. (АПТ, 132)

В интервью 1992 года он говорит, что мы живем в мире, основанном на конфликтном единстве двух моделей – науки и искусства (Lotman 2010: 228). Именно они составляют два полушария коллективного мозга человечества:

Наука и искусство – это как бы два глаза человеческой культуры. Именно их различие (и равноправие) создают объемность нашего знания. /.../ Искусство – форма мышления, без которого человеческое сознание не существует, как не существует сознания с одним полушарием. (Лотман 1994в [1990]: 432)

Приведем для сравнения пространственную модель мышления и его основных форм, своеобразную топологию мысли из книги Жюль Делеза и Феликса Гваттари «Что такое философия» (1991): «Философия, искусство и наука – это не ментальные объекты мозга-объекта, но три аспекта, в которых мозг становится субъектом, Мыслью-мозгом; это три плана, три плота, на которых он ныряет в пучину хаоса, чтобы победить ее» (Делез, Гваттари 1998: 268). Для Делеза и Гваттари «дело искусства – воспитывать нас/.../, пробуждать нашу душу, учить нас чувствовать; дело философии – учить нас пониманию, а дело науки – познанию» (там же, 278–279). Юрий Лотман прекрасно справлялся со всеми этими задачами.

---

⁵⁵ См. Шлегель Ф. 1983. Критические фрагменты // Шлегель Ф. *Эстетика. Философия. Критика*. Т. 1. Москва: Искусство, 287.

ЛИТЕРАТУРА

- Andrews, Edna 2003. Conversations with Lotman. *The Implications of Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition*. Toronto: University of Toronto Press.
- Avtonomova, Natalia S. 2001. L'héritage de Lotman. *Critique* 57: 120–132.
- Baran, Hendryk 1976. Introduction. In: Baran, Henryk (ed.) *Semiotics and Structuralism: Readings from the Soviet Union*. White Plains (N.Y.): International Arts and Sciences Press, VII–XXVI.
- Blaim, Artur 1998. Lotman in the West. An Ambiguous Complaint. In: Reid, A. J. (eds.). *Neo-formalist Papers: Contributions to the Silver Jubilee Conference to Mark 25 Years of the Neo-formalist Circle*. Amsterdam: Rodopi, 329–337.
- Broekman, Jan M. 1971. *Strukturalismus: Moskau – Prag – Paris*. Freiburg: Alber.
- Cáceres, Manuel 1999. Scientific thought and work of Yuri Lotman. *Sign Systems Studies* 27: 46–59.
- Chernov, Igor 1988. Historical Survey of Tartu-Moscow Semiotic School. In: Broms, H.; Kaufmann, R. (eds.). *Semiotics of Culture. Proceedings of the 25th Symposium of the Tartu-Moscow School of Semiotics, Imatra, Finland, 27th–29th July 1987*. Helsinki: Arator 7–16.
- Deely, John 2005. *Basics of Semiotics*. [Tartu Semiotics Library 4.] Tartu: Tartu University Press.
- Eimermacher, Karl 1986. Zur Entstehungsgeschichte einer deskriptiven Semiotik in der Sowjetunion. In: Eimermacher, K. (ed.). *Semiotica sovietica Bd. 1. Arbeiten der Moskauer und Tartuer Schule zu sekundären modellbildenden Zeichensystemen (1962 bis 1973)*. Aachen: Rader Verlag, 11–67.
- Greimas, Algirdas J. 1989. On meaning. *New Literary History* 20(3): 539–550.
- Greimas, Algirdas; Courtés, Joseph 1993 [1979]. *Sémiotique – Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris: Hachette Superieur.
- Grishakova, Marina 2009. Around “Culture and Explosion”: J. Lotman and the Tartu-Moscow School in the 1980s–90s. In: Grishakova, M. (ed.). *J. Lotman. Culture and Explosion*. [Semiotics, Communication and Cognition 1.] Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 175–187.
- 2018. Semiotics and Structuralism. In: Richter, D. H. (ed.). *The Blackwell Companion to Literary Theory*. Malden-Oxford: Wiley-Blackwell, 48–59.
- Grzybek, Peter 1989. *Studien zum Zeichenbegriff der sowjetischen Semiotik (Moskauer und Tartuer Schule)*. Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer.
- Hawkes, Terence 1977. *Structuralism and Semiotics*. London and New York: Routledge.
- Hymes, David 1978. Comments on Soviet Semiotic and Criticism. *New Literary History* 9(2): 399–411.
- Jameson, Fredric 1972. *The Prison of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press.
- Jonaid-Sharif, Lutfurahman 1984. *Text-Sign-Structure: The Poetics of Jurij Lotman*. (Ph. D. Dissertation). University of Southwestern Louisiana.
- Kristeva, Julia 1968. Linguistique et sémiologie aujourd'hui en URSS. *Tel Quel* 35: 3–8.
- 1994. On Yury Lotman. *Publications of the Modern Language Association (PMLA)* 109(3): 375–376.
- Lepik, Peet 2008. *Universals in the Context of Juri Lotman's Semiotics*. [Tartu Semiotics Library 7.] Tartu: Tartu University Press.

- Lotman, Juri 1984. Kultuur ja organism. In: Tiivel, T.; Kull, K.; Neuman, T.; Sutrop, U. (toim.). *Teooria ja mudelid eluteaduses*. Tartu, 215–220.
- 1990. Eessõna eestikeelsele väljaandele. In: Lotman, J. *Kultuurisemiootika. Tekst – kirjandus – kultuur*. Tallinn: Olion, 3–6.
- 2010. Juri Lotmani kõnelustest Peeter Toropiga Tartus 1992. a. septembris. In: Lotman, M. (koost.). *Jalutuskäigud Lotmaniga*. Tallinn: TLU Press, 223–233.
- Lotman, Mihhail 2001. Paradoksaalne semiosfäär (Järelsõna). In: Lotman, J. *Kultuur ja plahvatus*. Tallinn: Varrak, 215–226.
- Mandelker, Amy 1994. Semiotizing the Sphere: Organicist Theory in Lotman, Bakhtin, and Vernadsky. *Publications of the Modern Language Association of America* 109(May): 385–396.
- Margolin, Uri 1975. Juri Lotman on the Creation of Meaning in Literature. *Canadian Review of Comparative Literature* 2(3): 262–282.
- Meijer, Jan M. 1973. Literature as Information. Some Notes on Lotman's Book: *Struktura xudožestvennogo teksta*. In: Van der Eng, J.; Grygar, M. (eds.). *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. La Haya-Paris: Mouton, 209–223.
- Pilshchikov, Igor; Trunin, Mikhail 2016. The Tartu-Moscow School of Semiotics in Transnational Perspective. *Sign Systems Studies* 44(3): 368–401.
- Priimägi, Linnar 2011. Järeleavamatut Lotman. Juri Lotmani “Ennustamatud kultuurimehhanismid”. *Keel ja Kirjandus* 3: 161–175.
- Segal, Dmitri 1974. *Aspects of Structuralism in Soviet Philology*. Tel-Aviv: Papers on Poetics and Semiotics, 2. <http://www.tau.ac.il/tarbut/pubtexts/segal/Segal-Aspects.pdf>
- Semenenko, Aleksei 2012. *The Texture of Culture: An Introduction to Yuri Lotman's Semiotic Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Seyffert, Peter 1985. *Soviet Literary Structuralism: Background, Debate, Issues*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
- Shukman, Ann 1976. The Canonization of the Real. Jurij Lotman's Theory of Literature and Analysis of Poetry. *PTL. A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature* 1: 317–338.
- 1977. *Literature and Semiotics. A study of the writings of Yu. M. Lotman*. Amsterdam: North Holland Publishing Company.
- Steiner, Peter 1984. *Russian Formalism: A Metapoetics*. London: Cornell University Press.
- Vetik, Raivo 1992. Platonism Juri Lotmani semiootikas. *Akadeemia* 10: 2044–2059.
- Waldstein, Maxim 2008. *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken: VDM Verlag.
- Winner, Thomas 1968. Introduction. In: *I. M. Lotman, Lektsii po struktural'noi poetike. Vvedenie, teoriiia stikha*. Providence, Rhode Island: Brown University Press, vii–xii.
- Żyłko, Bogusław 2001. Culture and Semiotics: Notes on Lotman's Conception of Culture. *New Literary History* 32(2): 391–408.
- 2014. Notes on Yuri Lotman's structuralism. *International Journal of Cultural Studies*: 1–16.
- Автономова, Наталья 2009. *Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров*. Москва: РОССПЭН.
- Аймермахер, Карл 2001. *Знак. Текст. Культура*. Москва: Дом интеллектуальной книги.
- Валаховская, Елена 1998. Московско–тартуская семиотическая школа во Франции. In: Неклюдов, С. Ю. (сост.). *Московско-тартуская семиотическая школа*.

- История, воспоминания, размышления.* Москва: Языки русской культуры, 294–306.
- Венцлова, Томас 2015. *Пограничье: Публицистика разных лет.* Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Гаспаров, Борис 1994. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа.* Москва: Гнозис, 279–294.
- 1998. В поисках «другого» (Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов). In: Неклюдов, С. Ю. (сост.). *Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления.* Москва: Языки русской культуры, 213–236.
- Гаспаров, Михаил 1994. Предисловие. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа.* Москва: Гнозис, 11–16.
- 1996. Лотман и марксизм. In: Лотман, Ю. М. *Внутри мыслящих миров.* Москва: Языки русской культуры, 415–426.
- Греймас, Альгирдас 2004 [1966]. *Структурная семантика: поиск метода.* Москва, Академический проект.
- Гржибек, Петер 1995. Бахтинская семиотика и московско-тартуская школа. In: Пермяков, Е. В. (сост.). *Лотмановский сборник 1.* Москва: ИЦ-Гарант, 240–259.
- Григорьев, Роман; Даниэль, Сергей 1998. Парадокс Лотмана. In: Лотман, Ю. М. *Об искусстве.* Санкт-Петербург: Искусство–СПб, 5–13.
- Даниэль, Сергей 2002. О Лотмане. In: Лотман, Ю. М. *Статьи по семиотике культуры и искусства.* Санкт-Петербург: Академический проект, 5–16.
- Егоров, Борис 2010. Три последние книги Ю. М. Лотмана как трилогия-завещание. In: Лотман, Ю. М. *Непредсказуемые механизмы культуры.* Таллинн: TLU Press, 207–219.
- Егоров, Б. Ф.; Игнатъев, М. Б., Лотман, Ю. М. 1995. Искусственный интеллект как метамеханизм культуры. *Russian Studies* 1(4): 277–287.
- Ельмслев, Луи 2006 [1943]. *Пролегомены к теории языка.* Москва: КомКнига.
- Живов, Виктор 2009. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения. *Новое литературное обозрение* 98: 11–26.
- Жолковский, Александр 1998. Ж/З – 97. In: Неклюдов, С. Ю. (сост.). *Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления.* Москва: Языки русской культуры, 175–209.
- Делёз, Жиль; Гваттари, Феликс 1998 [1991]. *Что такое философия?* Москва: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя.
- Зенкин, Сергей 2009. Континуальные модели после Лотмана. *Новое литературное обозрение* 98: 56–65.
- Иванов, Вячеслав Вс. 1994. Из следующего века. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа.* Москва: Гнозис, 486–490.
- 2004. *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему.* Москва: Языки славянской культуры.
- Калинин, Илья 2009. Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики. *Новое литературное обозрение* 98: 27–55.

- Ким, Су Кван 2003. *Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личность»*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Киселева, Любовь 2009. Ю. М. Лотман: от истории литературы к семиотике культуры: (О границах лотмановской семиосферы). In: Кантор, В. К. (ред.). *Юрий Михайлович Лотман*. Москва: РОССПЭН, 282–293.
- Кристева, Юлия 2004 [1968]. Семиотика: критическая наука и/или критика науки. In: Кристева, Юлия. *Избранные труды: Разрушение поэтики*. Москва: РОССПЭН, 53–68.
- Кузьмина, Наталья 1999. *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Ландольт, Эманюэль 2011. Один невозможный диалог вокруг семиотики: Юлия Кристева – Юрий Лотман. *Новое литературное обозрение* 109: 135–150.
- Лахман, Ренате 1995 [1984]. Ценностные аспекты семиотики культуры/семиотики текста Юрия Лотмана. In: Пермяков, Е. В. (сост.). *Лотмановский сборник 1*. Москва: ИЦ-Гарант, 192–213.
- Левин, Юрий 1994. «За здоровье Ее Величества!...» In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 309–312.
- Левченко, Ян 1996. Постижение текста: к эволюции семиотических понятий Ю. М. Лотмана. *Труды молодых филологов* 7: 265–275.
- 1999. От редактора. In: Левченко, Я.; Салупере, С. (ред.). *Материалы к словарю терминов Тартуско-Московской школы*. [Тартуская библиотека семиотики 2.] Тарту: Изд-во Тартуского университета, 12–26.
- Лотман, Михаил 1995. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая). In: Пермяков, Е. В. (сост.). *Лотмановский сборник 1*. Москва: ИЦ-Гарант, 214–222.
- 1996. Структура и свобода (из заметок о философских основаниях Тартуской семиотической школы). *Slavica Tergestina* 4: 81–99.
- 1998. Послесловие: Структуральная поэтика и ее место в наследии Ю. М. Лотмана In: Лотман, Ю. М. *Об искусстве*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ., 675–686.
- 2002. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе. Предварительные замечания. In: Лотман, Ю. М. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 5–20.
- Лотман, Юрий 1963. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры. *Вопросы языкознания* 3: 44–52.
- 1964. Лекции по структуральной поэтике. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 1: 5–195.
- 1967. От редакции. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 3: 5–6.
- 1969 [1968]. О метаязыке типологических описаний культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 4: 460–477.
- 1970а. Культура и язык. In: Лотман, Ю. М. *Статьи по типологии культуры*. [Материалы к курсу теории литературы. Вып. 1.] Тарту: Тартуский государственный университет, 6–11.
- 1970б. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. In: Лотман, Ю. М. *Статьи по типологии культуры*. [Материалы к курсу теории литературы. Вып. 1.] Тарту: Тартуский государственный университет, 12–35.

- 1970в. О типологическом изучении культуры. In: Лотман, Ю. М. *Статьи по типологии культуры*. [Материалы к курсу теории литературы. Вып. 1.] Тарту: Тартуский государственный университет, 86–102.
- 1972а. *Анализ поэтического текста*. Ленинград: Просвещение.
- 1972б. Искусствознание и «точные методы» в современных зарубежных исследованиях. In: Лотман, Ю. М.; Петров, В. М. (ред.). *Семиотика и искусствознание. Современные зарубежные исследования. Сборник переводов*. Москва: Мир, 5–23.
- 1973. *Семиотика кино и проблемы киноэстетики*. Таллин: "Ээсти Раамат".
- 1975. О Хлестакове. *Учен. зап. Тарт. гос. ун-та* 369: 19–53. [Труды по русской и славянской филологии 26: Литературоведение.]
- 1977. Место киноискусства в механизме культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 8: 138–150.
- 1978а. Феномен культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 10: 3–17.
- 1978б [1974]. Динамическая модель семиотической системы. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 10: 18–33.
- 1981а. Риторика. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 12: 8–28.
- 1981б. *Доклад 13 марта в Институте эволюционной физиологии АН СССР*. Таллинский университет. Эстонский фонд семиотического наследия. F 1 (Ю. Лотман). Машинопись.
- 1983а. Асимметрия и диалог. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 16: 15–30.
- 1983б. К построению теории взаимодействия культур: (Семиотический аспект). *Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. (Труды по романо-германской филологии. Литературоведение: Теоретические и практические вопросы взаимодействия литератур.)* 646: 92–113.
- 1984. О семиосфере. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 17: 5–23.
- 1987а. Семиотика. In: Кожевникова, В. М.; Николаева, П. А. (ред.). *Литературный энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 373–374.
- 1987б. Об итогах и проблемах семиотических исследований. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 20: 12–16.
- 1991. В точке поворота. *Литературная газета* 23: 11.
- 1992а. О динамике культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 25: 5–22.
- 1992б. Текст и полиглотизм культуры. In: Лотман, Ю. М. *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн: Александра, 142–147.
- 1994а [1990]. Зимние заметки о летних школах. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 295–298.
- 1994б [1992] Тезисы к семиотике русской культуры. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 407–416.
- 1994в [1990] О природе искусства. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 432–438.
- 1994г [1990]. Чем длиннее пройден путь, тем меньше вероятностей для выбора (Вступительное слово на Международной студенческой конференции русских

- филологов). In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 456–458.
- 1996. *Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры.
  - 1997а [1967]. Литературоведение должно быть наукой. In: Лотман, Ю. М. *О русской литературе*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 756–765.
  - 1997б. *Письма. 1940–1993*. (Сост., подгот. Б. Ф. Егорова.) Москва: Языки русской культуры.
  - 1998 [1970]. Структура художественного текста. In: Лотман, Ю. М. *Об искусстве*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 14–285.
  - 2000а [1969]. Люди и знаки. In: Лотман, Ю. М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 5–11.
  - 2000б [1992]. Культура и взрыв. In: Лотман, Ю. М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 12–149.
  - 2000в [1977]. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. In: Лотман, Ю. М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 557–567.
  - 2000г [1981]. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект. In: Лотман, Ю. М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 580–589.
  - 2000д [1989]. Культура как субъект и сама-себе объект. In: Лотман, Ю. М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 639–647.
  - 2002 [1983]. Культура и текст как генераторы смысла. In: Лотман, Ю. М. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 162–168.
  - 2003. Объект семиотики – культура. In: Лотман, Ю. М. *Воспитание души*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 115–117.
  - 2010. *Непредсказуемые механизмы культуры*. Таллинн: TLU Press.
  - 2016 [1982]. Университет – наука – культура. In: Успенский, Б. А. (ред.). *Ю. М. Лотман – Б. А. Успенский. Переписка 1964–1993*. Таллинн: Издательство ТЛУ, 680–688.
- Лотман, Юрий М.; Иванов, Вячеслав В.; Пятигорский, Александр М.; Топоров, Владимир Н.; Успенский, Борис А. 2013 [1973]. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Salupere, S.; Torop, P.; Kull, K. (eds.), *Beginnings of the semiotics of culture*. [Tartu Semiotics Library 13]. Tartu: University of Tartu Press, 53–77.
- Лотман, Юрий; Пятигорский, Александр 1992 [1968]. Текст и функция. In: Лотман, Ю. М. *Избранные статьи*. Т. I. Таллинн: Александра, 133–141.
- Лотман, Юрий; Успенский, Борис 1971. О семиотическом механизме культуры. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 5: 144–166.
- 1973. Миф – имя – культура. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 6: 282–303.
- Мамардашвили, Мераб; Пятигорский, Александр 1971. Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 5: 345–376.
- 1997. *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке*. Москва: Языки русской культуры.
- Мауро, Туллио де 1999. Приложения. In: Соссюр, Фердинанд де. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 305–391.

- Пильщиков, Игорь 2012. Невышедшая статья Ю. М. Лотмана «Структурализм в литературоведении». *Русская литература* 4: 46–69.
- Пятигорский, Александр 1994. Заметки из 90-х о семиотике 60х годов. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 324–329.
- 2002. Пределом допустимого для Лотмана был я. *Новая Русская Книга* 1. (Беседа вели Аркадий Блюмбаум и Глеб Морев.) <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/piatig.html>
- Редколлегия 1965. От редакции. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 2: 5–8.
- Соболев, Денис 2008. Лотман и структурализм: опыт невозвращения. *Вопросы литературы* 3: 5–51.
- Соссюр, Фердинанд де 1977 [1916]. Курс общей лингвистики. In: Соссюр, Фердинанд де. *Труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 31–285.
- Тороп, Пезтер 1995. Тартуская школа как школа. In: Пермяков, Е. В. (сост.). *Лотмановский сборник* 1. Москва: ИЦ-Гарант, 223–239.
- 1999. О феномене языка научной школы. In: Левченко, Я., Салупере, С. (ред.). *Материалы к словарю терминов Тартуско-Московской школы*. [Тартуская библиотека семиотики 2.] Тарту: Изд-во Тартуского университета, 7–11.
- Трунин, Михаил 2016. «...такое явление природы: утверждает, что бога нет, хотя сам как ангел». *Борис Успенский и Михаил Лотман о семиотике и советском научном быте*. <http://www.colta.ru/articles/literature/10671>
- Успенский, Борис 1994 [1987]. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы. In: Кошелев, А. Д. (сост.). *Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 265–278.
- Успенский, Борис (ред.) 2016. *Ю. М. Лотман – Б. А. Успенский. Переписка 1964–1993*. Таллинн: Издательство ТЛУ.
- Чередниченко, Игорь 2001. *Структурно-семиотический метод тартуской школы*. СПб.: Золотой век.
- Чернов, Игорь 1997. Опыт введения в систему Ю. М. Лотмана. In: Лотман, Ю. М. *О русской литературе*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 5–13.
- Эко, Умберто 1996. Предисловие к английскому изданию. In: Лотман, Ю. М. *Внутри мыслящих миров*. Москва: Языки русской культуры, 405–414.
- 1998 [1968, 1980]. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Без места: ТОО ТК «Петрополис».

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СТАТЕЙ

- I. Salupere, Silvi 2008. О понятии «перевод» в трудах Юрия Лотмана. *Sign Systems Studies* 36.2: 417–436.
- II. Salupere, Silvi 2014. От текста к культуре. In: Kroó, Katalin; Torop, Peeter (eds.). *Text within Text – Culture within Culture*. Budapest-Tartu: L'Harmattan, 39–57.
- III. Salupere, Silvi; Torop, Peeter 2013. On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of the Tartu-Moscow School. In: Salupere, Silvi; Torop, Peeter; Kull, Kalevi (eds.). *Beginnings of the semiotics of culture*. Tartu: Tartu University Press. (Tartu Semiotics Library 13), 15–37.
- IV. Salupere, Silvi 2015. The cybernetic layer of Juri Lotman's metalanguage. *Recherches sémiotiques / Semiotic Inquiry* 35(1): 63–84.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе рассматривается и анализируется сложная и комплексная проблема – формирование метаязыка Юрия Лотмана с разных точек зрения (в том числе общетеоретической, методологической, терминологической). Работа состоит из вводной главы и четырех ранее опубликованных статей по данной теме.

Вводная глава делится на две части. В первой представлены методология и материал исследования, а также история изучения вопроса. Во второй описывается лотмановский метаязык как динамическая система: его формирование, структура, динамика, соотношение между разными слоями метаязыка и между отдельными понятиями. Вторая часть включает в себя три подчасти, с разными доминантами. Первая из них, самая объемная, рассматривает «трилогию», в которой Лотман вырабатывает методологию анализа художественного текста. В следующей анализируется соотношение структуралистского и семиотического пласта в метаязыке Лотмана. Третья изучает коренные вопросы описания семиотической системы – отношения семиотических систем ко всему внеположному этим системам (у Лотмана преимущественно – к внетекстовому, внесистемному, внеязыковому, внекультурному и внесемиотическому) и отношение статики к динамике (центральное противопоставление лотмановской системы дискретность–континуальность). Во многом мы следуем здесь схеме из лотмановской статьи «Динамическая модель семиотической системы», где основные характеристики модели описываются с помощью противопоставлений 1. статика–динамика (у нас глава 2.3.5), 2. системное–несистемное (2.3.2. – 2.3.4.) 3. однозначность–амбивалентность (глава 2.1. о «трилогии») 4. ядро–периферия и 5. описанное–неописанное (глава 2.2. и «контрастная» семиотика).

Статья **(I) «О понятии «перевод» в трудах Юрия Лотмана»** посвящена употреблению Лотманом понятия *перевод*, а также находящихся с ним в одном семантическом поле понятий. Тематика перевода занимала в работах Юрия Михайловича Лотмана важное место уже в начале 1960-х. Сама постановка Лотманом вопроса перевода (интерлингвистического и межкультурного/интерсемиотического; точного, адекватного, эквивалентного и т. п.), а также пути разрешения им этого вопроса (вернее, вопросов), отражают множественность, взаимопереплетение и, отчасти, неразрешимость тех проблем, которые стояли перед Лотманом: *свое* и *чужое*, условия коммуникации и возможности диалога и т. д.

Важными составляющими структуральной поэтики Лотмана являются понятия структур содержания и выражения; с этими понятиями неразрывно связаны и рассуждения Лотмана о точном и адекватном переводе. Более подробно вопросы перевода освещаются в СХТ, где в интересующем нас смысловом поле появились два термина: *перекодировка* и *перевод*. Причем именно *перекодировка* вводится как термин, с множествен-

ными объяснениями. Сдвиг этот можно объяснить тем, что под влиянием теории информации в структуралистских трудах разделение «код–сообщение» заменило основополагающую сосюррианскую дихотомию *язык–речь*. *Перекодировка* (так же, как в ЛСП *перевод*) соотносится с системой как выражения, так и содержания, и влияние Ельмслева в СХТ более существенно, чем влияние Якобсона. Для Лотмана важнее подчеркнуть именно семиотический, а не переводческий, аспект перекодировки.

Если в «трилогии» слово «перевод» появлялось преимущественно в своем, так сказать, классическом, литературоведческом значении, то в группе текстов «второго пика», культуролого-типологического, *перевод* используется Лотманом в более обобщенном смысле. Вообще, хронологическое разделение здесь неправомерно, так как на временной оси эти тексты сосуществуют, идут параллельно. К тому же Лотман постоянно «цитирует» самого себя, одни и те же мысли повторяются с разными вариациями во множестве работ (особенно это касается «сквозных» тем и понятий, а к таким, несомненно, относится и *перевод*).

Характеризующиеся однозначностью по отношению к «общему денотату» (что составляет суть понятия *точного перевода* для Лотмана) пространственные аналогии начинают играть заметную роль в определении перевода в качестве центрального механизма культуры. Перевод осмысливается как основной инструмент семиотического исследования, и применение этого инструмента возможно во многих сферах науки. В трудах самого Лотмана «перевод» и близкие к нему термины (*перекодировка*, *эквивалентность*, *трансформация*, *транспозиция*) занимают важное место, зачастую образуя некий «контрапункт» его теоретических изысканий.

Статья (II) «**От текста к культуре. К вопросу о лотмановской типологии культуры**». Важное понятие, как для построения типологии культуры, так и вообще в метаязыке Лотмана, – *текст*. Именно это понятие является ключевым и связующим звеном между Лотманом-литературоведом и Лотманом-семиотиком. Прослеживается переход от «лингвистического» определения текста (Лотман пользуется и определением «реальный текст», что, видимо, не совсем приравнивается им к лингвистическому пониманию) к понятию *текста* как изоморфного *культуре* и, в дальнейшем, *семиосфере*.

«Методологию» Лотмана при построении типологии культуры можно изобразить следующим образом: описываются основные *типы культурных кодов*, затем согласно этим типам складываются *языки* отдельных культур, что позволяет выявить универсалии культуры (типологические характеристики основных кодов культуры). В поисках основных типов культурных кодов Лотман исходит из конкретного текстового материала, рассматривая тексты как варианты некоторого инвариантного текста. В итоге получается некоторый текст-конструкт, который Лотман называет *текстом культуры*. Этот подход Лотмана весьма напоминает выделение Леви-Строссом структурного инварианта мифа в его «Мифологиях».

Если сначала Лотман выбирает в качестве метаязыка описания культуры топологию, то в дальнейшем мы уже не находим указаний на топологию как метаязык описания культуры. Соответственно на задний план отодвигаются и пространственные модели культуры (в то же время пространственные модели активно применяются Лотманом при анализе конкретных литературных текстов).

В связи с отступлением пространственных моделей на второй план изменяется и определение модели культуры, формируется понимание культуры как коммуникативной системы. В языке описания, наряду с понятиями *типа культуры* и *модели культуры*, появляется понятие *кода культуры*. Если попытаться сформулировать эти понятия (Лотман сам не дает четких определений), то можно сказать, что *модель культуры* – это пример, тип функционирования культуры; *тип культуры* – реализация этой модели на разных этапах истории культуры; тип культуры выражается в *текстах культуры*. *Код культуры* характеризует соответствующий тип культуры и на основе кодов культуры образуются *языки культуры*.

Один и тот же текст (культуры) можно в его реальном функционировании описывать одновременно в категориях нескольких различных моделей культуры. В результате рассмотрения всех работ Лотмана, посвященных типологии культуры, весь набор разных характеристик типов культуры можно представить как определенное целое, что представлено в таблице, где левая и правая колонка описывают по-разному и с разными акцентами бинарную схему, которую можно свести к одной из главных дихотомий Лотмана – противопоставлению *линейно-дискретных* и *континуально-гомеоморфных* моделирующих языков. Явственно видно движение мысли Лотмана: в своих последних статьях он интересуется не столько типологией культуры (что предполагает нечто готовое, абстрактное и вневременное), сколько динамикой культуры; его больше интересует культура не как объект, а как субъект. На первый план выступают описывающие эту динамику понятия, такие как *взрыв*, *бифуркация*, *постепенность* и *прерывность*. Можно заключить, что поиски Лотманом оптимального метаязыка описания для построения типологии культуры, разработка проблемы универсалий культуры и выделение основных параметров типологии культуры, в своей «траектории» во многом напоминают одновременно вектор и круг (ср. его излюбленную оппозицию *историческое–мифологическое* = *линейное–циклическое*), что как бы косвенно подтверждает один из его лейтмотивов: несводимость мышления, личности, текста – наконец, культуры – к однополярности, одноязычию, однозначности, окончательной определенности.

Статья (III) “**On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of Tartu–Moscow School**” (написанная в соавторстве с Пеетером Торопом) рассматривает процесс зарождения семиотики культуры и соответствующего метаязыка в рамках Тартуско-московской школы. Отдельное внимание уделяется трудностям перевода, которые напрямую связаны с неверной интерпретацией.

Прослеживается процесс становления *культуры* центральным объектом изучения ТМШ на примере статей, опубликованных в ТЗС и в сборниках Тезисов к летним школам, что находит свое логическое завершение в опубликовании коллективных «Тезисов к семиотическому изучению культур» (1973), ознаменовавших рождение новой дисциплины – семиотики культуры.

Высвечивается логическое построение Тезисов: сначала дефинируется новая дисциплина – семиотика культуры, – после чего начинается рассмотрение главных механизмов ее объекта, т. е. *культуры*. Базовым элементом культуры является *текст*, и основная часть Тезисов посвящена рассмотрению вопросов формирования и создания текста, его реконструкции, участия текста в процессах *коммуникации* и переводов текстов между разными *типами культур*. И, наконец, дается заново определение культуры как целого, в котором работает два противопоставленных *механизма*.

Статья (IV) “**The cybernetic layer of Juri Lotman’s metalanguage**” фокусируется на важной составляющей лотмановского метаязыка – на понятиях, связанных с теорией информации и кибернетики. Цель статьи – проследить пути появления в метаязыке Лотмана двух понятий – *механизм* и *устройство*, которые формируют важную часть лотмановского мышления, тесно переплетаясь с другими понятиями, как, например, *текст* и *культура*, которые оба рассматриваются Лотманом в качестве как *устройств*, так и *механизма*. Язык кибернетики был для Лотмана тем общим языком, позволяющим описывать разные феномены как гомогенные. Именно в кибернетике (в частности в работах Уильяма Эшби, который для Лотмана был важным автором) обсуждались параллели между машинами, человеческим мозгом и обществом.

СТАТЪИ

KOKKUVÕTE

Juri Lotmani metakeelest: probleemid, kontekst, allikad

Doktoritöö kirjeldab ja analüüsib keerukat ja kompleksset probleemi – Juri Lotmani metakeele kujunemist. Teemat käsitletakse erinevatest vaatenurkadest (sh. üldteoreetiline, semiootiline, metodoloogiline ja terminoloogiline) nii sissejuhatavas peatükis kui ka neljas artiklis, mis moodustavad väitekirja põhiosa. Sissejuhatava peatüki esimeses osas selgitatakse üldist küsimuseasetust, luues teoreetilist tausta metakeele mõiste probleemi käsitlemisele. Selleks vaatleb autor metakeele mõiste kohta Tartu–Moskva semiootikakoolkonna ajaloos ja J. Lotmani teadustekstides ning kirjeldab J. Lotmani metakeele dünaamikat mõjutavaid faktoreid. Teises sissejuhatava peatüki osas vaadeldakse Lotmani metakeelt kui dünaamilist süsteemi: selle kujunemist, struktuuri, dünaamikat. Töö keskendub Lotmanile kui semiootikule, st vaatluse alt jääb välja eelstruktureeritud periood. Eelkõige rahulolematust tolleaegse kirjandusteaduse esitusviisidega viis Lotmani tõdemuseni, et kirjanduse uurimine peab saama teaduseks. Jälgitakse Lotmani metakeele suhestumisi strukturalistliku ja semiootilise, matemaatika ja informatsiooniteooria, küberneetika ja lingvistika mõistetega. Näidatakse, kuidas strukturaalpoetikast, kunstitekstide analüüsist (mis on keskseks teemaks Lotmani “triloogias”⁵⁶) kasvas välja kultuurisemiootika ja kuidas kultuuri enda mõiste muutus järjest “subjektiivsemaks”, päädides arusaamaga kultuurist kui kollektiivsest intellektist. Lotmani metakeelt käsitletakse tervikliku süsteemina, mille modelleerimisel lähtutakse Lotmani poolt esitatud dünaamilise süsteemi mudelist, mis ehitub vastandustele staatika–dünaamika, süsteemne–mittesüsteemne, ühetähenduslikkus–ambivalentsus, tuum–perifeeria, kirjeldatud–mittekirjeldatud. Lotmani viimasel elukümnendil oli tema huvikeskmes just nende vastanduste teine pool, küsimus sellest, kuidas adekvaatselt kirjeldada mittediskreetset, kontinuaalset, mittesüsteemset – nn “kontrastne semiootika”, kus kohtuvad teadus ja kunst, loogika ja retoorika.

Artikkel (I) «**О понятии «перевод» в трудах Юрия Лотмана**» vaatleb *tõlke* mõistet, mis oli Lotmani töödes olulisel kohal juba 1960ndate alguses. Juba *tõlke* ja sellega seotud mõistete (*interlingvistiline*, *kultuuridevaheline*, *intersemiootiline tõlge*; *täpne*, *adekvaatne*, *ekvivalentne tõlge* jms) küsimuse enda püstitus ja nende lahendamise viisid peegeldavad probleemide, mis Lotmani ees seisis – *oma* ja *võõras*, *kommunikatsiooni* ja *dialogi* võimalus jne – paljusust, põimitust ja osaliselt ka lahendamatumust.

Võib eristada kahte “tippu” *tõlke* mõiste kasutamise dünaamikas Lotmani tekstides. Esimene ilmneb kunstiteksti käsitlestes, Lotmani strukturaalpoetikas. Teine on seotud mõtisklustega kultuuri fenomeniga, selle tüpoloogiliste karakteristikate üle. Oluline on, et mõlemal juhul kasutab Lotman oma põhiseisu-

---

⁵⁶ “Triloogiaks” nimetatakse antud töös kolme Lotmani kunstiteksti analüüsile pühendatud monograafiat: “Loengud strukturaalpoetikast” (1964), “Kunstilise teksti struktuur” (1970) ja “Poeetilise teksti analüüs” (1972).

kohtade selgitamisel *tõlke* mõistet ja tänu kontekstide erisusele muutub selle tähendus.

Strukturaalpoetika olulisteks osisteks Lotmanil on mõisted *sisustruktuur* ja *väljenduse struktuur* ja nendega on tihedalt seotud ka Lotmani arutlused adekvaatses tõlkest. Põhjalikumalt on tõlkeküsimused vaatluse all “Kunstilise teksti struktuuris”, kus meid huvitaval mõisteväljal ilmuvad kaks terminit – *ümberkodeering* ja *tõlge*, kusjuures just ümberkodeering viiakse sisse terminina, mitmete selgituste saatel. See on seletatav informatsiooniteooria mõjutustega strukturalistlikule metakeelele, kus vastandus *kood-teade* vahetas välja saasure’liku dihhotoomia *keel-kõne*. *Ümberkodeering* (nagu ka *tõlge* “Loengutes strukturaalpoetikast”) suhestub nii väljenduse kui ka sisu süsteemidega ja Hjelmlev’ mõju on “Kunstilise teksti struktuuris” märgatavam kui Jakobsoni oma. Lotmani jaoks on siin oluline rõhutada just ümberkodeeringu semiootilist aspekti, mitte tõlkelist.

Kui “trilogias” oli tõlke mõiste kasutusel enamjaolt oma klassikalises tähenduses, siis kultuurisemiootika probleeme käsitlevates tekstides kasutatakse *tõlget* laiemas tähenduses. Seejuures ei ole kronoloogiline jaotus “enne” ja “pärast” siin õigustatud, sest ajateljel kulgevad need tekstid paralleelselt. Pealegi kohtame me Lotmani tekstides pidevalt autotsitaate; ühed ja samad mõtted korduvad erinevates variatsioonides (eriti puudutab see “lääbivaid” teemasid ja mõisteid, mille hulka kahtlemata kuulub ka *tõlge*).

Ruumilised analoogiad, mis on määratletud oma suhtega “ühisesse denotaati” (just nii määratleb Lotman *täpset tõlget*) hakkavad mängima olulist rolli *tõlke* määratlemisel keskse *kultuurimehhanismina*. Tõlget mõtestatakse kui semiootilise uurimuse põhiinstrumenti ja Lotmani töödes on *tõlge* ja sellele lähedased mõisted (*ümberkodeerimine*, *ekvivalentsus*, *transformatsioon*, *transpositsioon*) olulisel kohal, olles tihtipeale tema teoreetiliste otsingute “kontrapunktiks”.

Artikkel (II) «От текста к культуре. К вопросу о лотмановской типологии культуры» vaatlleb kahte olulist mõistet Lotmani metakeeles – *tekst* ja *kultuur*. Mõiste *kultuur* kohta võib Lotmanilt leida „Tartu–Moskva koolkonna mõistesõnastikus“ viis erinevat määratlust. Vastavalt mõiste *kultuur* tähenduse muutusele muutub ka arusaam kultuuritüpoloogiatest. Optimaalse metakeele otsingud kultuuritüpoloogia tarbeks, kultuuriuniversaalide problemaatika ja kultuuritüpoloogia põhiparameetrite väljatöötamine, millega Lotman tegeles veerand sajandi jooksul, viisid kahe peamise universaalini – loomulik keel ja ruumilisus, mis mõlemad on modelleerivad, topeldavad *mehhanismid*. Kuna Lotmani jaoks on igasuguse kultuuritüübi üheks oluliseks omaduseks suhtumine märgilisuse probleemi, siis peab ruumiliste suhete keel olema võimeline modelleerima ka märgisüsteemide erinevaid struktuure. Pikas ja põhjalikus artiklis „Kultuuri tüpoloogiliste kirjelduste metakeelest“ (1968) võib ühel või teisel kujul leida kõikide järgnevate kultuuri tüpoloogiat lahkvate artiklite probleemistiku. Samas ei leia me edaspidi viiteid topoloogiale kui kultuuri kirjeldamise metakeelele ning ka ruumilised kultuurimudelid jäävad tahaplaanile. Muutub kultuurimodeli määratlus, esikohale tõuseb arusaam kultuurist kui kommu-

nikatiivsest süsteemist. *Kultuuritüübi* ja *-mudeli* kõrvale ilmub ka *kultuurikoodi* mõiste. *Mudel* on eeskuju, funktsioneerimise tüüp, *kultuuritüüp* aga selle mudeli realisatsioon kultuuri erinevatel ajalooetappidel. *Kultuurikood* iseloomustab vastavat kultuuritüüpi, kultuurikoode ei saa olla palju ja nende põhjal kujunevad välja *kultuuri keeled*.

Oma viimastes artiklites huvitub Lotman mitte enam kultuuritüpoloogiatest, vaid eelkõige kultuuri dünaamikast, teda huvitab mitte niivõrd kultuur kui objekt, vaid kultuur kui subjekt. Esile tõusevad seda dünaamikat kirjeldavad mõisted nagu *plahvatus*, *bifurkatsioon*, *pidevus* ja *katkendlikkus*, *järjepidevus* ja *ennustamatus*. Need on teemad, mis ikka ja jälle kerkivad üles artiklites ja kahes viimases raamatus “Kultuur ja plahvatus” ja “Kultuuri ennustamatud mehhanismid”.

Tabel koondab Juri Lotmani kultuuritüpoloogilised käsitlused teatud tervikuks, kus parem- ja vasakpoolne tulp kirjeldavad erineval moel ja erinevate rõhuasetustega põhimõtteliselt ühte ja sama binaarset vastandust *diskreetne-kontinuaalne*, mis omakorda on seotud parema ja vasaku ajupoolkeraga.

Artikkel (III) “**On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of Tartu–Moscow School**” (kirjutatud koos Peeter Toropiga) vaatlleb kultuurisemiootika ja kultuuri kirjelduskeele sünnilugu Tartu–Moskva koolkonnas.

Jälgitakse mõiste *kultuur* kujunemist Tartu–Moskva koolkonna peamiseks uurimisobjektiks, mis päädib kollektiivsete “Kultuurisemiootika teeside” ilmumisega 1973. aastal ning uue teadusdistsipliini – *kultuurisemiootika* – sünniga.

Teeside ülesehituse loogika on selgelt eristatav: kõigepealt defineeritakse uus teadusdistsipliin kultuurisemiootika, seejärel hakatakse vaatlema selle objekti – kultuuri ja tema mehhanisme. Kultuuri baaselemendiks on *tekst* ja Teeside põhiosa vaatllebki teksti kujunemist, loomist, rekonstruktsioone, teksti kommunikatsioonis ja tekstide ülekandeid erinevate kultuuride/kultuurtüüpide vahel. Ja lõpuks defineeritakse uuesti kultuur kui tervik, milles töötavad kaks vastandlikku mehhanismi.

Pärast Teeside ilmumist saab kultuurisemiootikast Tartu–Moskva koolkonna kogumike “Töid märgisüsteemide alalt” keskne uurimisobjekt. Kultuurisemiootika sektsioon on olemas kuuendas (1973) ja kaheksandas (1978) köites, seitsmes (1975) sisaldab alajaotust kultuuri tüpoloogiast. Alates üheksandast köitest (1978) hakkavad ilmuvad temaatilised kogumikud, nendest on kultuurisemiootikale pühendatud numbrid 10 (1979) ja 13 (1981), mõlema alapealkirjaks on “Kultuurisemiootika”, number 15 (1982, “Kultuuri tüpoloogia”), number 16 (1983, “Tekst ja kultuur”) ja 20 (1987, “Aktuaalsed probleemid kultuurisemiootikas”).

Artikkel (IV) “**The cybernetic layer of Juri Lotman’s metalanguage**” keskendub olulisele komponendile Juri Lotmani metakeele kujunemisel – informatsiooniteooria ja küberneetika mõjudele. Põhitähelepanu on mõistetel *mehhanism* ja *seadeldis* (*ycmpoücmeo*), mis ilmuvad Lotmani metakeelde juba 1960ndate alguses. Artiklis jälgitakse nende mõistete kasutamise dünaamikat ja näidatakse, et nende tihe kasutus ei ole Lotmanil mitte juhuslik ega arbitraarne

vaid vastupidi – nad vormivad ja ilmestavad olulist osa Lotmani mõttemaailmast, põimudes tihedalt teiste oluliste mõistetega, nagu näiteks *tekst* ja *kultuur*. Lotmani tõlkimisel ei ole mõisteid *mehhanism* ja *seadeldis* käsitletud eraldi terminina (ega üldse mitte terminina), neid käsitletakse sünonüümidenä, jäetakse hoopis välja või asendatakse mingi muu mõistega, moonutades algteksti mõtet. Lotmani jaoks kätkes küberneetiline kirjelduskeel endas võimalust kirjeldada väga eriilmelisi fenomene homogeensete nähtustena. Siin oli talle paljuski eeskujuks William Ashby, kes tõi välja paralleelid masina, inimaju ja ühiskonna toimimise vahel.

CURRICULUM VITAE

Имя: Сильви Салупере
Время рождения: 11. мая, 1956, Красноярский край
Гражданство: эстонское
E-mail: silvi.salupere@ut.ee

Образование:

2004–2012 докторант кафедры семиотики и теории культуры
Тартуского университета
1992–1996 отделение русской и славянской филологии Тартуского
университета, магистратура
1974–1979 отделение русского языка и литературы Тартуского
государственного университета
1972–1974 Тартуская 1 средняя школа

Работа:

1979–1980 учитель средней школы города Кярдла
1981–1984 библиотекарь гуманитарной библиотеки Тартуского
университета
1984 старший лаборант лаборатории истории и семиотики ТГУ
1984–1986 шахматный тренер Тартуской Детской и юношеской
спортшколы
1986–1987 старший инженер-технолог Эстонского научно-исследова-
тельского института животноводства и ветеринарии
1987–1991 старший лаборант кафедры русской литературы ТГУ
1991–1992 инженер отделения философии Института философии,
социологии и права Академии наук Эстонии
1994–1999 переводчик еженедельника «Программа/Семь»
1981–1993 преподаватель кафедры русской литературы Тартуского
университета
1994–2001 преподаватель кафедры семиотики Тартуского университета
2001–2016 редактор кафедры семиотики Тартуского университета
2001–2006 ассистент кафедры семиотики ТУ
2006– лектор кафедры семиотики ТУ

Общественная деятельность:

Редактор журналов *Sign Systems Studies*, *Tartu Semiotics Library* и *Acta Semiotica Estica*

Основные публикации:

Gramigna, Remo; Salupere, Silvi 2017. Umberto Eco and Juri M. Lotman on communication and cognition. In: Thellefsen, Torkild; Sørensen, Bent (eds.). *Umberto Eco in his own words*. Mouton de Gruyter. (Semiotics, communication and cognition 19), 248–257.

- Salupere, Silvi 2016. Juri Lotman ja semiootika Tartu Ülikoolis. *Tartu Ülikooli Ajaloo Küsimusi* 44: 49–67.
- Grishakova, Marina; Salupere, Silvi 2015. A School in the Woods: Tartu-Moscow Semiotics. In: Grishakova, M., Salupere, S. (eds.). *Theoretical Schools and Circles in the Twentieth-Century Humanities: Literary Theory, History, Philosophy*. London-New York: Routledge, 173–195.
- Salupere, Silvi 2015. The cybernetic layer of Juri Lotman's metalanguage. *Recherches sémiotiques / Semiotic Inquiry* 35(1): 63–84.
- Salupere, Silvi 2014. От текста к культуре. In: Kroó, Katalin; Torop, Peeter (eds.). *Text within Text – Culture within Culture*. Budapest-Tartu: L'Harmattan, 39–57.
- Salupere, Silvi; Torop, Peeter 2013. On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of the Tartu-Moscow School. In: Salupere, Silvi; Torop, Peeter; Kull, Kalevi (eds.). *Beginnings of the semiotics of culture*. Tartu: Tartu University Press. (Tartu Semiotics Library 13), 15–37.
- Salupere, Silvi 2012. Tartu Summer Schools of Semiotics at the Time of Juri Lotman. *Chinese Semiotic Studies* 6: 303–311.
- Salupere, Silvi 2011. Semiotics as science. *Sign Systems Studies* 39(2/4): 271–289.
- Salupere, Silvi 2010. Juri Lotmani kultuuritüpoloogiad. In: Lotman, Juri. *Kultuuritüpoloogiast*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 151–169.
- Salupere, Silvi 2008. О понятии “перевод” в трудах Юрия Лотмана. *Sign Systems Studies* 36.2: 417–436.

ELULUGU

Nimi: Silvi Salupere
Sünniaeg: 11. mai, 1956
Kodakondsus: eesti
Kontakt: Semiootika osakond; Filosoofia ja semiootika instituut,
Tartu Ülikool, Jakobi 2, 51014 Tartu; Estonia
E-mail: silvi.salupere@ut.ee

Haridustee:
2004–2012 Tartu Ülikool, semiootika ja kultuuriteooria, doktoriõpingud
1992–1996 Tartu Ülikool, vene ja slaavi filoloogia, MA
1974–1979 Tartu Ülikool, vene keel ja kirjandus, diplomiope
1974 Tartu A. H. Tammsaare nim. I Keskkool

Teenistuskäik:
1979–1980 Kärddla Keskkooli õpetaja
1981–1984 TÜ Humanitaarraamatukogu raamatukoguhoidja
1984 TÜ ajaloo ja semiootika laboratooriumi vanemlaborant
1984–1986 Tartu LNSK male treenerõpetaja
1986–1987 Eesti Loomakasvatuse ja Veterinaaria Teadusliku Uurimise
Instituudi vaneminsener-tehnoloog
1987–1991 TÜ vene kirjanduse kateedri vanemlaborant
1991–1992 Eesti Teaduste Akadeemia Filosoofia, Sotsioloogia ja Õiguse
Instituudi filosoofia osakonna insener
1994–1999 Nädalalehe “Programma/Sem” tõlk
1981–1993 TÜ vene kirjanduse osakonna õppeülesande täitja
1994–2001 Semiootika osakonna õppeülesande täitja
2001–2016 TÜ semiootika osakonna toimetaja
2001–2006 TÜ semiootika osakonna assistent
2006– TÜ semiootika osakonna lektor

Ühiskondlik tegevus:
Sign Systems Studies toimetaja
Tartu Semiotics Library toimetaja
Acta Semiotica Estica toimetaja

Olulisemad publikatsioonid:
Gramigna, Remo; Salupere, Silvi 2017. Umberto Eco and Juri M. Lotman on communication and cognition. In: Thellefsen, Torkild; Sørensen, Bent (eds.). *Umberto Eco in his own words*. Mouton de Gruyter. (Semiotics, communication and cognition 19), 248–257.
Salupere, Silvi 2016. Juri Lotman ja semiootika Tartu Ülikoolis. *Tartu Ülikooli Ajaloo Küsimusi* 44: 49–67.

- Grishakova, Marina; Salupere, Silvi 2015. A School in the Woods: Tartu-Moscow Semiotics. In: Grishakova, M., Salupere, S. (eds.). *Theoretical Schools and Circles in the Twentieth-Century Humanities: Literary Theory, History, Philosophy*. London-New York: Routledge, 173–195.
- Salupere, Silvi 2015. The cybernetic layer of Juri Lotman's metalanguage. *Recherches sémiotiques / Semiotic Inquiry* 35(1): 63–84.
- Salupere, Silvi 2014. От текста к культуре. In: Kroó, Katalin; Torop, Peeter (eds.). *Text within Text – Culture within Culture*. Budapest-Tartu: L'Harmattan, 39–57.
- Salupere, Silvi; Torop, Peeter 2013. On the beginnings of the semiotics of culture in the light of the Theses of the Tartu-Moscow School. In: Salupere, Silvi; Torop, Peeter; Kull, Kalevi (eds.). *Beginnings of the semiotics of culture*. Tartu: Tartu University Press. (Tartu Semiotics Library 13), 15–37.
- Salupere, Silvi 2012. Tartu Summer Schools of Semiotics at the Time of Juri Lotman. *Chinese Semiotic Studies* 6: 303–311.
- Salupere, Silvi 2011. Semiotics as science. *Sign Systems Studies* 39(2/4): 271–289.
- Salupere, Silvi 2010. Juri Lotmani kultuuritüpoloogiad. In: Lotman, Juri. *Kultuuritüpoloogiast*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 151–169.
- Salupere, Silvi 2008. О понятии “перевод” в трудах Юрия Лотмана. *Sign Systems Studies* 36.2: 417–436.

DISSERTATIONES SEMIOTICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Михаил Ю. Лотман.** Структура и типология русского стиха. Тарту, 2000.
2. **Елена Григорьева.** Эмблема: структура и прагматика. Тарту, 2000.
3. **Valdur Mikita.** Kreatiivsuskäsitluste võrdlus semiootikas ja psühholoogias. Tartu, 2000.
4. **Ирина Аврамец.** Поэтика новеллы Достоевского. Тарту, 2001.
5. **Ян Левченко.** История и фикция в текстах В. Шкловского и Б. Эйхенбаума в 1920-е гг. Тарту, 2003.
6. **Anti Randviir.** Mapping the world: towards a sociosemiotic approach to culture. Tartu, 2004.
7. **Timo Maran.** Mimikri kui kommunikatsiooni-semiootiline fenomen. Tartu, 2005.
8. **Элеонора Рудаковская-Борисова.** Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Tartu, 2005.
9. **Andres Luure.** Duality and sextets: a new structure of categories. Tartu, 2006.
10. **Peeter Linnap.** Fotoloogia. Tartu, 2006.
11. **Daniele Monticelli.** Wholeness and its remainders: theoretical procedures of totalization and detotalization in semiotics, philosophy and politics. Tartu, 2008.
12. **Andreas Ventsel.** Towards semiotic theory of hegemony. Tartu, 2009.
13. **Elin Sütiste.** Tõlke mõiste dünaamikast tõlketeaduses ja eesti tõlkeloos. Tartu, 2009.
14. **Renata Sõukand.** Herbal landscape. Tartu, 2010.
15. **Kati Lindström.** Delineating Landscape Semiotics: Towards the Semiotic Study of Landscape Processes. Tartu, 2011.
16. **Morten Tønnessen.** Umwelt transition and Uexküllian phenomenology. An ecosemiotic analysis of Norwegian wolf management. Tartu, 2011. 231 p.
17. **Anu Sarv.** Õppejõu eneserefleksioon ja professionaalne identiteet. Tartu, 2013, 141 lk.
18. **Vadim Verenich.** Semiotic models of legal argumentation. Tartu, 2014, 249 lk.
19. **Maarja Ojamaa.** The transmedial aspect of cultural autocommunication. Tartu, 2015, 173 p.
20. **Tiit Remm.** Sociocultural Space: Spatial Modelling and the Sociocultural World. Tartu, 2015, 142 p.
21. **Riin Magnus.** The Semiotic Grounds of Animal Assistance: Sign Use of Guide Dogs and Their Visually Impaired Handlers. Tartu, 2015, 154 p.
22. **Davide Weible.** Exaptation: Towards a Semiotic Account of a Biological Phenomenon. Tartu, 2016, 144 p.

23. **Mari-Liis Madisson.** The Semiotic Construction of Identities in Hypermedia Environments: The Analysis of Online Communication of the Estonian Extreme Right. Tartu, 2016, 195 p.
24. **Claudio Julio Rodríguez Higuera.** The Place of Semantics in Biosemiotics: Conceptualization of a Minimal Model of Semiotic Capabilities. Tartu, 2016, 148 p.
25. **Kadri Tüür.** Semiotics of Nature Representations: on the Example of Nature Writing. Tartu, 2017, 257 p.
26. **Gleb Netchvolodov.** Pictorially simplified images as machine vision design tool: semiotics approach. Tartu, 2017, 143 p.